

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ
АКАДЕМИЯ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

№ 1 (92)
2016

Научный журнал
Издается с июля 1993 года
Выходит четыре раза в год

Учредитель – Рязанская высшая школа МВД РФ
(федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний»).

Главный редактор А. Я. Гришко

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Распространяется на территории Российской Федерации. Подписные индексы:
Объединенный каталог «Пресса России» – 73800;
Internet-каталог «Российская периодика» (www.arpk.org) – 73800.

Представлен в системе Российского индекса научного цитирования (www.elibrary.ru).

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание
ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Адрес редакции, издателя, типографии: 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1.
E-mail: editor62@yandex.ru. *Тел. (факс):* (4912) 93-82-42; 93-46-40.

Редакторы

О. А. Кейзина, А. Ю. Пертли

Перевод

А. О. Алеевская, Т. Е. Алексеева, С. В. Буробина, О. Ф. Варламова,
И. Я. Жебраткина, Т. А. Зоткина, Д. Г. Кожечкина, Г. В. Кулакова

Компьютерная верстка

С. В. Ануфриев

Ответственный за выпуск

П. Н. Нестеров

Дата выхода в свет 28.03.2016. Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 19,0. Усл. печ. л. 17,7.
Тираж 1500 экз. Заказ № _____. Цена свободная.

Зарегистрирован Министерством печати и информации Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации СМИ № 01891 от 14.12.1992.

© Академия ФСИН России, 2016

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

КРЫМОВ Александр Александрович, председатель, доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань);

АНТОНЯН Юрий Миранович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, Москва);

ЗАРИПОВ Зарип Саидович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ЛЕБЕДЕВ Семен Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Москва);

МУЗЮКИН Анатолий Павлович, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Рязань);

НАУМОВ Анатолий Валентинович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва);

ПЛЕШАКОВ Владимир Алексеевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва);

ПОБЕГАЙЛО Эдуард Филиппович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, Рязань);

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва);

ШАТАЛОВ Александр Семенович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГРИШКО Александр Яковлевич, главный редактор, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

РЫЖОВ Роман Сергеевич, заместитель главного редактора, кандидат юридических наук, доцент (Россия, Рязань);

АКСЕНОВА Галина Ивановна, доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань);

БАРАБАНОВ Николай Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Россия, Рязань);

БЛИНКОВ Олег Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ГАВРИЛОВ Борис Яковлевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва);

ИГНАТЕНКО Виктор Иванович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Россия, Рязань);

КАШУБА Юрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ЛИТВИШКОВ Владимир Михайлович, доктор педагогических наук, профессор (Россия, Рязань);

МАКАРОВА Ольга Владимировна, доктор экономических наук, профессор (Россия, Рязань);

ПОЗДНЯКОВ Вячеслав Михайлович, доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва);

ПОЛИЩУК Николай Иванович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ПОНИКАРОВ Владимир Анатольевич, доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань);

СУХОВ Анатолий Николаевич, доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань);

СЫЧ Константин Антонович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ТЮГАЕВА Нина Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Россия, Рязань);

ЧИСТЯКОВ Алексей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ШУРУХНОВ Николай Григорьевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва);

ЮНУСОВ Абдулжабар Агабалаевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

НЕСТЕРОВ Павел Николаевич, ответственный секретарь (Россия, Рязань).

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЙ ФОРУМ

- 6 **НАУМОВ А. В.** Теоретическое обоснование внесения изменений и дополнений в Модельный уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств
- 15 **КРЫМОВ А. А.** Направления использования результатов оперативно-режимных мероприятий, осуществляемых в исправительных учреждениях: проблемы законодательного закрепления
- 21 **СКИБА А. П.** Приостановление исполнения наказания: недостатки уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального регулирования

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРАКТИКА

- 25 **ПОНИКАРОВ В. А., ГАБИБОВ Р. К.** Понятие административно-правового статуса следственного изолятора в правоохранительной деятельности Федеральной службы исполнения наказаний

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- 29 **ГРИШКО А. Я.** Об имплементации законодательства России и зарубежных стран о наказаниях в виде лишения свободы

ЛИНЗА ВРЕМЕНИ

- 35 **АКЧУРИН А. В.** История разработки проблем расследования преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях
- 44 **БЕБЯКИН М. В.** Эволюция благотворительных обществ для помощи осужденным в Российской империи

ВЕКТОР УПРАВЛЕНИЯ

- 49 **СМИРНОВА И. Н.** Современное состояние взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с судами и прокуратурой при контроле за поведением условно осужденных
- 53 **ЧЕБУХАНОВА Л. В.** О двойственной природе исполнения государственных программ Российской Федерации

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ – ИСПРАВЛЕНИЕ

- 59 **ИГНАТЕНКО В. И.** Особенности антиобщественного образа жизни несовершеннолетних
- 65 **БУКАЛЕРОВА Л. А.** Экономические отношения и международная преступность: уголовно-правовой и криминологический аспекты
- 70 **ЮНУСОВ А. А., АБДУРАЗАКОВ А. А.** Влияние религиозных организаций на предотвращение рецидива преступлений
- 74 **ГОРБАНЬ Д. В.** Прогрессивная система исполнения и отбывания наказаний, не связанных с лишением свободы
- 80 **ГРУШИН Ф. В., БОЯРЧЕНКОВА О. В.** Обязательные работы в Российской Федерации: факторы появления, некоторые проблемы и пути их решения
- 85 **ДРОЗДОВ А. И., ОРЛОВ А. В.** Проблемы законодательной регламентации и практики применения условно-досрочного освобождения
- 90 **КИЙКО Н. В.** Соотношение субъективных прав и законных интересов осужденных
- 96 **СУХАРЕВ С. Н.** Социальная обусловленность уголовной ответственности несовершеннолетних
- 100 **ТУЛЕГЕНОВ В. В.** Индивидуальный и групповой криминальный профессионализм
- 105 **КАШИН О. В.** Об уголовной ответственности за подкуп свидетеля, потерпевшего, истца, эксперта, специалиста или переводчика

АНАЛИЗ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

- 110 **БУРАНОВА Е. А., КУТАКОВ Н. Н.** Экономическая безопасность в учреждениях уголовно-исполнительной системы: проблемы и пути развития

- 115 **РОЖКОВА Н. В.** Актуальные аспекты учета движения основных средств в учреждениях уголовно-исполнительной системы
- 120 **ЧЕРНЫШОВ И. Н.** Цели труда в системе исправления осужденных

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

- 127 **ГАВРИНА Е. Е., СИМАКОВА Т. А.** Индивидуальное правосознание как личностный феномен в контексте образовательной деятельности
- 133 **ГОРНОСТАЕВ С. В.** Служебная лояльность сотрудников как научная проблема и фактор обеспечения безопасности и эффективности в функционировании уголовно-исполнительной системы
- 139 **НЕКРАСОВ Д. Е.** Межведомственные аспекты подготовки сотрудников органов внутренних дел и уголовно-исполнительной системы по антиэкстремистской тематике уголовно-правовых дисциплин
- 145 **Требования к статьям, представляемым для опубликования в научном журнале «Человек: преступление и наказание»**

CONTENTS

SCIENCE FORUM

- 6 *NAUMOV A. V.* The theoretical justification of amendments and additions to the model criminal code for states – members of CIS
- 15 *KRYMOV A. A.* Areas of usage of the results of detective activities in correctional institutions: issues of providing a legislative framework
- 21 *SKIBA A. P.* Suspension of sentence enforcement: the shortcomings of the penal and criminal procedure regulation

ADMINISTRATIVE PRACTICE

- 25 *PONIKAROV V. A., GABIBOV R. K.* Concept of administrative legal status of a pre-trial detention center of law-enforcement activity of FSIN of Russia

ABROAD

- 29 *GRISHKO A. Y.* On implementing the legislation of Russia and of some foreign countries on the punishments of deprivation of liberty

TIME LENS

- 35 *AKCHURIN A. V.* History of development of investigation issues of crimes committed by convicts in correctional institutions
- 44 *BEBJAKIN M. V.* Evolution of charitable societies for the help for prisoners in the Russian Empire

MANAGEMENT VECTOR

- 49 *SMIRNOVA I. N.* The modern state of interaction between criminal-executive inspections with the courts and prosecutor's office in monitoring the behavior of conditionally convicted persons
- 53 *CHEBUHANOVA L. V.* On the dual nature of execution of the state programmes of the Russian Federation

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

- 59 *IGNATENKO V. I.* Features of the antisocial way of life of minors
- 65 *BUKALEROVA L. A.* Economic relations and international crime: criminally-legal and criminological aspects
- 70 *JUNUSOV A. A., ABDURAZAKOV A. A.* Influence of the religious organizations on prevention of recurrence of crimes
- 74 *GORBAN'D. V.* Progressive system of executing and serving the sentences not connected with deprivation of liberty
- 80 *GRUSHIN F. V., BOJARCHENKOVA O. V.* Obligatory works in the Russian Federation: emergence factors, some problems and ways of their decision
- 85 *DROZDOV A. I., ORLOV A. V.* Problems of the legislative regulation and practice of application of the parole
- 90 *KIJKO N. V.* Correlation of legal rights and legitimate interest of convicts
- 96 *SUHAREV S. N.* Social conditionality of criminal liability of minors
- 100 *TULEGENOV V. V.* Individual and group criminal professionalism
- 105 *KASHIN O. V.* Criminal liability for bribery of witness, victim, plaintiffs, experts, specialists or interpreters

THE COMPETITIVENESS ANALYSIS

- 110 *BURANOVA E. A., KUTAKOV N. N.* Economic security in penal establishments: problems and ways of development
- 115 *ROZHKOVA N. V.* Relevant aspects of the accounting movements of fixed assets in prisons
- 120 *CHERNYSHOVI. N.* The goals of labor in system of correction of convicts

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

- 127 *GAVRINA E. E., SIMAKOVA T. A.* Individual legal consciousness as a personal phenomenon in the frame of educational activities
- 133 *GORNOSTAEV S. V.* Service loyalty of the staff as a scientific problem and a factor of security and efficiency in the functioning of the penal system
- 139 *NEKRASOV D. E.* Interinstitutional aspects of the training of law enforcement and penal enforcement officers on the subject of the counter-extremism activity of criminal disciplines
- 145 **Requirements to articles presented for publication in the scientific magazine «The Person: crime and punishment»**

**ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ВНЕСЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЙ И ДОПОЛНЕНИЙ
В МОДЕЛЬНЫЙ УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС ДЛЯ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ
СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ**

Реферат: статья посвящена теоретическому обоснованию внесения изменений и дополнений в Модельный уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств (СНГ). Приводится история принятия этого Кодекса и характеристика внесенных в него Межпарламентской ассамблеей государств – участников СНГ поправок. Особое внимание уделяется предлагаемым предложениям об изменении текста Модельного уголовного кодекса. В первую очередь это касается исключения из него такого наказания, как смертная казнь, и введения уголовной ответственности юридических лиц (обе предлагаемые поправки рассматриваются на основе анализа соответствующих положений доктрины уголовного права, основополагающих норм и принципов международного права и правотворческой практики Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и парламентов других стран Содружества). Кроме того, дается теоретическое обоснование предлагаемых изменений Модельного уголовного кодекса, связанных с толкованием понятия совокупности преступлений и специфики назначения наказания за совершение преступлений небольшой тяжести.

Ключевые слова: Модельный уголовный кодекс, Содружество Независимых Государств, преступность, наказание, лишение свободы, смертная казнь, уголовная ответственность.

Модельный уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств был принят 17 февраля 1996 г. Межпарламентской ассамблеей государств – участников Содружества. Работа над проектом такого Кодекса велась на основе постановления Межпарламентской ассамблеи от 28 октября 1994 г. «О правовом обеспечении интеграционного развития Содружества Независимых Государств» и в соответствии с постановлением Совета Межпарламентской ассамблеи от 14 февраля 1995 г. № 4 «О программном комитете и рабочих группах по созданию модельных уголовного и уголовно-процессуального кодексов для государств – участников СНГ» (автор статьи входил в состав рабочей группы по созданию проекта Модельного уголовного кодекса от Российской Федерации).

Чем было обусловлено принятие решения о создании указанного Модельного уголовного кодекса? В первую очередь необходимостью определенного сближения уголовного законодательства государств – участников СНГ в связи с проводимыми во всех них уголовно-правовыми реформами и созданием собственных уголовных кодексов в целях обеспечения единства подходов и взаимодействия в борьбе с преступностью [1]. Следует отметить особенности ука-

занных законотворческих процессов в странах – республиках бывшего Союза ССР: качественное изменение преступности, совпавшее с известным процессом глобализации, резкое усиление международной преступности, включая организованную, коррупционную, наркотическую; определенный разрыв связей соответствующих правоохранительных органов этих государств (вследствие распада СССР), призванных осуществлять противодействие такой преступности; сложность проводимых в них политических и социально-экономических преобразований. Указанный Модельный кодекс должен был учесть все эти трудности и создать общее правовое представление о том, каким требованиям должно отвечать новое уголовное законодательство государств – участников созданного Содружества Независимых Государств с учетом мирового опыта борьбы с преступностью и сохранением того положительного, что было накоплено этими республиками в рамках СССР. Предполагалось, что Модельный уголовный кодекс будет своего рода образцом законодательного решения создания собственных кодексов государствами – членами СНГ на основе формулирования общих для государств принципов уголовной политики.

Следует отметить, что в Советском Союзе существовал доктринальный опыт создания Модельного

уголовного кодекса. В 1982 г. при Институте государства и права АН СССР под руководством В. Н. Кудрявцева (в то время директора этого института, а впоследствии академика и вице-президента АН СССР) была создана исследовательская группа для подготовки теоретической модели Общей части советского уголовного законодательства. Опыт доктринального моделирования уголовного закона к этому времени имелся в зарубежном уголовном праве. Например, на русский язык был переведен и опубликован так называемый Примерный уголовный кодекс США, являвшийся официальным проектом Института американского права. «Этот кодекс – продукт десятилетнего труда большой группы американских юристов: преподавателей, судей, адвокатов, деятелей тюремного ведомства, работников в области наблюдения за условно осужденными и условно-досрочно освобожденными, а также криминологов и психиатров... Для кодекса, как и для другой продукции института, характерно то, что ввиду многообразия состава работавших над его подготовкой специалистов он выражает точку зрения не какой-либо одной группы юристов, а, насколько это возможно, всего «юридического сословия» страны или по крайней мере преобладающей его части» [2, с. 5–6].

В состав «игпановской» группы кроме сотрудников института были включены сотрудники других научно-исследовательских учреждений и вузов страны. Результат этой работы был опубликован в 1987 г. в виде комментированного издания предложенной авторами Теоретической модели уголовного закона [3]. В советское время это был первый и единственный подобного рода опыт, оказавший достаточно серьезное влияние на развитие советского уголовного законодательства. Его следы видны и в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 г. (не вступивших в силу по причине распада Союза ССР), и в действующем УК РФ (1996 г.). Некоторые можно обнаружить и в тексте Модельного уголовного кодекса для государств – участников Содружества Независимых Государств. Это нормы о задачах и принципах уголовного законодательства (ст. 1–10), и о действии уголовного закона во времени (ст. 11), и о действии уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов государства – участника Содружества Независимых Государств (ст. 14), и о категориях преступлений (ст. 18), и об ограниченной вменяемости (ст. 24), и др.

К моменту принятия Модельного уголовного кодекса новый Уголовный кодекс был принят только в одном государстве – участнике СНГ – Республике Узбекистан (вступил в действие с

1 апреля 1995 г.). Сравнение уголовных кодексов других государств – участников СНГ с содержанием Модельного уголовного кодекса позволяет утверждать, что в той или иной мере его основные положения были учтены разработчиками национальных уголовных кодексов и стоящая перед ним главная задача была, таким образом, выполнена. Как и любой законодательный акт, Модельный уголовный кодекс должен быть стабильным и в то же время отвечать на изменившиеся социально-политические условия, международную обстановку, на уровень и состояние современной преступности (в первую очередь международного терроризма) и другие значимые социально-экономические факторы. Известно, что некоторые страны ограничивают свое участие в СНГ (Грузия, Украина, Молдова). Однако отчетливо проступает и иная тенденция – их сближение на экономической почве. Так, вначале был создан ЕврАзЭС с участием Белоруссии, Казахстана и Российской Федерации, что потребовало более тесного сближения законодательства этих стран, в том числе по таможенному законодательству (включая уголовно-правовые нормы об ответственности, например, за контрабанду). С 2015 г. состав ЕврАзЭС был расширен за счет участия в нем Республики Армения и Кыргызской Республики, что также ставит решение проблем правотворческого плана.

Нельзя не учитывать, что после принятия Модельного уголовного кодекса прошло более 20 лет и, несмотря на внесенные в него изменения и дополнения по вопросам, касающимся борьбы с терроризмом (принятых на 27-м пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ – постановление от 16 ноября 2006 г. № 27-6), возник целый ряд вопросов, требующих, по нашему мнению, внесения новых уточнений в текст Модельного уголовного кодекса. На первом месте по их важности остается уточнение позиции, сформулированной в Модельном кодексе по проблеме смертной казни. В соответствии с п. «о» ст. 46 Кодекса к видам наказания относятся и смертная казнь. Согласно ст. 60 этого Кодекса она означает расстрел и может быть назначена как исключительное наказание только за особо тяжкие преступления, сопряженные с умышленным лишением жизни человека при отягчающих обстоятельствах. При этом оговаривается, что такое наказание не применяется к женщинам, а также к лицам, совершившим преступление в возрасте до восемнадцати лет, и мужчинам в возрасте старше шестидесяти пяти лет и что в порядке помилования смертная казнь может быть заменена пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок в двадцать пять лет. Такое существенное ог-

раничение возможности применения смертной казни было обусловлено отчетливо выраженной уже к началу 90-х годов XX века тенденцией мирового сообщества в направлении сокращения применения смертной казни и даже ее упразднения, зафиксированной в основополагающих международно-правовых актах. Так, Генеральная Ассамблея ООН 15 декабря 1989 г. приняла Второй факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленный на отмену смертной казни, и призвала все правительства, которые могут это сделать, рассмотреть вопрос о подписании его и ратификации или присоединении к нему. На момент принятия Модельного уголовного кодекса его нормы о смертной казни являлись своего рода правовым «идеалом», указавшим на общую тенденцию – исключение в будущем смертной казни из видов уголовного наказания. Однако к сегодняшнему времени эти нормы устарели для большинства государств – участников СНГ. Большинство указанных государств пошли дальше и нормативно (законодательно) отказались от применения смертной казни, либо исключив это наказание, как таковое, из своих уголовных кодексов, либо установив на его применение мораторий. Первый (наиболее предпочтительный в этом отношении) вариант осуществлен в уголовном законодательстве всех государств – участников СНГ, кроме Республики Беларусь, Республики Казахстан, Российской Федерации и Республики Таджикистан. Однако в Российской Федерации установлен мораторий на применение смертной казни (объявлен Конституционным Судом РФ) с 1999 г., а также в Республике Казахстан (по указу Президента РК) с 2004 г., в Республике Таджикистан (по постановлению парламента) с 2004 г. Таким образом, законодательная возможность применения смертной казни сохраняется лишь в единственном государстве – участнике СНГ – в Республике Беларусь. В связи с этим требуется, чтобы нормы о смертной казни как виде уголовного наказания были исключены из текста Модельного уголовного кодекса, как уже устаревшие и переставшие служить своеобразным ориентиром для национального законодателя. Это будет соответствовать, во-первых, важнейшим международно-правовым актам, регулирующим данный вопрос (в первую очередь Протоколу № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод об отмене смертной казни); во-вторых, ярко выраженной тенденции на сокращение применения этого вида наказания [4, с. 694]. Опыт государств – участников СНГ, отменивших законодательно либо практически смертную казнь, свидетельствует о явно преувели-

ченной в массовом сознании (а порой и среди профессиональных юристов) эффективности данного вида наказания. Нигде в связи с отменой или приостановлением применения смертной казни не произошел видимый всплеск преступности, в том числе умышленных убийств. Проиллюстрируем это статистикой зарегистрированных убийств в Российской Федерации. В 1997 г. их было зарегистрировано 28 467, 1998 – 28 794, 1999 – 30 337, 2000 – 31 052, 2001 – 32 792, 2002 – 31 579, 2003 – 30 959, 2004 – 30 994, 2005 – 30 362 (началось устойчивое снижение регистрируемости таких преступлений), 2006 – 27 039, 2007 – 21 896, 2008 – 19 740, 2009 – 17 681, 2010 – 15 563, 2011 – 14 305, 2012 – 13 256, 2013 – 12 361, в 2014 г. – 11 933 преступления.

Крайне важным представляется и решение в Модельном уголовном кодексе такой проблемы, как уголовная ответственность юридических лиц. Известно, что субъектом преступления по российскому уголовному праву признается только *физическое* лицо, совершившее запрещенное уголовным законом общественно опасное деяние (действия или бездействие) и способное нести за него уголовную ответственность. Это вытекает из ряда статей Модельного уголовного кодекса для государств – участников Содружества Независимых Государств. Так, в ст. 13–15, 21 говорится о том, что субъектом преступления и уголовной ответственности могут быть только физические лица (в том числе граждане государств – участников СНГ), иностранные граждане и лица без гражданства. Ограничение круга возможных субъектов преступления физическими лицами означает, что субъектами преступления не могут быть юридические лица, то есть предприятия, учреждения, организации, партии. Однако в теоретическом плане проблема ответственности юридических лиц в уголовном праве остается дискуссионной.

С течением времени развитие научно-технического и социального прогресса заставляет нас отказываться от многих привычных представлений. По этой же причине перед нами нередко возникают неожиданные вопросы, отвечать на которые хотя и крайне трудно, но необходимо. В сфере уголовного права один из таких сложных вопросов – уголовная ответственность юридических лиц. Классическим принципом уголовного права является принцип личной ответственности виновного, то есть ответственности лишь вменяемого, достигшего определенного возраста физического лица, совершившего запрещенное уголовным законом преступное деяние. Этот принцип, бесспорно, является одним из самых важных завоеваний человечества на его пути к цивилизации, прогрессу и демократии. Провоз-

глашен он был еще в конце XVIII в. в ходе Великой французской революции. Данный принцип вытеснил существовавшее до этого общее представление об уголовной ответственности как ответственности не только за виновное совершение преступления, но и за причинение любых опасных и вредных последствий, сложившееся в феодальную эпоху. Последние же могли быть причинены и неживыми предметами (известно, например, что в России в 1553 г. был осужден за государственное преступление церковный колокол, «призывавший» народ к восстанию в Угличе; мятежный колокол был наказан кнутом и сослан в Сибирь). В рамки такого понимания уголовной ответственности органически вписывалась и ответственность юридических лиц (например, во Франции в XVII в. предусматривались уголовные наказания за преступления, совершенные корпорациями и общинами).

В более поздние времена ответственность юридических лиц была восстановлена, например, в американском уголовном праве. Вначале (на стыке XIX–XX вв.) это было сделано в сфере хозяйственного уголовного права для борьбы с преступной деятельностью синдикатов и трестов. Разумеется, в этом случае соответствующая корпорация, признаваемая виновной, не лишалась свободы, а приговаривалась к штрафу. Позднее в уголовном законодательстве США была предусмотрена уголовная ответственность общественных организаций, также наказываемых штрафом в рамках уголовного процесса. Советская правовая доктрина безапелляционно квалифицировала такие уголовно-правовые установления как антидемократические, вызванные кризисом буржуазной законности. Однако в этот идеологический спор вмешались экологические проблемы, серьезно воспринятые в СССР лишь после чернобыльской трагедии.

Запад (особенно Европа) опережал Советский Союз как в понимании экологической проблемы в целом, так и в способах правового реагирования на нее. Уголовно-правовые санкции, применяемые за эти преступления, призваны были сделать экономически невыгодным занятие экологически вредной производственной или иной деятельностью для всех работников соответствующего предприятия, а не только для его хозяина и управленческого персонала. Штрафные санкции, применяемые к юридическим лицам, были способны реализовать эту идею, а штрафы, применяемые к физическим лицам, нет (в силу хотя бы их существенного различия в размерах). Европейские страны задумались над этим еще в 1970-х гг. Так, в 1978 г. Европейский комитет по проблемам преступности Совета Европы рекомендовал законодателям евро-

пейских государств встать на путь признания юридических лиц субъектами уголовной ответственности за экологические преступления, что было реализовано в законодательстве ряда европейских стран (например, Англии и Франции). Такая рекомендация содержится и в решениях периодически проводимых конгрессов ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (в том числе Каирского 1996 г.).

Следует отметить, что на эти рекомендации откликнулось и российское административное право. Еще в соответствии с Законом РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» такие административно-правовые санкции, как штрафы, могли налагаться не только на должностных лиц и отдельных граждан, но и на предприятия и организации, виновные в совершении экологических правонарушений. В ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ юридическое лицо также признается виновным в совершении административного правонарушения. Уголовное же право по этому поводу пока молчит.

В чем мог бы состоять положительный эффект реализации европейских рекомендаций? Скептики обычно говорят, что можно установить предельно высокие штрафы в отношении конкретных виновников экологического преступления. Однако естественно, что возможность их выплаты у физических и юридических лиц сильно отличается. Часто штрафную проблему предлагают решить в рамках административного права, устанавливая в соответствующих нормах сколь угодно большие по размеру штрафы. Тем не менее очевидно, что административно наказуемое экологическое правонарушение не может быть уравнено по степени общественной опасности, а проще говоря, по степени тяжести возможных или уже наступивших последствий с экологическим преступлением. Доводом против предлагаемого решения является и то, что в настоящее время специально уполномоченные органы в области охраны природы могут принять решение об ограничении или приостановлении деятельности предприятий и иных объектов, если их деятельность является экологически вредной (например, с превышением лимитов выбросов и сбросов загрязняющих веществ). Но почему такая санкция не может быть применена судом в рамках уголовного процесса? Если мы говорим о законности, о правовых началах борьбы с экологическими преступлениями, то уровень законности в уголовном процессе выше, чем в административном. Следует учитывать и возможность возмещения ущерба, причиненного окружающей среде, в порядке гражданского иска в рамках уголовного процесса. В этом случае права по-

терпевших от экологического преступления (человек, общество и природа) будут куда надежнее защищены, чем при другой форме судебного или иного производства.

Что толку от того, что в результате чернобыльской трагедии несколько конкретных ее виновников были осуждены к длительным срокам лишения свободы? Что проку было бы в том, если были бы препровождены в места не столь отдаленные два-три руководителя бывшего Минводхоза СССР за то, что строительство так называемых оросительных каналов привело к засолению десятков тысяч гектаров пахотной земли? А вот если бы за преступные опыты по переделыванию природы в рамках уголовного процесса была бы установлена вина организации (Минводхоза СССР) и ее деятельность по приговору суда была бы приостановлена, а сама организация распущена или запрещена (может быть, вместе с соответствующими проектными институтами, разрабатывавшими свои преступные в экологическом смысле проекты), проку было бы куда больше.

Поднятый вопрос касается не только экологических преступлений. Рынок и рыночные отношения в экономике едва ли не неизбежно приведут (об этом свидетельствует опыт благополучных в этом отношении государств) к установлению уголовной ответственности корпораций за хозяйственно-экономические преступления. Возвращаясь к проблеме уголовной ответственности юридических лиц в целом, зададимся вопросами: как же быть с классическими принципами уголовного права? Неужели придется поступиться ими? Переоценить и отказаться от них? Делать этого не следует. Ответственность юридических лиц вполне может сосуществовать с принципом личной виновной ответственности и дополнять его.

В теории советского уголовного права и на постсоветском пространстве предложения о возможности признания юридического лица субъектом преступления стали всерьез обсуждаться с 1991 г. [5, 6]. Положительно этот вопрос был решен и в обоих проектах уголовного кодекса, положенных в основу нового УК РФ. Однако при обсуждении и голосовании проекта в первом чтении в Государственной Думе Российской Федерации данное предложение не прошло, и новый УК РФ в этом отношении остался на прежних позициях. Продолжение обсуждения данной проблемы в юридической науке свидетельствует о том, что научное сообщество по вопросу о необходимости или, напротив, ненужности реализации такой концепции разделилось примерно на две равные части. Одни – за ее воплощение в закон, другие – категорически против этого. Напомним лишь, что

проблема эта уже давно «стучится» в «двери», например, российского уголовного законодательства сугубо практически – в рамках правотворческого процесса. Во-первых, как уже отмечалось, о такой ответственности указывалось в обоих официальных проектах нынешнего УК РФ, поступивших в середине 90-х гг. в Государственную Думу Российской Федерации, из «соединения» которых и получился действующий Уголовный кодекс [7, с. 56–57]. Нормы об уголовной ответственности юридических лиц «потерялись» лишь на последнем этапе принятия Кодекса. Во-вторых, в 2011 г. в Государственной Думе официально обсуждался проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием противодействия преступлениям, совершаемым от имени и в интересах юридических лиц». Примерно в то же время Следственный комитет Российской Федерации подготовил проект федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц», в котором предлагалось дополнить раздел VI УК РФ гл. 15.2 «Меры уголовно-правового характера в отношении юридических лиц», включающей в себя 12 новых статей, регулирующих рассматриваемый институт. Наконец, уже в марте 2015 г. в Думу был внесен законопроект федерального закона № 750443-б «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением уголовной ответственности юридических лиц» [8]. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на то, что обсуждаемый вопрос перестал быть сугубо теоретическим, а достаточно твердо встал на почву практического нормотворчества.

Противники концепции апеллируют к тому, что идея уголовной ответственности юридических лиц – это детище системы общего права (англосаксонского) и является якобы чужеродным для европейского континентального права (романо-германского), в семью которого в постсоветское время вернулась и Россия. Действительно, исторически такая ответственность была установлена в американском уголовном праве. Вначале (в конце 80-х гг. XIX века) это было сделано в сфере хозяйственного уголовного права в рамках антитрестовского законодательства (например, известные законы Шермана) в качестве мощного инструмента в борьбе с монополизмом как главным врагом рыночной экономики. Антитрестовские законы под страхом уголовной ответственности запрещали любое ограничение конкуренции в торговой или промышленной сфере. Они в связи с установлени-

ем громадных по размеру денежных штрафов делали экономически невыгодным для корпорации нарушение соответствующих запретов, и этот опыт был воспринят в других странах, относящихся к системе общего права.

В конце 70-х годов XX века институт уголовной ответственности юридических лиц стал принадлежностью многих стран, уголовное законодательство которых относится к романо-германскому (европейскому континентальному) праву. В настоящее время эти рекомендации восприняли следующие страны европейского континентального права: Австрия, Бельгия, Босния и Герцеговина, Голландия, Грузия, Дания, Исландия, Литва, Люксембург, Македония, Молдова, Норвегия, Польша, Португалия, Румыния, Финляндия, Франция, Хорватия, Черногория, Швейцария. Следует отметить, что данный институт воспринят также КНР (как социалистической страной с рыночной экономикой), рядом мусульманских стран (например, Албания, Иордания, Ливан, Сирия), а также Израилем (с его «смешанной» системой уголовного права).

Таким образом, этот институт можно назвать универсальным и не зависящим от особенностей государственно-политического устройства той либо иной страны. Назрел этот вопрос и для государств – участников СНГ. Правонарушения, совершаемые корпорациями, не всегда укладываются в рамки административных или гражданско-правовых деликтов, и в ряде случаев существующая административная и гражданско-правовая ответственность оказывается в борьбе с ними неэффективной (судьба Байкала в России – наглядный тому пример). Положительное решение этой проблемы безусловно окажет благотворное воздействие на развитие экономики стран СНГ. Вместе с тем эта проблема не ограничивается вопросами противодействия экономической преступности. Ее решение будет способствовать предупреждению вреда многим объектам уголовно-правовой охраны (жизни и здоровья граждан, экологической и общественной безопасности).

Противники рассматриваемой концепции считают, что проблема является надуманной и, как уже отмечалось, все возможные санкции в отношении юридического лица (денежные штрафы, приостановление деятельности юридического лица или даже запрет на нее) вписываются в административное право, которое такую ответственность уже предусматривает. С этим трудно согласиться. Никуда не деться от отраслевого уровня тех же денежных штрафов. Есть уголовно-правовой и есть административно-правовой. Известно, что штраф, присуждаемый американскими судами к уплате корпорациями, может исчисляться миллио-

нами и даже миллиардами долларов. Например, в США в рамках уголовной ответственности юридических лиц известная корпорация Siemens была присуждена к штрафу в размере около 2 млрд долларов США. Штрафы такого размера не вписываются в административное право. Можно ли представить себе такие штрафы, например, в КоАП РФ? Но дело даже не в этом. Главное – в уровне законности судебных и иных юридических процедур в административном и уголовном процессе. Это касается не только экономических и экологических преступлений. В советские времена институт уголовной ответственности юридических лиц однозначно оценивался как антидемократический в связи с известными процессами в США, связанными, например, с деятельностью профсоюзов, с запретом компартии. Однако рассмотрение этих вопросов в рамках состязательного уголовного процесса с участием в нем защиты представляется, по крайней мере, не менее демократичным, чем решение тех же вопросов в рамках процесса административного (гарантии прав подсудимых уж сильно разнятся) [9, 10].

Самым трудным в решении проблемы корпоративной (коллективной) уголовной ответственности юридических лиц является вопрос об уголовно-правовой *вине* корпораций (коллективов). Сторонники концепции обычно склоняются к психологическому (субъективному) подходу к определению вины юридического лица. Соответственно вину юридического лица в совершении преступления предлагается определять в зависимости от вины физических лиц, осуществляющих в нем функции управления. Представляется, что авторы такой идеи идут в этом отношении по «легкому» пути, распространив традиционное понимание вины в уголовном праве на корпоративное (коллективное) преступление. На наш взгляд, это традиционное психологическое понимание вины (по УК РФ и Модельному уголовному кодексу) как умысла и неосторожности было создано в уголовном праве исключительно в отношении уголовной ответственности физических лиц, а исторически еще до того, как корпоративная (коллективная) уголовная ответственность была «прописана» в уголовном законе (уголовном праве). Корпоративная (коллективная) уголовная ответственность является принципиально (качественно) отличной от уголовной ответственности физических лиц и требует также принципиально нового подхода к решению проблемы в уголовном законе (уголовном праве). В связи с этим не может быть, например, коллективной (корпоративной) небрежности или такого же легкомыслия. Заслуживает внимания уголовное законодательство тех стран, которые не связывают

вину юридических лиц с ее психологическим содержанием (УК Франции, штата Нью-Йорк).

Обсуждаемая проблема законодательно перешагнула и границы СНГ. Так, в ст. 21 УК Республики Молдова субъектом преступления и уголовной ответственности признается не только физическое, но и юридическое лицо. В ч. 3 этой статьи определяется, что юридическое лицо, за исключением органов публичной власти, привлекается к уголовной ответственности за деяние, предусмотренное уголовным законом, при наличии одного из следующих условий:

– юридическое лицо виновно в невыполнении или ненадлежащем выполнении прямых предписаний закона, устанавливающих обязанности или запреты относительно осуществления определенной деятельности;

– юридическое лицо виновно в осуществлении деятельности, не соответствующей предусмотренной в учредительных документах или заявленным целям;

– деяние, причиняющее или создающее реальную опасность причинения ущерба в значительных размерах личности, обществу или государству, было совершено в интересах этого юридического лица или было допущено, санкционировано, утверждено, использовано органом или иным лицом, наделенным функциями руководства данным юридическим лицом». В ч. 4 решен вопрос о наказаниях для юридического лица: «Юридические лица, за исключением органов публичной власти, несут уголовную ответственность за преступления, за совершение которых предусмотрено наказание для юридических лиц в Особенной части настоящего Кодекса», а в ч. 5 (той же ст. 21) уточняется, что уголовная ответственность юридического лица не исключает ответственность физического лица за совершенное преступление. Представляется, что с точки зрения законодательной техники опыт молдавского законодателя заслуживает пристального внимания (по крайней мере, он лишен некоторых недостатков подобных законопроектов, обсуждавшихся в Государственной Думе РФ, например, привязка вины юридического лица к умыслу и неосторожности как ее психологическому содержанию). В связи с этим представляется возможным внести соответствующие изменения в текст ст. 21 Модельного уголовного кодекса в качестве ее самостоятельной части (частей), в ст. 46 в качестве самостоятельной ч. 2 (нынешнюю редакцию статьи сделав ч. 1 о видах наказания), а также в санкции соответствующих статей Особенной части Кодекса.

Изучение судебной практики государств Содружества применения такого наказания, как лишение

свободы на определенный срок, свидетельствует о том, что нередко (например, в Российской Федерации) такое наказание назначается и лицам, совершившим преступление небольшой тяжести, что может привести (и подчас приводит) к необоснованному увеличению контингента исправительных учреждений. В ч. 1 ст. 61 Модельного уголовного кодекса существует справедливое ограничение применения такой меры наказания: «Более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается в случае, если менее строгий его вид не сможет обеспечить достижение целей наказания». Такой ограничитель срабатывает не всегда и в первую очередь при назначении наказания именно за преступления небольшой тяжести. В связи с этим необходим еще один сигнал законодателя судейскому корпусу. В ст. 58 Модельного уголовного кодекса предлагается внести самостоятельную часть 2.1 следующего содержания: «За преступление небольшой тяжести лицу, впервые совершившему такое преступление, только при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63 Кодекса» (редакция формулировки по типу ч. 1 ст. 56 УК РФ).

Модельный уголовный кодекс сформулировал принцип справедливости и в ч. 2 ст. 9 закрепил провозглашенное известными международно-правовыми актами (например, Протокол № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Страсбург, 22 ноября 1984 г.) правило о том, что «никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление». Однако судебная практика (в том числе государств – участников СНГ, например Российской Федерации) нередко не учитывает такого исключения в случаях квалификации так называемых составных преступлений, состав которых сконструирован по типу «убийство, сопряженное с разбоем, вымогательством и бандитизмом», признавая здесь наличие совокупности соответствующих преступлений. Доктринальное же толкование чаще всего усматривает в этом случае проявление двойной ответственности. Один раз виновный наказывается за убийство, совершенное с разбоем, вымогательством или бандитизмом (повышенная ответственность наступает только в связи с тем, что соответствующее убийство было сопряжено с разбоем, вымогательством или бандитизмом; в противном случае речь шла бы об ответственности за убийство без отягчающих обстоятельств), а второй раз – опять-таки за совершение тех же разбоя, вымогательства, бандитизма, то есть ответственность за «сопряженность» с убийством других преступлений наступает дважды. В связи с этим необходим определенный законодательный ограничитель, препятствующий пре-

одолению запрета на возможную двойную уголовную ответственность за совершение одного и того же преступления. Это сделано в УК РФ. Статья 17 «Совокупность преступлений» (соответствует тексту ч. 1 ст. 19 Модельного уголовного кодекса)

дополнена следующими словами: «...за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части настоящего Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание».

Список литературы

1. Волженкин Б. В. Пояснительная записка к Модельному уголовному кодексу для государств – участников Содружества Независимых Государств // Правоведение. 1996. № 1. С. 88–90.
2. Примерный уголовный кодекс (США). Официальный проект Института американского права / пер. с англ. А. С. Никифорова ; под ред. и предисл. Б. С. Никифорова. М., 1969. 303 с.
3. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, С. Г. Келина. М., 1987. 276 с.
4. Квашиш В. Е. Смертная казнь. Мировые тенденции, проблемы и перспективы. М., 2008. 800 с.
5. Келина С. Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК Российской Федерации // Уголовное право: новые идеи / под ред. С. Г. Келиной, А. В. Наумова. М., 1994. С. 50–60.
6. Никифоров А. С. Об уголовной ответственности юридических лиц // Уголовное право: новые идеи / под ред. С. Г. Келиной, А. В. Наумова. М., 1994. С. 43–49.
7. Преступление и наказание. Комментарий к проекту Уголовного кодекса России / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, А. В. Наумова. М., 1993. 304 с.
8. Наумов А. В. Уголовная ответственность юридических лиц // LEX RUSSICA. 2015. № 7. С. 59–63.
9. Наумов А. В. Российское уголовное право : курс лекций : в 3 т. ; 5-е изд., перераб. и доп. М., 2011. Т. 1 : Общая часть.
10. Наумов А. В. Преступление и наказание в истории России : в 2 ч. М., 2014. Ч. 2. 296 с.

ANATOLY VALENTINOVICH NAUMOV,

dsc in law, professor,
professor of the criminal law and criminology department
(Russian state university of justice),
e-mail: yasenaum34@mail.ru

THE THEORETICAL JUSTIFICATION OF AMENDMENTS AND ADDITIONS TO THE MODEL CRIMINAL CODE FOR STATES – MEMBERS OF CIS

Annotation: the article is devoted to theoretical justification of amendments and additions to the Model criminal code for States – members of CIS. The history of the adoption of this Code and the characterization made by the Interparliamentary Assembly of States – participants of CIS of the amendments. Special attention is given to the author’s suggestions about changing the text of the Model criminal code. In particular this applies to exceptions to such punishment as the death penalty, and the introduction of criminal liability of legal persons (both proposed amendments are considered on the basis of the analysis of the relevant provisions of criminal law doctrine, the fundamental norms and principles of international law and law-making practices of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation and the parliaments of other Commonwealth countries). In addition, we give a theoretical justification of the proposed changes by the author of the Model criminal code, involving the interpretation of the concept of multiple offenses and the specific punishment for committing a minor offense.

Key words: Model criminal code, the common wealth of independent states; crime, punishment, imprisonment, death penalty, criminal responsibility.

References

1. Volzhenkin B. V. Pojasnitel'naja zapiska k Model'nomu ugovolnomu kodeksu dlja gosudarstv – uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv [xplanatory note to the Model penal code for States – members of Commonwealth of Independent States]. Pravovedenie – Law, 1996, no.1, pp. 88–90.

2. Primernyj ugovolnyj kodeks (SShA). Oficial'nyj proekt Instituta amerikanskogo prava [The approximate criminal code (USA). The official draft of the American law Institute]. Translation from English of A. S. Nikiforov, the editorship of B. S. Nikiforov. Moscow, 1969. 303 p.
3. Ugolovnyj zakon. Opyt teoreticheskogo modelirovanija [Criminal law. Experience of theoretical modeling]. Under the editorship of V. N. Kudrjavcev, S. G. Kelina. Moscow, 1987. 276 p.
4. Kvashis V. E. Smertnaja kazn'. Mirovyje tendencii, problemy i perspektivy [The death penalty. World trends, problems and prospects]. Moscow, 2008. 800 p.
5. Kelina S. G. Otvetstvennost' juridicheskikh lic v proekte novogo UK Rossijskoj Federacii [Liability of legal persons in the draft of the new criminal code of the Russian Federation]. Ugolovnoe pravo: novye idei [Criminal law: new ideas]. Under the editorship of S. G. Kelina, A. V. Naumov. Moscow, 1994, pp. 50–60.
6. Nikiforov A. S. Ob ugovolnoj otvetstvennosti juridicheskikh lic [On criminal liability of legal persons]. Ugolovnoe pravo: novye idei [Criminal law: new ideas]. Under the editorship of S. G. Kelina, A. V. Naumov. Moscow, 1994, pp. 43–49.
7. Prestuplenie i nakazanie. Kommentarij k proektu Ugolovnogo kodeksa Rossii [Crime and punishment. The commentary to the draft Criminal code of Russia]. Under the editorship of N. F. Kuznecova, A. V. Naumov. Moscow, 1993. 304 p.
8. Naumov A. V. Ugolovnaja otvetstvennost' juridicheskikh lic [Criminal liability of legal persons]. LEX RUSSICA – LEX RUSSICA, 2015, no. 7, pp. 59–63.
9. Naumov A. V. Rossijskoe ugovolnoe pravo [Russian criminal law]. In 3 vol. 5th edition, revised and enlarged. Moscow, 2011. Vol. 1: General part.
10. Naumov A. V. Prestuplenie i nakazanie v istorii Rossii [Crime and punishment in Russian history]. In 2 parts. Moscow, 2014. Part 2. 296 p.

**НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ
ОПЕРАТИВНО-РЕЖИМНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ,
ОСУЩЕСТВЛЯЕМЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ:
ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ**

Реферат: традиционно использование результатов оперативно-розыскной деятельности рассматривается в контексте уголовного судопроизводства. Между тем оперативно-розыскная деятельность в исправительных учреждениях проводится в процессе обеспечения режима, являясь его составной частью. В связи с этим в статье обосновывается выделение трех направлений использования результатов оперативно-режимных мероприятий, осуществляемых в исправительных учреждениях: уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное и оперативно-розыскное. При этом становится очевидной необходимость более четкого законодательного закрепления порядка использования результатов рассматриваемых мероприятий прежде всего в уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, использование результатов оперативно-режимных мероприятий, оперативные аппараты исправительных учреждений, задачи оперативно-розыскной деятельности, розыск лиц, уклоняющихся от уголовного наказания, возбуждение уголовного дела, стадия исполнения приговора.

Оперативно-режимные мероприятия, осуществляемые в исправительных учреждениях, безусловно, напрямую не закреплены в уголовно-процессуальном и оперативно-розыскном законодательстве. Соответственно непонятны и не регламентированы направления использования их результатов, хотя к таким мероприятиям можно отнести различные действия, осуществляемые оперативными аппаратами исправительных учреждений.

Традиционно использование результатов оперативно-розыскной деятельности рассматривается в контексте уголовного судопроизводства, чему способствует их условное определение, данное в п. 36.1 ст. 5 УПК РФ, – это сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда. Такой подход прослеживается и в межведомственной (в том числе ФСИН России. – *примеч. авт.*) Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд от 27 сентября 2013 г. Между тем оперативно-розыскная деятельность в исправительных учреждениях проводится в про-

цессе обеспечения режима в исправительных учреждениях, являясь его составной частью [1, 2] (в этом случае мероприятия имеют не сугубо оперативно-розыскной, а более оперативно-режимный характер). Статья 84 УИК РФ также расположена в гл. 12, что свидетельствует о фактическом отнесении оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях к одному из средств обеспечения режима.

Значение режима в исправительных учреждениях многообразно. С одной стороны, это средство исправления осужденных (ст. 9 УИК РФ), с другой – это порядок исполнения и отбывания лишения свободы, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, личную безопасность осужденных и персонала, раздельное содержание разных категорий осужденных, различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного судом, изменение условий отбывания наказания (ч. 1 ст. 82 УИК РФ). В этом случае результаты оперативно-режимных действий, осуществляемых оперативными аппаратами исправительных учреждений, ориентированы на их использование в уголовно-исполнительной сфере в первую очередь для обеспечения режима.

К оперативно-режимным мероприятиям, в реализации которых участвуют и оперативные аппараты исправительных учреждений, можно, в частности, отнести: использование аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля; цензуру переписки осужденного; контроль телефонных разговоров осужденных; меры по обеспечению личной безопасности осужденных; обыски помещений и осужденных, а также досмотры их вещей; задержание осужденных, в установленный срок не вернувшихся в исправительное учреждение и пр. Однако их перечень не тождествен оперативно-розыскным мероприятиям, определенным в ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а их содержание и порядок проведения не всегда надлежаще урегулированы.

Так, меры по обеспечению личной безопасности осужденных лишь вскользь указаны в ст. 13 УИК РФ и разд. XXV Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом Минюста России от 3 ноября 2005 г. № 205, при этом роль сотрудников оперативных аппаратов исправительных учреждений вообще не закреплена.

Поводами для применения указанных мер являются: во-первых, устное или письменное заявление осужденного; во-вторых, собственная инициатива начальника исправительного учреждения; в-третьих, мотивированное постановление (определение) суда, прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя.

В теории и на практике применение данных мер осуществляется в рамках как уголовно-исполнительной, так и оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что согласно указанным нормативным правовым актам оперативные сотрудники в обеспечении личной безопасности осужденных как бы не принимают участия, хотя очевидно, что выявлением и проверкой подобных фактов, а затем обеспечением реализации соответствующих мер занимаются именно оперативные аппараты исправительных учреждений.

Оперативно-розыскная теория и практика свидетельствуют о том, что сотрудники оперативных подразделений, помимо оперативно-розыскных мероприятий, осуществляют и иные оперативно-розыскные действия (меры), не закрепленные в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности».

Несмотря на то что оперативно-розыскные мероприятия составляют сердцевину оперативно-розыскной деятельности, они все же являются составной частью (элементом) разнообразных оперативно-розыскных мер [3, 4].

Таковыми, как предлагает Н. С. Железняк, могут быть любые правомерные действия сотрудников оперативного подразделения и иных должностных лиц правоохранительного органа или специальной службы, не отраженные в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности», но не противоречащие целям оперативно-розыскной деятельности и направленные на решение ее задач [5]. Возможно, оперативно-режимные мероприятия целесообразно относить к таким специфическим оперативно-розыскным мерам (оперативно значимым действиям), применяемым оперативными подразделениями исправительных учреждений.

Специфика оперативно-режимных мероприятий проявляется и в том, что условия их проведения в исправительных учреждениях (ст. 83, 91 и др. УИК РФ) отличаются от условий осуществления оперативно-розыскных мероприятий (ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»): нет необходимости в получении судебного решения, отсутствуют ограничения в продолжительности их осуществления и пр.

В проведении оперативно-режимных мероприятий участвуют сотрудники оперативных аппаратов исправительных учреждений. Однако в ч. 2 ст. 84 УИК РФ указано, что оперативно-розыскная деятельность осуществляется оперативными аппаратами исправительных учреждений, а также другими уполномоченными на то органами. Такое положение вряд ли обоснованно, с чем согласен К. К. Горяинов [6].

Оформление результатов оперативно-режимных мероприятий осуществляется в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством (рапортом, актом и пр.) с последующим принятием начальником исправительного учреждения или иным должностным лицом решения: о помещении осужденного в безопасное место или о его переводе в другой отряд либо иное учреждение, о применении взыскания к осужденному, об усилении надзора за конкретным осужденным или их группой, об усилении правоограничений в отношении осужденного, например, в установленный срок не вернувшегося в учреждение, и пр.

Однако, в связи с тем что иногда имеет место ненадлежащее законодательное регулирование проведения и оформления оперативно-режимных мероприятий, их результаты в ряде случаев используются в уголовно-исполнительной деятельности в неформальном порядке.

Таким образом, оперативно-розыскная деятельность в исправительных учреждениях (и соответственно оперативно-режимные мероприятия) имеет определенную специфику, регулируется в том числе уголовно-исполнительным законодательством, что отличает ее от оперативно-розыскной деятельности,

понятие которой определено в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности».

Осуществление оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях регламентировано не только в УИК РФ, но и в других нормативных правовых актах, а также объективно ориентировано на решение различных задач, стоящих перед уголовно-исполнительной системой.

Согласно Указу Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» основные задачи ФСИН России разнообразны и включают, помимо прочего, исполнение уголовных наказаний, обеспечение охраны прав, свобод и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся под стражей, обеспечение правопорядка и законности в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, создание осужденным соответствующих условий содержания и пр. (п. 3). Здесь логично выделена уголовно-исполнительная специфика деятельности ФСИН России, которая к тому же организует осуществляемую учреждениями уголовно-исполнительной системы оперативно-розыскную деятельность (п. 7). Однако в этом нормативном правовом акте не определено значение оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Общие задачи оперативно-розыскной деятельности предусмотрены в ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (безотносительно ко ФСИН России. – *примеч. авт.*) и заключаются в следующем: выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших; осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших; добытие информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности РФ; установление имущества, подлежащего конфискации. Несмотря в целом на очевидную уголовно-процессуальную направленность оперативно-розыскной деятельности, в этой норме закона уже отмечены уголовно-исполнительные аспекты (осуществление розыска лиц, уклоняющихся от уголовного наказания), но здесь также не выделена роль оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе.

Статья 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» закладывает основы использования результатов оперативно-розыскной деятельности, в том числе осуществляемой в исправительных учреждениях, как для возбуждения уголовного дела, так и для решения различных во-

просов при исполнении уголовных наказаний. Указанные вопросы уголовно-исполнительной деятельности (о замене наказания другим видом наказания и др.) решаются в стадии исполнения приговора, поэтому и здесь можно говорить об использовании результатов изучаемых мероприятий в уголовно-процессуальной деятельности.

В Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» упоминается и о совместной оперативно-розыскной деятельности уголовно-исполнительной системы с другими правоохранительными органами. Так, в ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» предусмотрено, что оперативные подразделения органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, вправе проводить совместно с работниками уголовно-исполнительной системы оперативно-розыскные мероприятия в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы. О нечто подобном говорится и в ст. 13 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», согласно которой учреждения, исполняющие наказания, обязаны, помимо прочего, в пределах своей компетенции оказывать содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

Таким образом, можно говорить и о возможности использования результатов оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой в учреждениях уголовно-исполнительной системы, в су- губо оперативно-розыскных интересах.

Статья 84 УИК РФ определяет задачи оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях (не тождественные тем, что закреплены в ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»): обеспечение личной безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц; выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания; розыск в установленном порядке осужденных, совершивших побег из исправительных учреждений, а также осужденных, уклоняющихся от отбывания лишения свободы; содействие в выявлении и раскрытии преступлений, совершенных осужденными до прибытия в исправительное учреждение. В этой норме уголовно-исполнительного закона также фактически последовательно определяются три направления использования результатов оперативно-режимных мероприятий – в уголовно-исполнительной, уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности.

Не рассматривая вопросы оформления результатов оперативно-режимных мероприятий для их по-

следующего использования в оперативно-розыскной деятельности (в том числе ввиду закрытости оперативно-розыскного законодательства), отмечаем трудности в этой сфере в отношении уголовно-процессуальной деятельности.

Так, уголовно-процессуальное законодательство лишь в ст. 89 УПК РФ регулирует возможность использования результатов ОРД в процессе доказывания при соблюдении ряда условий, в том числе если они получены в соответствии с требованиями УПК РФ. Об особенностях использования результатов оперативно-режимной деятельности, полученных в исправительных учреждениях, в УПК РФ ничего не говорится.

Между тем результаты оперативно-режимных мероприятий могут быть использованы при доследственной проверке или как повод для возбуждения уголовного дела, для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, проведения мероприятий по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений и т. п. Эффективное использование результатов оперативно-режимных мероприятий позволит быть уголовно-процессуальной деятельности менее затратной.

Вместе с тем в отличие от других правоохранительных органов учреждения и органы уголовно-исполнительной системы дополнительно реализуют такую форму уголовно-процессуальной деятельности, как участие в разрешении вопросов в стадии исполнения приговора [7]. Ряд вопросов уголовно-исполнительной деятельности (например, о замене наказания другим видом наказания, основанием для которого в том числе является уклонение осужденного от отбывания наказания, розыск которого относится к задаче оперативно-розыскной деятельности) решаются именно в стадии исполнения приговора, поэтому теоретически результаты оперативно-режимной деятельности должны были бы играть значимую роль при принятии судьей соответствующего решения. Однако

в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствуют правовые нормы, регулирующие представление в суд иных документов (кроме прямо минимально предусмотренных в УИК РФ и УПК РФ) и использование оперативных и других данных, а также осуществление оперативно-режимных мероприятий для принятия решения в стадии исполнения приговора [8–10].

Представляется, что для эффективного регулирования вопросов использования в уголовном судопроизводстве результатов оперативно-режимных мероприятий необходимо включение законодателем в УПК РФ ст. 89.1 «Использование в доказывании результатов оперативно-режимной деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы», аналогичной ст. 89 УПК РФ «Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности». В ст. 89.1 УПК РФ должно быть закреплено, что в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-режимной деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ, а при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора, в соответствии со ст. 397–399 УПК РФ разрешается использование результатов оперативно-режимной деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, если они отвечают требованиям, установленным УИК РФ.

Таким образом, представляется обоснованным выделение трех направлений использования результатов оперативно-режимных мероприятий, осуществляемых в исправительных учреждениях: уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное и оперативно-розыскное. В этих условиях становится очевидной необходимость более четкого законодательного закрепления порядка использования результатов рассматриваемых мероприятий прежде всего в уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве.

Список литературы

1. Дергачев А. В. Оперативно-розыскная деятельность в обеспечении режима // Вестник Кузбасского института. 2012. № 5. С. 14–17.
2. Кудрявцев А. В. Оперативно-режимное обеспечение отбывания наказания в виде лишения свободы: проблемы теории и практики : монография / под общ. ред. К. К. Горяинова. Владимир, 2009.
3. Аتماжитов В. М., Бобров В. Г. Оперативно-розыскные мероприятия: актуальные вопросы теории и практики // Оперативно-розыскные мероприятия: актуальные вопросы теории и практики : материалы науч.-практ. семинара / отв. ред. В. М. Аتماжитов. М., 2005. С. 6–9.
4. Бобров В. Г. О правовой природе оперативно-розыскных мероприятий: исходные положения к исследованию проблемы // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : сб. науч. тр. М., 2001. С. 65.
5. Железняк Н. С. О необходимости включения иных оперативных мероприятий в оперативно-розыскные теории и законодательство // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2013. № 1. С. 6–12.

6. Горяинов К. К. Оперативно-розыскное обеспечение противодействия пенитенциарной преступности // Вестник Владимирского юридического института. 2010. № 2. С. 13–18.
7. Крымов А. А. Участие администрации органов и учреждений уголовно-исполнительной системы в стадии исполнения приговора : монография. М., 2015. 637 с.
8. Крымов А. А. Особенности принятия процессуальных решений в стадии исполнения приговора // Труды Академии управления МВД РФ. 2015. № 2. С. 18–21.
9. Николук В. В. «Броуновское движение» в стадии исполнения приговора: к вопросу об эффективности судебного контроля за применением к осужденным наказания // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. материалов 20-й Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Иркутск, 2015. Т. 1. С. 96–102.
10. Скиба А. П. Проблемы оценки членовредительства осужденного к лишению свободы при его досрочном освобождении от отбывания наказания // Уголовное право. 2010. № 5. С. 123–129.

ALEXANDER ALEKSANDROVICH KRYMOV,

dsc in law, associate professor,
head of the academy
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: apu-fsin@mail.ru

AREAS OF USAGE OF THE RESULTS OF DETECTIVE ACTIVITIES IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS: ISSUES OF PROVIDING A LEGISLATIVE FRAMEWORK

Annotation: traditionally, the use of results of detective activity is considered in the context of criminal proceedings. Meanwhile detective activities in correctional institutions are carried out in the context of ensuring the regime, being its integral part.

In this regard, the author gives reasons for distinguishing three areas where the results of detective regime activities use used in correctional institutions: criminal procedure, enforcement of punishment and operative investigation. Thus it becomes obvious that it is necessary to legally provide the procedure of the use of the results of the activities, primarily in Criminal Procedure Legislation and Penal Legislation.

Key words: criminal proceedings, the use of results of detective activities, operative detective bodies of correctional facilities, problems of detective activity, search of persons avoiding criminal punishment, institution of criminal proceedings, stage of enforcement of punishment.

References

1. Dergachev A. V. Operativno-rozysknaja dejatel'nost' v obespechenii rezhima [The operational-search activity in the regime]. Vestnik Kuzbasskogo institute – Bulletin of the Kuzbass Institute, 2012, no. 5, pp. 14–17.
2. Kudrjavcev A. V. Operativno-rezhimnoe obespechenie otbyvaniya nakazaniya v vide lisheniya svobody: problemy teorii i praktiki [Operations and regulations ensuring punishment of deprivation of freedom: problems of theory and practice]. Under the editorship of K. K. Gorjainov. Vladimir, 2009.
3. Atmazhitov V. M., Bobrov V. G. Operativno-rozysknye meroprijatija: aktual'nye voprosy teorii i praktiki [Investigative activities: topical issues of theory and practice]. Materialy nauchno-prakticheskogo seminarina «Operativno-rozysknye meroprijatija: aktual'nye voprosy teorii i praktiki» [Materials of scientific-practical seminar «Operational-search activities: topical issues of theory and practice»]. Under the editorship of V. M. Atmazhitov. M., 2005, pp. 6–9.
4. Bobrov V. G. O pravovoj prirode operativno-rozysknyh meroprijatij: ishodnye polozhenija k issledovaniju problem [On the legal nature of investigative work: the starting position to the problem]. Sbornik nauchnyh trudov «Aktual'nye voprosy teorii i praktiki operativno-rozysknoj dejatel'nosti» [Collection of scientific works «Actual issues of theory and practice of operational-investigative activity»]. Moscow, 2001, p. 65.
5. Zheleznyak N. S. O neobходимости vkljuchenija inyh operativnyh meroprijatij v operativno-rozysknye teoriju i zakonodatel'stvo [The inclusion of other operational activities in operational-investigative theory and legislation]. Vestnik Sibirskogo juridicheskogo instituta FSKN Rossii – Bulletin of the Siberian law Institute FSKN of Russia, 2013, no. 1, pp. 6–12.

6. Gorjainov K. K. Operativno-rozysknoe obespechenie protivodejstvija penitenciarnoj prestupnosti [Investigative ensuring the counter-prison crime]. Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo institute – Bulletin of Vladimir law Institute, 2010, no. 2, pp. 13–18.

7. Krymov A. A. Uchastie administracii organov i uchrezhdenij ugolovno-ispolnitel'noj sistemy v stadii ispolnenija prigovora [Part of the administration of bodies and establishments of penal system in the stage of execution]. Moscow, 2015. 637 p.

8. Krymov A. A. Osobnosti prinjatija processual'nyh reshenij v stadii ispolnenija prigovora [Features of the procedural decisions at the stage of execution]. Trudy Akademii upravlenija MVD RF – Proceedings of the Academy of the interior Ministry of the Russian Federation, 2015, no. 2, pp. 18–21.

9. Nikoljuk V. V. «Brounovskoe dvizhenie» v stadii ispolnenija prigovora: k voprosu ob jeffektivnosti sudebnogo kontrolja za primeneniem k osuzhdennym nakazaniya [«Brownian motion» in the stage of execution: to the question about the effectiveness of judicial control over the application of punishment to those convicted]. Sbornik materialov 20-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Dejatel'nost' pravoohranitel'nyh organov v sovremennyh uslovijah» [Proc. the 20th International scientific and practical conference «Law enforcement in modern conditions»]. In 2 vol. Irkutsk, 2015, vol. 1, pp. 96–102.

10. Skiba A. P. Problemy ocenki chlenovreditel'stva osuzhdennogo k lisheniju svobody pri ego dosrochnom osvobozhdenii ot otbyvanija nakazaniya [Problems of assessment of self-harm to a person sentenced to deprivation of liberty in his early release from punishment serving]. Ugolovnoe pravo – Criminal law, 2010, no 5, pp. 123–129.

ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ: НЕДОСТАТКИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Реферат: в статье рассматриваются вопросы уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного регулирования института приостановления исполнения наказаний. Отдельно анализируются недостатки межотраслевого регулирования оснований приостановления (отсрочки) исполнения наказаний, в связи с чем предлагается ряд направлений совершенствования исследуемого института.

Делается вывод о том, что регулирование проблемных вопросов стадии исполнения приговора должно комплексно осуществляться в уголовно-исполнительном и уголовно-процессуальном законодательстве. В этом случае первый этап (возбуждение производства) должен всеобъемлюще регламентироваться в уголовно-исполнительном законодательстве, а последующие (подготовка дела к судебному заседанию и судебное заседание) – относиться к уголовно-процессуальному регулированию.

Однако принятие судом решения о приостановлении исполнения наказания не всегда комплексно регулируется в уголовно-исполнительном и уголовно-процессуальном законодательстве и соответствует указанным этапам стадии исполнения приговора.

Ключевые слова: стадия исполнения приговора, этапы стадии исполнения приговора, приостановление исполнения наказания, отсрочка исполнения наказания, основания приостановления исполнения наказаний.

Приостановление исполнения уголовного наказания является недостаточно исследованным межотраслевым институтом, решение по которому принимается обычно судом, и практически не урегулированным прежде всего в уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве.

Данный правовой институт преимущественно реализуется в стадии исполнения приговора, которую в юридической литературе предлагается разделить на этапы: возбуждение производства, подготовка дела к судебному заседанию и судебное заседание [1, с. 33–86].

В настоящее время имеет место следующая ситуация – в УИК РФ (ст. 78, 175) регулируются поводы к возбуждению производства (обычно – представление администрации учреждения или органа, исполняющего наказание, или ходатайство осужденного), основания к его возбуждению (например, наличие у осужденного тяжелого заболевания), а также дается перечень документов и сведений в них, которые должны представляться в суд (в частности, характеристика на осужденного, составленная администрацией учреждения или органа, исполняющего наказание). Однако за рамками

уголовно-исполнительного регулирования остались другие вопросы, которые в принципе должны решаться на этапе возбуждения производства: может ли администрация учреждения или органа, исполняющего наказание, составлять дополнительные документы в обоснование своей позиции, имеет ли право осужденный знакомиться с материалами, направляемыми в суд, и т. п. Подобное регулирование этого этапа стадии исполнения приговора вряд ли можно назвать всеобъемлющим.

В ст. 399 УПК РФ также многие вопросы не нашли своего разрешения: отсутствует закрепление, как такового, этапа подготовки дела к судебному заседанию; непонятно, могут ли в судебном заседании участвовать, например, другие сотрудники администрации учреждения или органа, исполняющего наказание (кроме ее представителя), особенно составлявшие соответствующие документы для суда; неясно, может ли приостанавливаться судебное заседание, в частности, для ознакомления участвующих лиц с представленными материалами, и какими процессуальными средствами должен пользоваться суд для уточнения сведений, имеющихся в представленных материалах; и т. п. (эти и аналогичные правовые проблемы ста-

дии исполнения приговора обсуждаются в юридической литературе [2–4]).

Представляется, что регулирование указанных и иных проблемных вопросов стадии исполнения приговора должно комплексно осуществляться в уголовно-исполнительном и уголовно-процессуальном законодательстве. В этом случае первый этап (возбуждение производства) должен всеобъемлюще регламентироваться в уголовно-исполнительном законодательстве, а последующие (подготовка дела к судебному заседанию и судебное заседание) – относиться к уголовно-процессуальному регулированию.

Однако принятие судом решения о приостановлении исполнения наказания не всегда комплексно регулируется в уголовно-исполнительном и уголовно-процессуальном законодательстве и соответствует указанным этапам стадии исполнения приговора.

Так, в УПК РФ термин «приостановление» применяется в основном в отношении предварительного следствия (ст. 208–210), дознания (в частности, ст. 223), судебного разбирательства (например, ст. 253) с конкретизацией оснований его применения (например, ст. 208, 238), должностных лиц, принимающих такое решение (ст. 163, 238), и пр. В УК РФ термин «приостановление» используется при освобождении от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда (ст. 83).

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством основаниями приостановления предварительного следствия являются: временное тяжелое заболевание подозреваемого или обвиняемого, удостоверенное медицинским заключением, препятствующее его участию в следственных и иных процессуальных действиях; отсутствие реальной возможности участия в уголовном деле подозреваемого или обвиняемого и т. д. По основному же правилу предварительное следствие возобновляется после того, как отпали основания его приостановления (ч. 1 ст. 211 УПК РФ).

Однако такой логичный подход надлежало бы реализовать в стадии исполнения приговора, в которой про приостановление исполнения наказания ничего не говорится. При этом законодатель не всегда использует, как таковой, термин «приостановление», в результате чего нередко заменяя его, в частности, на термин «отсрочка», что имеет место в ст. 398 УПК РФ.

В ч. 1 этой нормы уголовно-процессуального закона перечислены наказания, в отношении которых возможно приостановление их исполнения (обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, арест, лишение свободы), указан орган, принимающий соответствующее решение (суд), основания приостановления (болезнь осужденного; беременность осужденной или наличие у нее малолетних детей, наличие у осужденно-

го, являющегося единственным родителем, малолетних детей; тяжкие последствия или угроза их возникновения для осужденного или его близких родственников, вызванные пожаром или иным стихийным бедствием, тяжелой болезнью или смертью единственного трудоспособного члена семьи, другими исключительными обстоятельствами; добровольное желание осужденного, признанного больным наркоманией, пройти курс лечения от наркомании, а также медико-социальную реабилитацию), а также условия возобновления исполнения наказания (соответственно выздоровление осужденного; достижение младшим ребенком возраста четырнадцати лет; срок, установленный судом, но не более 6 месяцев; окончание курса лечения от наркомании и медико-социальной реабилитации, но не более пяти лет). Между тем в уголовном (за исключением, по всей видимости, ст. 82 и 82.1 УК РФ) и уголовно-исполнительном (за исключением ч. 3.1 ст. 26 и ч. 5 ст. 42 УИК РФ) законодательстве отсутствует большинство из приведенных оснований приостановления (отсрочки) исполнения наказания (на подобные проблемы законодательства обращается внимание исследователями [5]) и соответственно не определен порядок возбуждения производства для решения указанных вопросов в стадии исполнения приговора, а также для возобновления исполнения наказания.

В то же время в ст. 397 УПК РФ уже перечислены вопросы, подлежащие рассмотрению судом при исполнении приговора; в этом случае непонятно, для чего же имеет место такое двухступенчатое регулирование вопросов, решаемых в стадии исполнения приговора. В ст. 397 УПК РФ также не упомянуты некоторые вопросы, подлежащие рассмотрению судом в ходе исполнения как наказаний, так и иных уголовно-правовых мер (это обсуждается в юридической литературе [6, 7]). К ним можно отнести: предоставление беременной женщине, осужденной к обязательным работам, отсрочки отбывания наказания со дня предоставления отпуска по беременности и родам (ч. 3.1 ст. 26 УИК РФ); освобождение от отбывания исправительных работ осужденного в случае признания его инвалидом первой группы (ч. 4 ст. 42 УИК РФ); «восстановление» исполнения наказания в отношении лиц, ранее освобожденных от его отбывания, в соответствии с ч. 1 и 2 ст. 81 УК РФ, в случае их выздоровления (ч. 4 ст. 81 УК РФ) и т. п.

Отдельные аспекты реализации отсрочки отбывания наказания по ст. 398 УПК РФ указаны в ст. 397 УПК РФ. Так, суд рассматривает в том числе следующие вопросы, связанные с исполнением приговора: об отмене или о сокращении срока отсрочки отбывания наказания осужденным беременной женщине, женщине, имеющей ребенка в возрасте до четырнадцати лет, мужчине, имеющему ребенка в воз-

расте до четырнадцати лет и являющемся единственным родителем, в соответствии со ст. 82 УК РФ, а также об отмене отсрочки отбывания наказания осужденному в соответствии со ст. 82.1 УК РФ.

Еще более сложная ситуация с ч. 2, 3 ст. 398 УПК РФ, в которых также указана отсрочка исполнения штрафа, определены основания ее предоставления (невозможность немедленной уплаты штрафа), а также субъекты (осужденный, его законный представитель, близкие родственники, защитник либо прокурор) и поводы для возбуждения соответствующего производства в стадии исполнения приговора (представление прокурора или ходатайство иных указанных субъектов). В то же время ни в ст. 46 УК РФ, ни в ст. 31 УИК РФ не говорится об отсрочке уплаты штрафа и, как следствие – ни слова о субъектах и поводах для возбуждения соответствующего производства.

В уголовно-исполнительном законодательстве приостановление упоминается в отношении реализации прав осужденных (например, в ст. 85 УИК РФ при введении режима особых условий в исправительных учреждениях), а также исполнения нака-

заний в виде обязательных работ (по ч. 2 ст. 26 УИК РФ предоставление осужденному очередного ежегодного отпуска по основному месту работы не приостанавливает исполнение этого наказания) и смертной казни до принятия решения Президентом РФ [его исполнение приостанавливается при обращении осужденного с ходатайством о помиловании (ч. 2 ст. 184 УИК РФ) или в период проверки уголовного дела в Верховном Суде РФ и Генеральной прокуратуре РФ для составления заключения, представляемого Президенту РФ (ч. 3 ст. 184 УИК РФ)]. Однако вопрос о приостановлении исполнения наказания в виде смертной казни уже не решается судом в стадии исполнения приговора, а ограничивается уголовно-исполнительным регулированием.

Таким образом, очевидно отсутствие системного подхода и наличие нереализованного потенциала, позволяющего усилить уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное регулирование института приостановления исполнения наказания (в том числе его отсрочки).

Список литературы

1. Крымов А. А. Участие администрации органов и учреждений уголовно-исполнительной системы в стадии исполнения приговора : монография. М., 2015. 637 с.
2. Божьев В. П. Соблюдение процессуальных норм при применении УК и УИК // Законность. 2010. № 1. С. 27–31.
3. Крымов А. А. Права представителя администрации исправительного учреждения при разрешении судом вопросов, связанных с исполнением приговора // Юридическая мысль. 2015. № 2. С. 103–107.
4. Скиба А. П. Освобождение от отбывания наказания в связи с болезнью осужденного к лишению свободы: проблемы межотраслевого регулирования // Человек: преступление и наказание. 2011. № 3. С. 51–54.
5. Красильникова М. С. Соотношение норм отраслевого законодательства об отсрочке отбывания наказания (ст. 82 УК РФ) // Человек: преступление и наказание. 2014. № 4. С. 140–144.
6. Михлин А. С. Рассмотрение судами вопросов, связанных с исполнением приговора, по новому УПК РФ // Уголовное право. 2003. № 4. С. 85–87.
7. Скиба А. П. Некоторые проблемы разграничения уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного регулирования // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 2. С. 9–13.

ANDREJ PETROVICH SKIBA,

dsc in law, associate professor,
professor, criminal law department

(South-Russian institute of management – a branch of the Russian academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation),
e-mail: apskiba@mail.ru

SUSPENSION OF SENTENCE ENFORCEMENT: THE SHORTCOMINGS OF THE PENAL AND CRIMINAL PROCEDURE REGULATION

Annotation: in the article issues of criminal procedure and penal regulation of the institution of suspension of sentence enforcement are considered. The shortcomings of inter-departmental regulation of grounds for the suspension of sentence enforcement are analyzed. And in this regard a number of appropriate measures for improvement of the studied institute are proposed.

The author comes to the conclusion that the regulation of the issues arising at the sentence enforcement stage should be provided comprehensively in the Penal Legislation and Criminal Procedure Legislation. In this case, the first stage (initiation) should be regulated in detail in Penal Legislation, and the following stages (preparation of the case for court hearing and the hearing) – should be regulated in the Criminal Procedure Legislature.

However, the court's decision concerning the sentence suspension is not always comprehensively regulated in the Penal and Criminal Procedure Legislations and does not comply with the distinguished stages of the punishment enforcement.

Key words: stage of sentence enforcement; the phases of the stage of sentence enforcement; suspension of sentence enforcement; the grounds for the sentence suspension.

References

1. Krymov A. A. Uchastie administracii organov i uchrezhdenij ugolovno-ispolnitel'noj sistemy v stadii ispolnenija prigovora [Part of the administration of bodies and establishments of penal system in the stage of execution]. Moscow, 2015. 637 p.
2. Bozh'ev V. P. Sobljudenie processual'nyh norm pri primenenii UK i UIK [Due process in the application of the criminal code and the penal code]. *Zakonnost' – Legality*, 2010, no. 1, pp. 27–31.
3. Krymov A. A. Prava predstavitelja administracii ispravitel'nogo uchrezhdenija pri razreshenii sudom voprosov, svjazannyh s ispolneniem prigovora [Rights of a representative of the prison administration in the resolution of the court of the questions connected with execution of the sentence]. *Juridicheskaja mysl' – Legal thought*, 2015, no. 2, pp. 103–107.
4. Skiba A. P. Osvobozhdenie ot otbyvanija nakazaniya v svjazi s boleznu osuzhdenного k lisheniju svobody: problemy mezhotraslevogo regulirovanija [Exemption from punishment serving in connection with illness of the convict sentenced to deprivation of liberty: the problems of inter-regulation]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment*, 2011, no. 3, pp. 51–54.
5. Krasil'nikova M. S. Sootnoshenie norm otraslevogo zakonodatel'stva ob otsrochke otbyvanija nakazaniya (st. 82 UK RF) [The ratio of provisions of sectoral legislation for deferment of serving the sentence (Art. 82 of the Criminal code of the Russian Federation)]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment*, 2014, no. 4, pp. 140–144.
6. Mihlin A. S. Rassmotrenie sudami voprosov, svjazannyh s ispolneniem prigovora, po novomu UPK RF [Consideration by the courts of issues related to the execution of the sentence, the new Criminal procedure code of the Russian Federation]. *Ugolovnoe pravo – Criminal law*, 2003, no. 4, pp. 85–87.
7. Skiba A. P. Nekotorye problemy razgranichenija ugolovno-processual'nogo i ugolovno-ispolnitel'nogo regulirovanija [Some problems of differentiation of criminal procedural and criminal Executive regulation]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo – Penal law*, 2015, no. 2, pp. 9–13.

ПОНЯТИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА СЛЕДСТВЕННОГО ИЗОЛЯТОРА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Реферат: в статье исследуются административно-правовой статус следственного изолятора (СИЗО) ФСИН России при осуществлении им правоохранительной деятельности непосредственно в пенитенциарной системе Российской Федерации, правовые отношения, критерии, связанные с классификацией административно-правового статуса следственного изолятора ФСИН России. Определяется основа административно-правового статуса следственного изолятора (цели создания и функционирования; публичные задачи; административные функции, возлагаемые на соответствующие структурные подразделения; права и обязанности администрации следственного изолятора; публично-правовая юридическая ответственность следственного изолятора; правовые гарантии администрации следственного изолятора; место следственного изолятора в системе органов государственного управления, его подведомственность и подчиненность). Научно обосновывается элементный состав (задачи, функции, права, обязанности ответственность, правовые гарантии следственного изолятора в качестве юридического лица) данного статуса в сфере правоохранительной деятельности. Предлагается определение административно-правового статуса следственного изолятора при осуществлении правоохранительной деятельности. Фиксируются понятия административной правоспособности и дееспособности следственного изолятора.

Ключевые слова: административно-правовой статус, элементы правового статуса, особенности юридического статуса, следственный изолятор, административная правоспособность, административная дееспособность, уголовно-исполнительная система, правоохранительная деятельность.

В юридической науке нет единства мнений о правовой природе и отраслевой принадлежности норм, регулирующих предварительное заключение под стражу. Некоторые авторы в силу принадлежности следственных изоляторов к уголовно-исполнительной системе нормы права, регулирующие их деятельность, относят к уголовно-исполнительному праву, другие – к уголовно-процессуальному законодательству, третьи – к административному праву, четвертые – к так называемому управленческому праву.

Законодательство о предварительном заключении под стражу носит комплексный характер и относится к межотраслевой правовой общности – пенитенциарному праву как праву лишения свободы.

По нашему мнению, институт заключения под стражу в большей степени относится к административно-правовому институту (режиму), который представляет собой совокупность административно-правовых норм, регламентирующих собственно

правовое положение мест содержания под стражей как юридического лица. Это объясняется тем, что правовой статус СИЗО (с позиции юридического лица) является универсальным, так как кроме уголовно-исполнительных, уголовно-процессуальных отношений в нем содержатся и административно-правовые отношения. Все это говорит о его сложном административно-правовом статусе.

Следственный изолятор ФСИН России представляет собой находящееся в ведении Федеральной службы исполнения наказаний и обладающее административной правоспособностью и административной дееспособностью специализированное режимное правоохранительное учреждение, создаваемое в целях исполнения требований законодательства в части обеспечения изоляции от общества подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений и осужденных к лишению свободы. Таким образом, особенностью данного статуса СИЗО является административно-универсальное

положение СИЗО в правоохранительной деятельности ФСИН России.

Правовую основу деятельности следственных изоляторов составляют: Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», иные нормативные правовые акты Российской Федерации.

Одним из основных законов применительно к деятельности СИЗО является Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». Закон юридически самостоятелен, то есть имеет свой, отличный от других отраслей права предмет правового регулирования, которым является правовое регулирование и деятельность специальных органов государства по обеспечению порядка и условий содержания лиц, подвергнутых заключению под стражу в качестве меры пресечения.

Кроме того, указанный Федеральный закон регулирует порядок и условия содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений не только в СИЗО УИС, но и в изоляторах временного содержания МВД России и ФСБ России. Данный Закон в определенной мере закрепляет административно-правовой статус следственного изолятора.

Основным подзаконным нормативным правовым актом административной направленности, регламентирующим управленческую, правоохранительную деятельность следственных изоляторов, является приказ Минюста России от 25 января 1999 г. № 20 «Об утверждении Положения о следственном изоляторе уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации». В нем определены основные задачи и функции административной направленности следственных изоляторов, права и обязанности начальника СИЗО, категории лиц, которые могут содержаться в следственном изоляторе. Это Положение относится к административно-правовым актам. Это объясняется тем, что в данном Положении содержатся исключительно административно-правовые нормы, которые и определяют рассматриваемый статус следственного изолятора.

Кроме того, приказ Минюста России от 14 октября 2005 г. № 189 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы» также определяет административно-правовой статус следственного изолятора. Так, анализируемый приказ регламентирует достаточно широкий круг организационных вопросов администрации следственного изолятора. Структура данных Правил определена в ст. 16 Федерального за-

кона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». Указанная статья состоит из административно-правовых норм структурно-организационного характера.

По нашему мнению, основу собственно административно-правового статуса следственного изолятора составляют следующие элементы: цели создания и функционирования СИЗО ФСИН России; публичные задачи, выполняемые следственным изолятором; административные функции, возлагаемые на соответствующие структурные подразделения; права администрации следственного изолятора; обязанности следственного изолятора; публично-правовая юридическая ответственность следственного изолятора; правовые гарантии администрации следственного изолятора; место следственного изолятора в системе органов государственного управления, его подведомственность и подчиненность.

Анализируя административно-правовой статус следственного изолятора ФСИН России, нельзя не остановиться на рассмотрении места данного подразделения в системе органов государственного управления в целом и в системе ФСИН России в частности.

Управление деятельностью СИЗО осуществляет центральный аппарат ФСИН России как непосредственно, так и через территориальные органы управления (ГУФСИН, УФСИН, ОФСИН) субъектов РФ. В его состав входит управление следственных изоляторов центрального подчинения, а также управление организации деятельности тюрем и следственных изоляторов, которое осуществляет непосредственное руководство СИЗО и контролирует их деятельность, изучает и обобщает передовой опыт проведения оперативно-профилактических мероприятий, организации охраны лиц, содержащихся под стражей, и службы надзора за ними.

В структуру территориальных органов входят отделы (отделения, группы) СИЗО и тюрем. Следственный изолятор имеет в своем составе дежурную службу, канцелярию, бухгалтерию, медицинскую часть и отделы: организационно-аналитический, режима, охраны, оперативный, специальный, кадров и работы с личным составом, по воспитательной работе с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, интендантского и хозяйственного обеспечения.

Администрацию следственного изолятора возглавляет начальник, который назначается на должность и освобождается от нее начальником территориального органа управления УИС. Начальнику СИЗО непосредственно подчиняются: дежурная служба, канцелярия, бухгалтерия, организационно-аналитический отдел. Канцелярия осуществляет де-

лопроизводство и документооборот. Бухгалтерия обеспечивает финансовую деятельность следственного изолятора, контролирует наличие и сохранность денежных средств на содержание персонала учреждения и лиц, находящихся в СИЗО, учитывает и хранит деньги и ценные предметы, изъятые у лиц, содержащихся в следственном изоляторе.

В состав руководства администрации, кроме начальника, входят заместители по оперативной работе, охране, режиму, по кадрам и воспитательной работе, тылу, лечебно-профилактической работе. Констатируем, что в целом СИЗО представляет собой административный орган, выполняющий функции административно-управленческой направленности. Следует отметить, что административно-правовой статус следственного изолятора определяется прежде всего административной правосубъектностью. Она состоит из следующих компонентов: административной правоспособности и дееспособности.

Административная правоспособность СИЗО – это способность администрации следственного изолятора иметь права и обязанности в сфере правоохранительной деятельности. Она наступает с момента принятия соответствующих нормативных актов, определяющих статус следственного изолятора, прекращается с момента ликвидации следственного изолятора как юридического лица.

Административная дееспособность СИЗО – это способность администрации следственного изолятора своими действиями осуществлять (реализовывать) права, выполнять обязанности в сфере правоохранительной деятельности, а также нести ответственность в данной области общественных отношений. Данная дееспособность наступает с момента оформления и регистрации в налоговом органе следственного изолятора в качестве юридического лица.

Обозначим характерные признаки, которые выделяют рассматриваемый статус среди других, придают ему качественное своеобразие и определенность, более того, устанавливают сущность и особенности административно-правового статуса следственного изолятора ФСИН России.

1. Имеет обязательное нормативное закрепление как на федеральном, так и ведомственном уровне. Следовательно, такой статус фиксируется законодателем в соответствующих актах и в силу этого приобретает юридический характер.

2. Является правовым устройством, обеспечивающим реализацию полномочий администрации следственного изолятора.

3. Включает в себя многие элементы (публичные цели, задачи, функции, права и обязанности, юридические гарантии, юридическую ответственность), обеспечивающие практическую реализацию юридического статуса СИЗО, а также административно-правовую правоспособность и дееспособность следственного изолятора.

4. Представляет собой разновидность государственно-правового статуса органа исполнительной власти.

Интеграция данных признаков позволила сформулировать определение административно-правового статуса следственного изолятора, под которым следует понимать совокупность административно-правовых элементов (цели, задачи, функции, публичные права и обязанности; гарантии; юридическая ответственность) и компонентов (административная правоспособность и дееспособность), посредством которых практически осуществляются правоохранительные полномочия подразделений следственного изолятора ФСИН России.

VLADIMIR ANATOLYEVICH PONIKAROV,

dsc in law, associate professor,
professor of the administrative and financial law department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: minrs@yandex.ru;

RAUF KAYBULAKHOVICH GABIBOV,

chief of the pre-trial detention center № 1
(Department of the FPS of Russia in the Republic of Dagestan),
e-mail: kafedra-aifp@yandex.ru

CONCEPT OF ADMINISTRATIVE LEGAL STATUS OF A PRE-TRIAL DETENTION CENTER OF LAW-ENFORCEMENT ACTIVITY OF FSIN OF RUSSIA

Annotation: object of research – administrative legal status of a pre-trial detention center of FSIN of Russia at implementation of law-enforcement activity by it directly in penal system of the Russian Federation. A sub-

ject – the legal relations, criteria connected by classification of administrative legal status of a pre-trial detention center of FSIN of Russia.

The basis of administrative legal status of a pre-trial detention center (the purpose of creation and functioning is defined; public tasks; the administrative functions assigned to the relevant structural divisions; rights and obligations of administration of a pre-trial detention center; public legal responsibility of a pre-trial detention center; legal guarantees of administration of a pre-trial detention center; a place of a pre-trial detention center in system of state bodies, its jurisdiction and subordination). The element structure (tasks, functions, the rights, duties responsibility, legal guarantees of a pre-trial detention center as the legal entity) this status in the sphere of law-enforcement activity is evidence-based. Author's determination of administrative legal status of a pre-trial detention center at implementation of law-enforcement activity is offered. Concepts of administrative legal capacity and capacity of a pre-trial detention center are fixed.

Key words: administrative legal status, elements of legal status, features of the legal status, pre-trial detention center, administrative legal capacity, administrative capacity, penal system, law-enforcement activity.

ОБ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН О НАКАЗАНИЯХ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Реферат: в статье рассматриваются актуальные проблемы имплементации норм зарубежного законодательства, международного права в национальное уголовно-исполнительное законодательство, приводятся конкретные примеры из законов стран Германии, Польши, Англии, Норвегии, Франции, Беларуси, которые заслуживают внимания российского законодательства с точки зрения введения аналогичных норм в национальное законодательство, в частности дифференциация лиц молодежного возраста в местах лишения свободы (Англия); оставление больных осужденных в исправительном учреждении после окончания срока наказания (Польша); создание изолированных участков для осужденных женщин при других исправительных учреждениях, для несовершеннолетних женского пола при исправительных учреждениях для несовершеннолетних мужского пола; формирование стартового капитала – ежемесячных отчислений в сумме, способной обеспечить существование осужденных в начальный период после освобождения, а также лиц, имеющих право на получение от них алиментов (Германия); одиночное заключение в начальный период пребывания в исправительном учреждении (Германия, Франция); изучение осужденными-иностранцами языка страны пребывания (Германия, Франция); превентивный надзор (Беларусь).

При решении вопросов об имплементации тех или иных норм зарубежного законодательства, международных конвенций, решений Европейского суда по правам человека следует исходить из их соотношений с Конституцией Российской Федерации, нормы которой носят определяющий характер при решении данного вопроса.

Ключевые слова: имплементация, международное законодательство, Конституция Российской Федерации, Европейский суд по правам человека, лишение свободы, права человека.

История развития систем уголовных наказаний в России и зарубежных странах свидетельствует о том, что одной из характерных их черт является наличие в них наказания в виде лишения свободы. Какие бы новые виды наказаний ни вводились, трансформировались, видоизменялись, лишение свободы присутствовало всегда. Вместе с тем данный вид наказания в силу известных обстоятельств был и остается проблемным. Не случайно его реформирование занимает центральное место в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года. Отсюда особый интерес к опыту применения, исполнения и отбывания этого наказания в зарубежных странах. Изучение данного опыта позволяет констатировать, что целый ряд его элементов заслуживает внимания российского законодателя, практики деятельности исправительных учреждений по исполнению лишения свободы, в частности раздельное размещение разных возрастных категорий: несовершеннолетних осужденных (от 14 до 16 лет и от 16 до 18 лет), осужденных молодеж-

ного возраста: от 18 до 21 года и от 21 года до 25 лет (Англия, Польша).

Резолюцией (66) 25 Комитета министров Совета Европы от 30 апреля 1966 г. [1, с. 97–98] рекомендуется создание специальных учреждений, которые будут обеспечивать позитивное и подходящее для молодых преступников некарательное воздействие, принимая во внимание их возраст, уровень развития и индивидуальные потребности.

В плане лучшего изучения личности осужденного в первоначальный период отбывания наказания заслуживает внимания опыт Германии и Франции. В ФРГ все сужденные первые полгода находятся в условиях строго одиночного заключения. В этот период проводится его изучение, результаты которого обсуждаются каждые два месяца. На основании такого изучения определяются условия заключения, вид работы, обучения, медицинская помощь, характер воспитательного и религиозного воздействия. Во Франции этот период пребывания осужденного в тюрьме составляет один год.

В условиях большой территории Российской Федерации вызывает трудности исполнение лише-

ния свободы в отношении осужденных женщин, особенно несовершеннолетнего возраста. Создание для них соответствующих учреждений в каждом регионе практически невозможно. Организация исполнения лишения свободы в отношении их в нескольких регионах вызывает много других вопросов, главным из которых является отдаленность от места жительства осужденного, что обуславливает наступление неблагоприятных последствий. В Германии этот вопрос решается путем создания специальных изолированных участков для осужденных женщин при других исправительных учреждениях, для несовершеннолетних женского пола при исправительных учреждениях для несовершеннолетних мужского пола.

Среди других положительных моментов, имеющих место в законодательной и пенитенциарной практике Германии:

– предоставление осужденному возможности выполнять работы, проходить профессиональное обучение или повышение квалификации на основании свободных трудовых отношений вне исправительного учреждения, оплата из дохода, получаемого осужденным содержания в исправительном учреждении (проживания, питания);

– формирование стартового капитала – ежемесячных отчислений в размере четырех седьмых дохода осужденного до достижения определенного размера суммы, способной обеспечить в течение четырех недель существование осужденного после освобождения, а также лиц, имеющих право на получение от него алиментов. Данным капиталом осужденный может распорядиться только после освобождения;

– учет профессиональной подготовки при решении вопроса об условно-досрочном освобождении.

Для российской пенитенциарной практики вполне приемлем опыт ФРГ относительно создания в исправительном учреждении центра обслуживания и координации, в котором осужденный может получить бесплатную консультацию об имеющихся рабочих местах в мастерских и цехах исправительного учреждения; получения осужденными, добросовестно выполняющими назначенные им работы, дополнительно к денежным средствам одного выходного дня; проведения социальной терапии как особой формы реабилитационной работы при отбывании лишения свободы, в частности, с лицами, осужденными за сексуальные преступления.

В связи с ростом числа осужденных иностранцев, отбывающих наказания в исправительных учреждениях ФСИН России, вызывает интерес опыт пенитенциарных учреждений Германии, Франции

по изучению иностранными осужденными иностранного языка, в первую очередь языка страны пребывания.

Российскую пенитенциарную систему может заинтересовать практика исполнения краткосрочного лишения свободы во Франции: лица, приговоренные к лишению свободы до одного года включительно, содержатся в полной изоляции в одиночных камерах.

В плане повышения доверия осужденных к администрации исправительного учреждения, степени обоснованности при наложении на них взысканий, уменьшения при этом коррупционной составляющей обращает на себя внимание процедура рассмотрения случаев нарушений в английских тюрьмах, включающая в себя изучение дела начальником тюрьмы в присутствии самого заключенного и тюремного служащего, который его обвиняет в совершении нарушения, предварительное сообщение при этом предмета обвинения; предоставление заключенному времени для подготовки своей защиты; предоставление ему права задавать вопросы обвинителю, вызывать своих свидетелей; наличие права на обжалование решения в вышестоящую инстанцию.

В области усиления соблюдения прав человека, дифференциации подхода к осужденному в зависимости от его национальности, вероисповедания, языка вызывает интерес практика исполнения наказания в виде лишения свободы в Англии в отношении национальных, языковых и религиозных меньшинств.

Заслуживает внимания и практика закрепления в норвежских тюрьмах за заключенным куратора. Если в исправительных колониях России эту роль в определенной степени выполняет начальник отряда, то в условиях тюрьмы этого нет. В плане оказания помощи заключенному это имеет важное значение.

Как положительный фактор следует оценить наделение тюремного священника в норвежской тюрьме посреднической миссией между различными религиозными конфессиями. Если заключенный исповедует другую религию, то тюремный священник может стать посредником в установлении контакта между заключенным и духовным лицом соответствующей религии.

Вызывает интерес наличие консультативных органов при начальнике тюрьмы: совет отдела, совет надзора. Они рассматривают и выносят решения по вопросам, касающимся содержания заключенных. В плане объективности рассмотрения вопросы повышения уровня гарантированности законности при исполнении наказаний деятельность таких советов, безусловно, является серьезным подспорьем.

Совещательный орган имеет место в польских тюрьмах – пенитенциарные комиссии из числа сотрудников учреждения. К их работе с правом совещательного голоса привлекаются представители обществ, фондов, организаций и учреждений, религиозных обществ. Данные комиссии определяют индивидуальные программы воздействия на осужденного и оценивают их исполнение, а также прогресс осужденного в школе или на курсах.

В практике правозащитной деятельности одним из актуальных вопросов является освобождение больных осужденных. При их решении возникают трудности, связанные с продолжением лечения после освобождения из мест лишения свободы, с социальной реабилитацией. В этом отношении заслуживает внимания законодательная практика Польши. Согласно § 4 ст. 167 УИК Польши, если освобожденный из тюремного учреждения нуждается в больничном лечении, а его состояние здоровья не позволяет перевестись в публичную больницу, он остается на лечении в тюремном учреждении до момента, когда его состояние здоровья позволит это сделать. Данная норма применяется лишь тогда, когда освобожденный выразит согласие на лечение в тюремном учреждении, что должно быть подтверждено его подписью в личной медицинской документации. В случае невозможности выражения освобожденным согласия решение о его оставлении на лечение в тюремном учреждении принимает директор учреждения по предложению врача (§ 5 УИК Польши).

Если освобожденный осужденный не способен по состоянию здоровья самостоятельно вернуться к месту прописки или постоянного местожительства без прописки, администрация тюремного учреждения обязана в период, препятствующий освобождению, установить контакт с семьей, близкими лицами или указанным осужденным другим лицом и поставить его в известность о дате освобождения. В случае если действия администрации тюремного учреждения не принесли результатов, администрация обязана предоставить освобожденному помощь в путешествии до места прописки или постоянного местожительства без прописки или до публичной больницы (§ 6 УИК Польши).

Если такой освобожденный не выразит согласия на дальнейшее лечение в тюремном учреждении, врач сообщает ему о возможных последствиях отказа от лечения. Факт отказа должен быть подтвержден подписью освобожденного в его медицинской документации, а в случае отказа в подписи – официальной запиской об этом обстоятельстве (§ 7 УИК Польши). По нашему мнению, приведенный законодательный опыт может быть учтен в деле совершенствования мер по социаль-

ной реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, предусмотренных российским законодательством (Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»; приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 6 ноября 2014 г. № 870н «Об утверждении Порядка направления граждан в стационарные организации социального обслуживания со специальным социальным обслуживанием»).

В целях совершенствования мер по предупреждению постпенитенциарного рецидива преступлений нельзя не отметить законодательство Польши, Германии, которое в первом случае предусматривает помещение особо опасных преступников после освобождения из мест лишения свободы в специальные закрытые центры для принудительного лечения на неопределенный срок, во втором – применение превентивного заключения. Несмотря на то что «немецкий институт превентивного заключения в последние годы стал объектом постоянной критики со стороны как специалистов, так и общественности» [2, с. 18], он, по нашему мнению, нуждается в более внимательном анализе с точки зрения возможного использования его отдельных элементов в национальной законодательной практике.

Вызывает интерес законодательная практика установления профилактического наблюдения и превентивного надзора в Республике Беларусь. При всей схожести с административным надзором, имеющим место в России, профилактическое наблюдение, превентивный надзор и имеют существенные отличия, в частности осуществление их уголовно-исполнительными инспекциями. Для оказания помощи уголовно-исполнительной инспекции в проведении отдельных мероприятий при осуществлении превентивного надзора могут привлекаться работниками иных служб органов внутренних дел члены наблюдательных комиссий и граждане, выполняющие обязанности по охране общественного порядка (ч. 5 ст. 200 УИК Республики Беларусь). Профилактическим наблюдением и превентивным надзором охватывается большой круг лиц, чем при административном надзоре.

Профилактическое наблюдение осуществляется за всеми лицами в течение срока судимости после отбытия ими наказания или условно-досрочного освобождения от наказания за тяжкое или особо тяжкое преступление.

При сопоставлении законодательных норм России и зарубежных стран, определяющих систему уголовных наказаний, порядок и условия их отбывания и исполнения, при формировании форм и

основных направлений имплементации зарубежного законодательства в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации мы исходим из того, что нет и не может быть законодательной системы, которую можно просто у кого-то позаимствовать, не беря во внимание собственной правовой и культурной жизни. «Ключевую роль в регулировании переплетающихся спонтанных порядков играет традиция, создающая не до конца формализованные метаправила, которые люди не всегда могут четко изложить, но которые они соблюдают» [3]. В данном случае уместно привести позитивный национальный опыт России.

Прежде всего следует отметить, что действующее российское уголовно-исполнительное законодательство не только воплощает в себе соответствующие конституционные нормы, но и во многом превосходит по своему содержанию нормы, содержащиеся в международных правовых документах, в законодательстве зарубежных государств.

Так, Минимальные стандартные правила обращения с заключенными в качестве меры безопасности прямо допускают применение смирительной рубашки. В законодательстве Российской Федерации смирительная рубашка вообще не фигурирует в перечне специальных средств, которые могут применяться сотрудниками как уголовно-исполнительных органов, так и полиции. Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» установил исчерпывающий перечень случаев, при которых сотрудники уголовно-исполнительной системы могут применять специальные средства (ст. 30).

В другом случае пр. 32 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными допускает применение к осужденным взысканий, сопровождающихся сокращением питания. Важно лишь, чтобы это было официально удостоверено врачом. Действующее уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации допускает питание по пониженным нормам только в отношении неработающих осужденных, содержащихся в штрафных изоляторах, помещениях камерного типа или одиночных камерах (ч. 4 ст. 118 УИК РФ). Установление таких норм не является наказанием за какое-либо правонарушение.

Ни в какое сравнение не идет законодательная и пенитенциарная практика большинства европейских стран в вопросе поддержания связей с семьей и близкими родственниками посредством предоставления заключенным права на свидание. Законодательство европейских стран, как правило, предусматривает двухчасовые краткосрочные свидания (в Германии: краткосрочное – не менее одного ча-

са в месяц; длительное – 4–5 часов в месяц без права совместного проживания).

В отличие от зарубежного законодательства ст. 89 УИК РФ определяет, что осужденным к лишению свободы предоставляются краткосрочные свидания продолжительностью четыре часа и длительные свидания продолжительностью трое суток на территории исправительного учреждения. Осужденным могут также предоставляться длительные свидания продолжительностью пять суток с проживанием вне исправительного учреждения. УИК РФ допускает проведение длительного свидания осужденного не только с близкими родственниками, но и с иными лицами (в исключительных случаях с разрешения начальника учреждения).

Российское законодательство и практика исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы получили положительную оценку со стороны международного сообщества. «Следует пересмотреть концепцию современной тюрьмы. Сложилось представление о тюрьме, как о сооружении, окруженном высокими стенами, с заборами и засовами, где заключенные находятся под постоянным надзором и контролем. Россия подает пример другой организации лишения свободы: основной вид учреждения – исправительная колония, в которой осужденные имеют относительную свободу передвижения в рамках контролируемой и охраняемой территории. Одновременно во многих европейских государствах наметилась опасная тенденция строительства особо охраняемых тюрем с жестким режимом содержания. Совету Европы следует обсудить этот вопрос» [4, с. 5], – говорится в резолюции Европейской конференции директоров тюремных ведомств (Швеция, 2009 г.).

Вопросы имплементации норм в сфере исполнения наказаний следует рассматривать, по крайней мере, в двух аспектах: адаптацию соответствующих норм зарубежного законодательства в российском уголовно-исполнительном праве и наоборот – адаптацию норм российского законодательства в законодательстве зарубежных стран. Безусловно, в основе этого лежат традиции национальных государств, их менталитет. Основным базисом при решении данных вопросов является соответствие тех или иных новелл Конституции Российской Федерации. Это касается и норм, содержащихся в различного рода международных конвенциях, решений Европейского суда по правам человека.

Характерный пример приводит А. Бастрыкин. Постановлением ЕСПЧ от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России» признано, что наличие в российском законодательстве ограничения избирательного права лиц, осужденных по приговору суда, является нарушением ст. 3 «Право на свободные вы-

борь» протокола № 1 к Конвенции о защите права избирать и быть избранными гражданами, содержащимися в местах лишения свободы по приговору суда [5]. «Между тем согласие России на исполнение такого постановления означало бы нарушение ч. 1 ст. 15, ч. 3 ст. 32, ст. 79 Конституции РФ», – замечает он [5].

В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности положений ст. 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протокола к ней», пп. 1 и 2 ст. 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», ч. 1 и 4 ст. 13, п. 4 ч. 3 ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 1 и 4 ст. 15, п. 4 ч. 1 ст. 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и п. 2 ч. 4 ст. 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы от 14 июля 2015 г. по этому вопросу отмечается, что «как следует из Конституции Российской Федерации, ее ст. 4 (ч. 1), 15 (ч. 1) и 79, закрепляющих суверенитет России, верховенство и высшую юридическую силу Конституции Российской Федерации и недопустимость имплементации в правовую систему государства международных договоров, участие в которых может повлечь ограничение прав и свобод человека и гражданина или допустить какие-либо посягательства на основы конституционного строя Российской Федерации и тем самым нарушить конституционные предписания, ни Конвенция о защите прав человека и основных свобод как международный договор Российской Федерации, ни основанные на ней правовые позиции Европейского суда по правам человека, содержащие оценки национального законодательства либо касающиеся необходимости изменения его положений, не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции Российской Федерации и потому подлежат реализации в рамках этой системы толь-

ко при условии признания высшей юридической силы именно Конституции Российской Федерации.

Будучи правовым демократическим государством, Россия как член мирового сообщества, в котором действуют общепризнанные принципы и нормы международного права, заключает международные договоры и участвует в межгосударственных объединениях, передавая им часть своих полномочий (преамбула, ч. 1 ст. 1, ч. 4 ст. 15, ч. 1 ст. 17, ст. 79 Конституции Российской Федерации), что, однако, не означает ее отказ от государственного суверенитета, относящегося к основам конституционного строя и предполагающего верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на всей его территории и независимость в международном общении, а также являющегося необходимым качественным признаком Российской Федерации, характеризующим ее конституционно-правовой статус (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 г. № 10-П).

Решение вопроса имплементации норм зарубежного законодательства в российское законодательство и наоборот требует создания соответствующего механизма реализации. Авторами предлагаются разные варианты его создания. Так, доктор права университета Потсдама (Германия) О. Р. Гулина предлагает в этих целях создать двусторонние рабочие группы, комиссии из числа специалистов, способных дать должную правовую оценку законодательным инициативам с учетом особенностей национального права двух государств [6, с. 141].

Представляется, что можно пойти и дальше: создать многосторонние рабочие группы под эгидой соответствующего подразделения Организации Объединенных Наций, прежде всего по вопросам гармонизации законодательства государств в сфере исполнения наказаний, касающихся обеспечения реализации прав и законных интересов осужденных.

Список литературы

1. Сборник документов и материалов Совета Европы и Европейского Суда по правам человека по вопросам пенитенциарной системы. М., 2003.
2. Воробьев Ю. А. Институт превентивного заключения в Германии: история и современное состояние (правовой аспект) // Человек: преступление и наказание. 2015. № 1. С. 18.
3. Зорькин В. Право эпохи модерна. О том, каковы юридические уроки предыдущих попыток модернизации России // Рос. газ. 2010. 25 июня.
4. Overcrowded prisons: looking for solutions: conclusion by the general rapporteur of the 15th conference of directors of prison administrations. Edinburgh, 9–11 september, 2009.
5. Козлова Н. Александр Бастрыкин предлагает исключить из Конституции РФ нормы о приоритете международного права // Рос. газ. 2015. 24 июля.
6. Гулина О. Р. Пенитенциарная система Федеральной Республики Германия в современных условиях // Российский юридический журнал. 2012. № 4. С. 141.

ALEXANDER YAKOVLEVICH GRISHKO,

dsc in law, professor,
human rights commissioner in the Ryazan region
(Government of the Ryazan region),
e-mail: ombudsman62@mail.ru

**ON IMPLEMENTING THE LEGISLATION OF RUSSIA AND OF SOME FOREIGN COUNTRIES
ON THE PUNISHMENTS OF DEPRIVATION OF LIBERTY**

Annotation: the article is devoted to the vital problems of implementing the standards of foreign legislation and international law in the national penal legislation. The examples are given from the legislation of Germany, Poland, England, Norway, France, Belarus that deserve attention of the Russian legislation in the context of introducing similar standards into the national legislation. These standards are: differentiation of youthful prisoners (England); detention of ill prisoners in correctional facilities after the termination of their sentence (Poland); setting up of separate places for female convicts at the other correctional facilities as well as for female juveniles at the correctional facilities for male juveniles; creation of initial capital – monthly deductions to provide for the life of the convicts after their release, as well as for the life of the persons entitled to the alimony from them (Germany); a solitary confinement of prisoners during their early stay in a correctional facility (Germany, France); learning the language of the country of residence by the convicted foreigners (Germany, France); preventive supervision (Belarus).

It is emphasized that when discussing the issues of implementing some standards of foreign legislation, international conventions, resolutions of the European Court of Human Rights, it is necessary to proceed from their compliance with the Constitution of the Russian Federation. Its standards are of the uppermost significance for solving the problem.

Key words: implementation, international legislation, Constitution of the Russian Federation, European court of human rights, imprisonment, human rights.

References

1. Sbornik dokumentov i materialov Soveta Evropy i Evropejskogo Suda po pravam cheloveka po voprosam penitenciarnoj sistemy [The collection of documents and materials of the Council of Europe and European Court of Human Rights concerning penal system]. Moscow, 2003.
2. Vorob'ev Ju. A. Institut preventivnogo zakljucheniya v Germanii: istoriya i sovremennoe sostojanie (pravovoj aspekt) [Institute of the preventive conclusion in Germany: history and current state (legal aspect)]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2015, no. 1, p. 18.
3. Zor'kin V. Pravo jepohi moderna. O tom, kakovy juridicheskie uroki predydushhih popytok modernizacii Rossii [Right of an era of a modernist style. About what legal lessons of the previous attempts of modernization of Russia]. Rossijskaja gazeta – Russian newspaper, 2010, 25 June.
4. Overcrowded Prisons: Looking for Solutions: Conclusion by the General Rapporteur of the 15th Conference of Directors of Prison Administrations. Edinburgh, 9–11 September, 2009.
5. Kozlova N. Aleksandr Bastykin predlagaet iskljuchit' iz Konstitucii RF normy o prioritete mezhdunarodnogo prava [Alexander Bastykin suggests to exclude norms on a priority of international law from the Constitution of the Russian Federation]. Rossijskaja gazeta – Russian newspaper, 2015. 24 July.
6. Gulina O. R. Penitenciar'naja sistema Federal'noj Respubliki Germanija v sovremennyh uslovijah [Penal system of the Federal Republic Germany in modern conditions]. Rossijskij juridicheskij zhurnal – Russian legal magazine, 2012, no. 4, p. 141.

**ИСТОРИЯ РАЗРАБОТКИ ПРОБЛЕМ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ ОСУЖДЕННЫМИ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ**

Реферат: в статье предпринята попытка обобщения и систематизации всех разработок в области расследования преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях, выявлены предпосылки формирования новых знаний на основе имеющихся достижений в области криминалистической и пенитенциарной наук в начале прошлого столетия.

С учетом политических событий середины XX в. определено время окончательного оформления идеи о необходимости разработки проблем расследования преступлений, совершаемых осужденными в местах лишения свободы.

Детальному анализу подвергнут этап формирования значительного объема знаний об особенностях преступлений, совершаемых осужденными, и о специфике процесса расследования таких преступлений в местах лишения свободы; выявлен период возникновения необходимости осмысления, обобщения и систематизации разрозненных знаний в данной области научного познания и разработки общей методики расследования и предупреждения преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях.

Дан обзор разноаспектных разработок последних 15 лет в сфере проблем расследования преступлений, совершаемых осужденными в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы современной России.

Ключевые слова: криминалистика, пенитенциарная наука, расследование преступлений, осужденный, пенитенциарные преступления, исправительные учреждения.

С 2000 г. заметно повысился интерес к вопросам расследования преступлений, совершаемых осужденными в местах лишения свободы. Проводятся диссертационные исследования, публикуются статьи, готовятся учебные и практические пособия.

Анализ данных работ показывает, что большинство исследователей не затрагивают вопрос степени разработанности проблем расследования преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях. Следует отметить, что вопросу степени разработанности отдельных аспектов уделялось внимание в диссертациях по данной проблематике, однако связано это было прежде всего с предметом конкретного исследования. Вместе с тем, помимо разработок последних 15 лет, существует достаточно большой объем знаний по проблемам расследования преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях, которые активно формировались во второй половине XX столетия.

Попыток обобщения и систематизации всех разработок в рассматриваемой области научного познания в открытой печати на сегодняшний день не встречается.

Данные обстоятельства натолкнули нас на мысль провести эту работу, результаты которой будут полезны начинающим исследователям в области расследования преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях. Это касается и курсантов, слушателей, студентов ведомственных вузов ФСИН России, осуществляющих подобные исследования в форме научных докладов, рефератов и выпускных квалификационных работ.

Предпосылки изучения вопросов расследования преступлений, совершаемых осужденными в местах лишения свободы, в отечественной науке формировались по двум направлениям: разработка общих основ криминалистики в целом, методики расследования преступлений в частности и изучение проблем, связанных с исполнением наказаний в местах лишения свободы.

Система отечественной криминалистики, как отмечает Р. С. Белкин [1, с. 69], складывалась постепенно. Вначале формировались основы уголовной техники и уголовной тактики. Затем все больше ученых стали пытаться применять сложившиеся познания техники и тактики к расследованию отдельных видов преступлений. По мнению И. А. Воз-

рина [2, с. 19], большое значение в этом направлении имела работа И. Н. Якимова «Практическое руководство к расследованию преступлений» (1924), в которой он описал общий метод расследования преступлений по косвенным доказательствам (уликам) и его приложение к расследованию отдельных преступлений.

Значительный вклад в формирование методики расследования преступлений внес В. И. Громов, который в своей работе «Методика расследования преступлений» (1929) фактически обосновал необходимость создания нового раздела криминалистики – методика расследования [1, с. 69].

С этого времени в трудах отечественных ученых-криминалистов стали активно разрабатываться теоретические основы общей и частных методик расследования преступлений.

Развитие отечественной пенитенциарной науки связано с именем С. В. Познышева и изданием им в 1923 г. учебника «Основы пенитенциарной науки».

Как отмечает А. С. Смыкалин, в 20-х годах прошлого столетия отечественная научная мысль стала активно осваивать большинство наук социального плана. Большое внимание уделялось личности преступника, при университетах были созданы так называемые антропологические кабинеты, а студенты юридических факультетов начали изучать физиологию человека. В 1925 г. в Москве был открыт Государственный институт по изучению преступности и преступника, в составе которого находилась и пенитенциарная секция [15].

Большой вклад в изучение истории мест заключения России внес крупнейший советский ученый-пенитенциарист заслуженный деятель науки РСФСР М. Н. Гернет. Занимаясь главным образом психологией преступников дореволюционных, а затем и советских тюрем, он на анализе обширных архивных материалов подготовил труды, которые раскрывали особенности устройства пенитенциарных учреждений и характеризовали отдельные свойства преступников [3, 4]. Актуальность и криминалистическую значимость данные работы сохранили и в наши дни.

Однако с конца 1930-х годов исследования в области пенитенциарной системы России начинают носить все более закрытый характер. Это связано с теми политическими процессами, которые происходили внутри государства.

Примерно с середины 1930-х годов и до 1956 г. изучение проблем исполнения наказания в виде лишения свободы, а также все, что связано с подготовкой пенитенциарных кадров, велось строго в системе НКВД – МВД и было засекречено для посторонних. Со второй половины 1930-х годов держалась в секрете вся статистика по исправительно-

трудовым учреждениям; на научных работах, посвященных изучению этих проблем, тоже был поставлен соответствующий гриф.

Новый этап в развитии научных исследований в области пенитенциарной системы России начал формироваться со второй половины 1950-х годов. Важным стимулом к разработке проблем исполнения наказаний стали решения руководства страны, направленные на развитие демократии и социалистической законности. В 1956 г. было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению работы Министерства внутренних дел СССР», а в 1961 г. – Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению деятельности исправительно-трудовых учреждений МВД СССР» [14, с. 270]. В целях реализации указаний партии и правительства по коренной перестройке организации и деятельности исправительно-трудовых учреждений страны, а также по созданию твердых основ порядка исполнения наказаний в виде лишения свободы начинается активная научно-исследовательская работа, в том числе по проблемам разработки уголовно-процессуальных, тактико-криминалистических и организационных аспектов расследования преступлений, совершенных осужденными в исправительно-трудовых учреждениях.

Как отмечает М. А. Петуховский [12, с. 5], впервые такая работа начала проводиться в середине 1960-х годов кафедрой криминалистики Высшей школы МВД СССР, руководителями которой являлись профессор Р. С. Белкин и доцент Г. Г. Зуйков. Работа велась в двух аспектах: по линии диссертационных исследований и по линии подготовки методических и учебных пособий для следователей, дознавателей и сотрудников ИТУ.

Следует остановиться на вкладе М. А. Петуховского в разработку проблем рассматриваемой сферы. Являясь адъюнктом кафедры криминалистики Высшей школы МВД СССР и обладая значительным практическим и педагогическим опытом, связанным с подготовкой специалистов для ИТУ, он проводит первое диссертационное исследование «Тактика допроса свидетелей и обвиняемых из числа заключенных при расследовании преступлений, совершаемых в исправительно-трудовых учреждениях» (1968) по проблемам расследования преступлений, совершаемых в ИТУ, формулируя при этом основы тактики допроса свидетелей и обвиняемых из числа заключенных. В дальнейшем он активно развивает познавательную деятельность по рассматриваемой тематике.

В 1970-е годы фактически закладывается фундамент всех последующих разработок в области проблем расследования преступлений, совершаемых осужденными.

В этот период А. М. Лантух в диссертационном исследовании «Тактические особенности производства первоначальных следственных действий в лесных ИТУ» (1973) рассматривает вопросы тактики проведения отдельных следственных действий при расследовании преступлений в ИТУ. Методику расследования преступлений, совершаемых осужденными, исследовали В. К. Коломеец («Особенности расследования преступлений в исправительно-трудовых колониях», 1972), А. Г. Бронников («Расследование и предупреждение незаконного изготовления, приобретения, хранения и сбыта наркотических веществ в исправительно-трудовых учреждениях», 1972) и В. И. Соколовский («Особенности расследования и предотвращения побегов осужденных из исправительно-трудовых учреждений», 1979). Организационным и процессуальным вопросам дознания в системе ИТУ была посвящена диссертация З. Д. Смитиенко – «Организационные и процессуальные вопросы дознания в системе исправительно-трудовых учреждений» (1974).

В то же время в юридической печати было опубликовано более ста работ по различным актуальным вопросам, возникающим в практике возбуждения уголовных дел и расследования преступлений, совершенных осужденными в местах лишения свободы. Методике расследования отдельных видов преступлений в ИТУ было посвящено специальное приложение к тому 2 учебника по криминалистике для юридических вузов МВД СССР (1970), в авторский коллектив которого входили такие специалисты разработки криминалистических вопросов расследования преступлений в местах лишения свободы, как доценты М. П. Хилобок и В. Е. Жарский [12, с. 5].

Вопросы расследования преступлений, совершаемых в местах лишения свободы, стали представлять интерес для большого количества исследователей.

Созданная в 1960-х годах Киевская высшая школа МВД СССР, готовившая специалистов для милиции, к началу 1970-х годов стала осуществлять подготовку специалистов для исправительно-трудовых учреждений, что обусловило необходимость разработки пособий и рекомендаций по проблемам функционирования исправительно-трудовых учреждений. В середине 70-х годов под авторством Е. П. Коновалова выпускается серия лекций по вопросам расследования преступлений, совершаемых осужденными: «Расследование мужеложства в исправительно-трудовых учреждениях» (1974), «Расследование хулиганства в исправительно-трудовых учреждениях» (1975), «Расследование приобретения, хранения и сбыта наркоти-

ческих веществ в исправительно-трудовых учреждениях» (1976).

В 1971 г. в системе МВД СССР создается Рязанская высшая школа МВД СССР – первое высшее учебное заведение, в котором приоритетным направлением подготовки сотрудников органов внутренних дел является подготовка специалистов для исправительно-трудовых учреждений [16, с. 25]. Из различных учебных заведений и научных организаций сюда направляются научные и педагогические работники, являющиеся специалистами в области проблем исправления и перевоспитания осужденных и функционирования исправительно-трудовых учреждений. Все это приводит к тому, что во второй половине 70-х годов Рязанская высшая школа МВД СССР утвердилась в статусе крупного научно-методического центра системы МВД СССР, вуз стал постоянной базой для проведения крупных симпозиумов. В целях получения качественных результатов в области научного обеспечения деятельности исправительно-трудовых учреждений исследования осуществлялись на основе методических рекомендаций, разработанных лабораторией по исследованию проблем перевоспитания осужденных, созданной при Рязанской высшей школе МВД СССР [10].

Вопросам подготовки учебных и методических пособий по расследованию преступлений, совершаемых осужденными в местах лишения свободы, уделялось особое внимание. В 1970-е годы в Рязанской высшей школе МВД СССР готовится целый ряд учебных и учебно-практических пособий: М. А. Петуховский, А. Г. Самарин «Осмотр колюще-режущих орудий (оружия), изымаемых у осужденных в ИТУ» (1974), М. А. Петуховский, А. М. Лантух «Расследование насильственных преступлений, совершаемых осужденными в ИТУ» (1975), А. М. Лантух «Первоначальный этап расследования преступлений, совершаемых осужденными в ИТУ» (1976), М. А. Петуховский «Тактические особенности предъявления для опознания при расследовании преступлений, совершенных осужденными в ИТУ» (1976), и «Возбуждение уголовных дел о преступлениях, совершенных осужденными в ИТУ» (1977); А. П. Халявин «Использование криминалистической техники в профилактике преступлений, совершаемых в ИТУ» (1977), «Задержание подозреваемого в совершении преступления и особенности его применения в ИТУ» (1978) и «Расследование преступлений в ИТУ с использованием оперативно-розыскных данных» (1979).

Формирование указанных научно-методических центров не говорит о том, что ими была монополизирована разработка проблем расследования преступлений, совершенных осужденными. Подобные про-

блемы поднимались авторами других учебных заведений. Так, в Свердловском отделении Высшей школы МВД СССР В. К. Коломейцем подготовлено своеобразное наставление «Практическому работнику о дознании в исправительно-трудовых колониях» (1973), в Волгоградской следственной школе МВД СССР под авторством Н. И. Кулагина издано учебное пособие «Организация и тактика предварительного следствия в местах лишения свободы» (1977). Однако для 70-х годов это, пожалуй, самые заметные работы по рассматриваемой проблематике.

В 1980-х годах исследования были продолжены. В этот период Л. Г. Горшениным в диссертации «Криминалистическая характеристика и особенности расследования преступлений в ИТУ (нанесение умышленных телесных повреждений и хулиганство)» (1983) и М. К. Самалдыковым в диссертации «Расследование и предупреждение действий, дезорганизующих работу исправительно-трудовых учреждений» (1985) разрабатываются вопросы методики отдельных видов преступлений, совершаемых осужденными, а Ю. Г. Карпунин в работе «Организация расследования преступлений в исправительно-трудовых учреждениях» (1984) исследует организационные основы расследования преступлений в исправительно-трудовых учреждениях.

С конца 70-х – начала 80-х годов к исследованию проблем процесса исправления и перевоспитания осужденных активно подключаются Всесоюзный научно-исследовательский институт МВД СССР и Карагандинская высшая школа МВД СССР.

На базе всех ранее указанных учебных и научных организаций в этот период активно готовятся учебные и методические разработки, среди которых следует отметить работы М. А. Петуховского «Расследование действий, дезорганизующих работу ИТУ» (1980), А. Г. Бронникова «Татуировки осужденных и их криминалистическое значение» (1980), В. В. Кулькова «Расследование незаконного изготовления, приобретения, хранения, перевозки или сбыта наркотических веществ в ИТУ» (1981), А. Я. Маркова «Расследование преступлений против здоровья в ИТУ» (1981) и «Расследование преступлений, совершаемых в ВТК» (1983), З. Д. Смитиенко «Организационные и правовые вопросы дознания в исправительно-трудовых учреждениях» (1982), С. И. Медведева «Расследование убийств и причинения телесных повреждений в ИТУ» (1987), Н. Г. Шурухнова «Расследование злостного неповиновения и иного противодействия осужденных администрацией ИТУ» (1988) и «Расследование незаконного изготовления, хранения, приобретения, перевозки и сбыта наркотических средств» (1989).

Характеризуя научную разработку проблем расследования преступлений, совершаемых осужденными в местах лишения свободы в 90-е годы прошлого столетия, следует отметить, что очевидно наступал новый этап этого процесса.

К этому моменту и криминалистическая наука, и пенитенциарная практика уже успели сформировать значительный объем знаний об особенностях преступлений, совершаемых осужденными, и специфике процесса расследования таких преступлений. Возникла необходимость системного осмысления и обобщения разрозненных сведений в данной области научного познания. Этой работой долгое время занимался Н. Г. Шурухнов, который в 1992 г. защищает первую докторскую диссертацию по рассматриваемой проблематике «Расследование и предупреждение преступлений, совершаемых осужденными в ИТУ».

Н. Г. Шурухновым сформулированы теоретические и методологические обоснования общей методики расследования и предупреждения преступлений, совершаемых осужденными в исправительно-трудовых учреждениях.

В основу теории положена гипотеза о влиянии комплекса специфических субъективно-объективных факторов на особенности совершения преступления и ход его расследования. В числе данных обстоятельств выделяются личностные свойства правонарушителя, социальная среда в местах совершения преступления, правовое и организационное положение субъекта расследования и др. В рамках исследования предложена неофициальная стратификация осужденных, позволяющая прогнозировать их поведение на следствии, определять конкретные способы и средства побуждения к даче правдивых показаний.

Разработанная Н. Г. Шурухновым методика стала базой для формирования частных криминалистических методик для расследования отдельных видов преступлений.

В этот период в рамках рассматриваемой проблемы были подготовлены диссертационные исследования В. А. Машнина «Способы побегов из охраняемых ИТК и криминалистические методы их разоблачения» (1994) и Э. В. Рейтенбаха «Уголовно-процессуальные и организационные проблемы производства дознания начальником ИТУ» (1995).

Примерно до середины 1990-х годов деятельность пенитенциарных учреждений носила закрытый характер и соответственно все научные и учебные разработки, связанные с расследованием преступлений, совершенных осужденными, были ограничены в распространении.

Недостаточность освещения в криминалистической литературе вопросов специфики расследования и предупреждения преступлений, совершаемых осужденными к лишению свободы, привела к тому, что в 1996 г. на базе Рязанского института права и экономики МВД России (бывшая Рязанская высшая школа МВД СССР) был подготовлен первый учебник по криминалистике, учитывающий специфику подготовки специалистов уголовно-исполнительной специализации. Данный учебник, а точнее, второй том, был продолжением первого тома, подготовленного под редакцией Р. С. Белкина в Академии МВД России в 1995 г. [5].

Второй том был подготовлен под редакцией начальника кафедры уголовного процесса и криминалистики Рязанского института права и экономики МВД России кандидата юридических наук, доцента В. В. Кулькова и состоял из двух частей [6, 7]. В первой части рассматривались вопросы, связанные с организацией расследования преступлений в учреждениях, исполняющих наказания, факторы, затрудняющие такое расследование, особенности криминалистической техники и тактики, а также уделялось внимание особенностям изучения личности осужденных, являющихся подозреваемыми, обвиняемыми, свидетелями или потерпевшими по преступлениям, совершенным в учреждениях, исполняющих наказания. Во второй части была рассмотрена методика расследования отдельных видов преступлений, совершаемых в учреждениях, исполняющих наказания: дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества; незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозка либо сбыт наркотических средств или психотропных веществ; убийства и причинение вреда здоровью; хулиганство; половые преступления; побег из мест лишения свободы; хищения чужого имущества, совершенные путем присвоения, растраты либо использования служебного положения; кражи, совершаемые осужденными к лишению свободы; поджоги и преступное несоблюдение противопожарных правил.

В целом 90-е годы прошлого столетия стали самыми сложными для большинства сфер человеческой деятельности нашего государства. В конце 1991 г. распадается Союз Советских Социалистических Республик, рушится привычная система государственного устройства, Российское государство погружается в затяжной процесс демократических преобразований. Реформированию подвергается пенитенциарная политика, а затем и пенитенциарная система государства. Законодательно оформленные в виде Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и Уголовно-исполни-

тельного кодекса РФ от 8 января 1997 г. принципы реформирования пенитенциарной системы страны внешне выражаются в виде замены терминов «исправительно-трудовые учреждения» на «исправительные учреждения».

На основании Федерального закона от 21 июля 1998 г. № 117-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с реформированием уголовно-исполнительной системы», указов Президента Российской Федерации от 8 октября 1997 г. № 1100 «О реформировании уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации» и от 28 июля 1998 г. № 904 «О передаче уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации в ведение Министерства юстиции Российской Федерации» с сентября 1998 г. уголовно-исполнительная система была передана из ведения МВД России в ведение Минюста России.

Все эти преобразования неизбежно повлияли на процесс научного обеспечения проблем расследования преступлений, совершаемых осужденными в местах лишения свободы. Впрочем, этому процессу практически до конца 90-х годов была характерна определенная инерционность. За счет теснейшей связи между всеми учебными и научными учреждениями, ранее входившими в единую систему МВД России, уделялось пристальное внимание проблемам расследования пенитенциарных преступлений. Однако в силу корректировки ведомственных приоритетов этот интерес со стороны научного сообщества МВД России вскоре угас.

В процессе передачи уголовно-исполнительной системы из МВД России в Минюст России произошла и передача ведомственных образовательных учреждений. Этот процесс не был безболезненным. Большое количество высококвалифицированного профессорско-преподавательского состава с огромным практическим и педагогическим опытом в сфере подготовки специалистов для исправительных учреждений либо осталось в системе МВД России, либо уволилось на пенсию. Все это не лучшим образом повлияло на научно-исследовательскую работу, проводимую по пенитенциарным проблемам. На какое-то время снизилось количество работ по расследованию преступлений, совершаемых осужденными в местах лишения свободы.

Вместе с тем образовательные и научные учреждения уголовно-исполнительной системы в скором времени были полностью укомплектованы профессорско-преподавательским составом. Часто это происходило за счет молодых специалистов

либо практиков, не имеющих ученых степеней. Впрочем, данное обстоятельство стало только способствовать повышению интереса к проведению диссертационных исследований, в том числе по проблемам рассматриваемой темы. Этот интерес начал активно проявляться и в вузах, не имеющих отношения к подготовке специалистов для уголовно-исполнительной системы.

Начиная с 2000 г. по проблемам, связанным с производством расследования преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях, подготовлено и защищено более 20 диссертаций.

В диссертациях А. В. Белякова «Методика расследования дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества» (2010), Н. В. Грязева «Методика расследования побегов из мест лишения свободы» (2014), С. Б. Ларина «Особенности первоначального этапа расследования преступлений, совершаемых лидерами и членами организованных преступных групп в местах лишения свободы» (2014), Р. М. Морозова «Особенности первоначального этапа расследования побегов из исправительных учреждений» (2012), А. А. Нуждина «Расследование мошенничества, совершенного осужденными в учреждениях УИС с использованием средств сотовых систем подвижной связи» (2013), Б. Л. Прокопенко «Особенности расследования убийств, совершенных осужденными в местах лишения свободы» (2009), Е. В. Чернышенко «Расследование незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях ФСИН России» (2014), А. С. Ямашкина «Методика расследования побегов из мест лишения свободы» (2010) исследовались частные криминалистические методики расследования преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях.

Тактические, процессуальные и психологические особенности производства отдельных следственных действий рассматривали в своих работах О. П. Александрова – «Производство органами дознания уголовно-исполнительной системы неотложных следственных действий» (2006), А. Т. Валеев – «Тактика обыска и выемки при производстве расследования преступлений, совершенных в учреждениях уголовно-исполнительной системы: научные и организационно-правовые основы» (2006), Л. В. Казаринова – «Производство неотложных следственных действий сотрудниками оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы» (2007), Р. П. Кузьмин – «Психология предварительного расследования преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях» (2003), А. М. Лютынский –

«Тактика допроса участников уголовного судопроизводства из числа лиц, осужденных к лишению свободы» (2006).

С. Д. Аверкин в диссертации «Использование результатов режимных мероприятий (досмотра и обыска), проводимых в исправительных учреждениях, в расследовании преступлений» (2009) проанализировал процессуальные и организационно-тактические аспекты использования результатов досмотра и обыска – режимных мероприятий – в расследовании преступлений, совершенных осужденными в исправительных учреждениях.

Вопросы противодействия предварительному расследованию в местах лишения свободы разработаны В. А. Ищенко в диссертации «Противодействие предварительному расследованию в местах лишения свободы и основные направления его нейтрализации» (2007).

Отдельные уголовно-процессуальные аспекты рассматриваемой проблемы затронуты в работах Ф. Г. Абдуллаева «Совершенствование уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой начальниками исправительных учреждений: по материалам Республики Дагестан» (2003), С. А. Бирмамитовой «Доказывание на досудебных стадиях уголовного процесса по делам о преступлениях, совершенных осужденными в исправительных колониях» (2007), В. А. Гнатенко «Дознание по уголовным делам о преступлениях, совершаемых в воспитательных колониях Федеральной службы исполнения наказаний» (2007), Е. Р. Пудакова «Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России» (2008), К. А. Синкина «Особенности судопроизводства по делам о преступлениях, совершаемых осужденными в учреждениях уголовно-исполнительной системы: по материалам уголовных дел, подсудных мировому судье» (2004), Е. В. Сопневой «Актуальные проблемы прокурорского надзора и расследования преступлений в местах лишения свободы» (2000).

Кроме того, после 2000 г. В. С. Ишигеевым и В. В. Николайченко были подготовлены и успешно защищены докторские диссертации «Пенитенциарные преступления: характеристика, предупреждение, ответственность» (2004), «Пенитенциарные и постпенитенциарные преступления: криминалистическая теория и практика» (2006), а в 2015 г. – А. А. Крымовым «Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России», которые, безусловно, заслуживают особого внимания.

Помимо диссертационных исследований в последние годы активно готовятся публикации по

рассматриваемой проблеме, а также по различным аспектам деятельности исправительных учреждений, имеющим непосредственное отношение к рассматриваемой теме [8, 9, 11]. За последние 15 лет в периодических изданиях, сборниках научных трудов, материалах конференций опубликовано более 200 статей. В рамках проводимых диссертационных исследований или по итогам таковых готовятся учебные пособия и монографии.

Среди всех учебных и методических работ особо следует обратить внимание на коллективный труд представителей вузов ФСИН России. В 2010 г. управление кадров ФСИН России создало межвузовские учебно-методические секции, в рамках которых стала функционировать подсекция уголовного процесса и криминалистики секции уголовно-правовых дисциплин. В ходе совместной работы всех кафедр уголовного процесса и криминалистики ведомственных вузов ФСИН России было подготовлено практическое руководство для следователей, дознавателей правоохранительных органов и оперативных сотрудников уголовно-исполнительной системы, содержащее богатое практико-ориентированное приложение (образцы заполнения отдельных процессуальных документов, оформления фототаблиц, планов, схем; алгоритмы действий должностных лиц при производстве отдельных следственных действий при расследовании преступлений в исправительных учреждениях и т. п.) [13].

Подводя итог, следует отметить, что, используя системно-исторический подход к исследованию процесса формирования и дальнейшего развития

разработки проблем расследования преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях, можно выделить несколько последовательных этапов:

первый (середина XIX в. – середина 30-х годов XX века) – формирование предпосылок нового знания на основе имеющихся достижений, активное внимание к изучению личности преступника, развитие основ отечественной криминалистики, пенитенциарной науки;

второй (40-е – середина 60-х годов XX века) – окончательное оформление идеи о необходимости разработки проблем расследования преступлений, совершаемых осужденными в местах лишения свободы;

третий (конец 60-х – 80-е годы XX века) – формирование значительного объема знаний об особенностях преступлений, совершаемых осужденными, и специфике процесса расследования таких преступлений в ИТУ, повышение научного и практического интереса исследователей к данным проблемам;

четвертый (90-е годы XX века) – осмысление, обобщение и систематизация разрозненных знаний в данной области научного познания, разработка общей методики расследования и предупреждения преступлений, совершаемых осужденными в ИТУ;

пятый (2000 г. – по настоящее время) – возобновление разноаспектного интереса к проблемам расследования преступлений, совершаемых осужденными в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Список литературы

1. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. 240 с.
2. Возгрин И. А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. СПб., 1992. Ч. 1. 100 с.
3. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1951–1956. Т. 1–5.
4. Преступный мир Москвы. М., 1924. 246 с.
5. Криминалистика. История, общая и частная теории / под ред. Р. С. Белкина [и др.]. М., 1995. Т. 1. 279 с.
6. Криминалистика. Организация, техника, тактика расследования преступлений в учреждениях, исполняющих наказания : учебник / под ред. В. В. Кулькова. Рязань, 1996. Т. 2. Ч. 1. 196 с.
7. Криминалистика. Методика расследования преступлений в учреждениях, исполняющих наказания : учебник / под ред. В. В. Кулькова. Рязань, 1996. Т. 2. Ч. 2. 100 с.
8. Крымов А. А. Особенности проверки администрацией исправительного учреждения сообщения о преступлении // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 1. С. 29–33.
9. Масленников Е. Е. О некоторых актуальных проблемах охраны учреждений уголовно-исполнительной системы // Вестник Кузбасского института. 2014. № 4. С. 42–45.
10. Методика конкретных исследований в исправительно-трудовых учреждениях : учеб.-практ. пособие / под ред. З. А. Астемирова, М. П. Мелентьева. Рязань, 1976. 144 с.
11. Нуждин А. А. Специфика обстановки совершения осужденными преступлений в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2015. № 1. С. 87–89.
12. Петуховский М. А. Дознание и предварительное следствие в исправительно-трудовых учреждениях (уголовно-процессуальные и тактико-криминалистические проблемы) : учеб. пособие. М., 1979. 192 с.

13. Расследование преступлений, совершаемых в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы : практическое руководство для следователей, дознавателей правоохранительных органов и оперативных сотрудников уголовно-исполнительной системы / под ред. Е. П. Ищенко, О. А. Белова. М., 2013. 376 с.

14. Реент Ю. А. История уголовно-исполнительной системы и органов юстиции России : учебник / под общ. ред. Г. К. Корниенко ; науч. ред. А. А. Крымова. Рязань, 2013. 428 с.

15. Смыкалин А. С. Пенитенциарная система советской России 1917 – начала 1960-х гг. (историко-юридическое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1998. 325 с.

16. Этапы большого пути / под общ. ред. А. Я. Гришко. Рязань, 2009. 303 с.

ALEXANDER VLADIMIROVICH AKCHURIN,

phd, associate professor,
head of the criminal procedure and criminalistics department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: 79206310258@yandex.ru

HISTORY OF DEVELOPMENT OF INVESTIGATION ISSUES OF CRIMES COMMITTED BY CONVICTS IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS

Annotation: in the article, an attempt of generalization and systematization of all developments in the investigation of crimes committed by convicts in prisons is made, prerequisites for the formation of new knowledge on the basis of the achievements in the field of forensic science and the prison at the beginning of the last century are identified.

Taking into account the political events of the mid XX century, the term is determined for the final formation of ideas on the need for the problems of the investigation of crimes committed by convicts in prisons.

The stage of formation of a significant amount of knowledge about the features of crimes committed by convicts and the specifics of the process of the investigation of such crimes in prisons is subjected to a detailed analysis.

Identified the need arises during the reflection, generalization and systematization of disparate knowledge in the field of scientific knowledge and the development of a common methodology to investigate and prevent crimes committed by convicts in prisons.

A review of the comprehensive development of the last 15 years in the field of the problems of the investigation of crimes committed by convicts in penal establishments of modern Russia.

Key words: criminalistics, penitentiary science, investigation of crimes, convicted, penal crimes, correctional facility.

References

1. Belkin R. S. Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya. Zlobodnevnyye voprosy rossiyskoy kriminalistiki [Forensics: problems of today. Topical issues of Russian criminalistics]. Moscow, 2001. 240 p.

2. Vozgrin I. A. Nauchnyye osnovy kriminalisticheskoy metodiki rassledovaniya prestupleniy. Chast' I. [Scientific bases of forensic crime investigation techniques]. St. Petersburg, 1992, Part I. 100 p.

3. Gernet M. N. Istoriya tsarskoy tyur'my [The history of the royal prison]. Moscow, 1951–1956. Vol. 1–5.

4. Prestupnyy mir Moskvyy [Underworld Moscow]. Moscow, 1924. 246 p.

5. Kriminalistika. Istoriya, obshchaya i chastnaya teorii [Criminalistics. History, general and special theory]. Under the editorship of R. S. Belkin and others. Moscow, 1995. Vol. 1. 279 p.

6. Kriminalistika. Organizatsiya, tekhnika, taktika rassledovaniya prestupleniy v uchrezhdeniyakh, ispolnyayushchikh nakazaniya [Criminalistics. Organization, equipment, tactics of crime investigation in institutions executing punishment]. Under the editorship of V. V. Kulkov. Ryazan, 1996. Vol. 1. Part 2. 196 p.

7. Kriminalistika. Metodika rassledovaniya prestupleniy v uchrezhdeniyakh, ispolnyayushchikh nakazaniya [Criminalistics. Methods of investigation of crimes of penal institutions]. Under the editorship of V. V. Kulkov. Ryazan, 1996. Vol. 2. Part 2. 100 p.

8. Krymov A. A. Osobennosti proverki administratsiyey ispravitel'nogo uchrezhdeniya soobshcheniya o prestuplenii [Features verification prison administration reported crime]. Vestnik instituta: prestupleniye, nakazaniye, ispravleniye – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction, 2014, no. 1, pp. 29–33.

9. Maslennikov E. E. O nekotorykh aktual'nykh problemakh okhrany uchrezhdeniy ugovovno-ispolnitel'noy sistemy [Some urgent problems of the penitentiary system]. Vestnik Kuzbasskogo instituta – Bulletin of the Kuzbass Institute, 2014, no. 4, pp. 42–45.

10. Metodika konkretnykh issledovaniy v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh [Methods of case studies in labor institutions: teaching practical manual]. Under the editorship of Z. A. Astemirov, M. P. Melentyev. Ryazan, 1976. 144 p.

11. Nuzhdin A. A. Spetsifika obstanovki soversheniya osuzhdennymi prestupleniy v uchrezhdeniyakh ugovovno-ispolnitel'noy sistemy [The specificity of the situation convicted of committing crimes in the penal system]. Chelovek: prestupleniye i nakazaniye – Man: crime and punishment, 2015, no. 1, pp. 87–89.

12. Petuhovsky M. A. Doznaniye i predvaritel'noye sledstviye v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh (ugovovno-protsessual'nyye i taktiko-kriminalisticheskiye problemy) [Enquiry and preliminary investigation in labor institutions (criminal procedure and criminalistic tactical problems)]. Moscow, 1979. 192 p.

13. Rassledovaniye prestupleniy, sovershayemykh v organakh i uchrezhdeniyakh ugovovno-ispolnitel'noy sistemy : prakticheskoye rukovodstvo dlya sledovateley, doznavateley pravookhranitel'nykh organov i operativnykh sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noy sistemy [The investigation of crimes committed in the organs and institutions of the penal system: a practical guide for investigators, law enforcement investigators and operational staff of the correctional system]. Under the editorship of E. P. Ishchenko, O. A. Belov. Moscow, 2013. 376 p.

14. Reent Y. A. Istoriya ugovovno-ispolnitel'noy sistemy i organov yustitsii Rossii [The history of the penal system and judicial authorities of Russia]. Under the total editorship of G. K. Kornienko, scientific editorship of A. A. Krymov. Ryazan, 2013. 428 p.

15. Smykalin A. S. Smykalin A. S. Penitentsiarnaya sistema sovetskoy Rossii 1917 – nachala 1960-kh gg. (Istoriko-yuridicheskoye issledovaniye). Dis. d-ra jurid. nauk [Penal system of Soviet Russia 1917 – the beginning of the 60s. (Historical and legal research). Dr. legal sci. diss.]. Ekaterinburg, 1998. 325 p.

16. Etapy bol'shogo puti [The Big Way]. Under the total editorship of A. Ya. Grishko. Ryazan, 2009. 303 p.

ЭВОЛЮЦИЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ ДЛЯ ПОМОЩИ ОСУЖДЕННЫМ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Реферат: в статье рассматривается историческая последовательность эволюции системы наказания и использование ее в рамках Российской империи.

Революцию в тюремном деле произвел Петр I, увидевший в осужденных дармовую рабочую силу. Подписанный Петром Артикул воинский включил в число наказаний отправку на галеры с приковыванием к веслам. Однако особый интерес император проявлял к ссылке, в которой он видел прежде всего эффективный способ расширения заселенных территорий.

Созданная Петром I система труда каторжников стремительно развивалась. Именно тогда в городах началось строительство специальных тюрем, которые образовывали с заводами и фабриками единый производственно-тюремный комплекс.

Большое влияние на становление российских попечительских обществ оказали пенитенциарные активисты других стран. Так, в результате посещения В. Венингом российских тюрем на государственном уровне были разработаны и внедрены новые нормативно-правовые акты, позволившие частично улучшить условия содержания заключенных и повлиявшие на их моральный облик. 19 июля 1819 г. было учреждено Попечительное о тюрьмах общество, которое имело благотворительные цели и должно было ведать хозяйственной деятельностью тюрем, организацией нравственного воздействия на заключенных, а также оказывать содействие тюремной администрации. К работе активно привлекались священнослужители для формирования нравственно-психологического климата в среде осужденных и работы с теми осужденными, воспитательное воздействие на которых затруднительно. Предметами деятельности Общества провозглашались постоянный контроль за работой заключенных, отдельное содержание в зависимости от тяжести преступления, воспитательное воздействие, применение мер поощрения и взыскания.

Нововведения в уголовно-исполнительной сфере этого времени преследовали следующие цели:

- распределение заключенных по полу, возрасту, тяжести совершенного преступления, рецидиву, предназначавшееся для оптимизации мер воздействия на заключенных;
- принудительный труд, способствующий решению проблемы трудоустройства заключенных и возможности получения дополнительных доходов как тюрьмам, так и заключенным;
- запрет на азартные игры и распитие спиртных напитков;
- создание учебных заведений для обучения заключенных грамоте;
- нравственное и религиозное воспитание;
- надзор со стороны Попечительного о тюрьмах общества за работой пенитенциарных учреждений, которые не реже двух раз в неделю обязаны были контролировать в тюрьмах и лично проверять быт, качество пищи и одежды, поведение надзирателя, узнавать информацию о поступках и склонностях заключенных и т. д.

В 1879 г. было создано новое ведомство – Главное тюремное управление, которое стало заниматься тюрьмами. Деятельность Общества теперь сводилась к финансированию тюрем и арестантов, а реальное положение на местах контролировали комитеты.

Ключевые слова: исправление заключенных, личность осужденного, негосударственные организации, социальная работа с заключенными, патронаж.

Один из исследователей тюремного вопроса Российской империи Н. М. Ядринцев по поводу нравственного исправления заключенных говорил следующее: «Наблюдения и опыты уже доказали, что самые жестокие, самые испорченные преступники могут преобразовываться и улучшаться по мере доставления им более нормальных условий жизни, по

мере воспитания в них лучших привычек, по мере умственного и нравственного их развития. Главнейшей целью пенитенциарной науки и всех систем исправления является изыскание тех средств, которые могли бы лучше влиять на перевоспитание преступника и исправить в нем те недостатки, пороки и наклонности, которые были привиты к нему дурной обстановкой. При этом в основу вся-

кой системы исправления само собою должно лечь основательное изучение личности, чтобы лучше узнать те недостатки характера, которыми она страдает, и те хорошие ее природы, которые при развитии и воспитании человека должны составить противовес его порочным наклонностям и дурным инстинктам. Исследование характеров заключенных поэтому должно играть главную роль во всякой исправительной системе: без этого невозможно никакое исправление, никакое нравственное влияние» [10, с. 323–324].

Первые тюрьмы строились на деньги разбойного приказа. Сторожа должны были следить за благопристойным поведением «тюремных сидельцев», не давать им нарушать правила поведения, установленные на тот период, а именно не позволять употреблять спиртное и играть в азартные игры. Однако в документах XVII в. имеется множество фактов, свидетельствующих о том, что у заключенных было и спиртное, и карты, и другие запрещенные предметы.

Учитывая данное обстоятельство, Судебник 1649 г. предписывал отправлять в ссылку осужденных в дальние районы Сибири и выделять им ссуду на обзаведение необходимым имуществом. Вместе с тем производить надзор за данным процессом, а также охрану мест ссылки у государства возможности не было, поэтому практически до конца XVII в. такой вид наказания, как ссылка, был избыточным для казны.

Революцию в тюремном деле произвел Петр I, увидевший в осужденных дармовую рабочую силу. В строящемся тогда флоте были не только парусные суда, но и гребные, поэтому подписанный Петром Артикул воинский включил в число наказаний отправку на галеры с приковыванием к веслам. Однако особый интерес император проявлял к ссылке, в которой он видел прежде всего эффективный способ расширения заселенных территорий. Будучи человеком практичным, он применял вместо смертной казни труд каторжников на благо Отечества. Именно тогда осужденных стали не исправлять, а подвергать тяжелому физическому труду. Каторжане не имели права выбора рода занятий: их заставляли делать то, что требовала государственная необходимость.

Созданная Петром I система труда каторжников стремительно развивалась. Именно тогда в городах началось строительство специальных тюрем, которые образовывали с заводами и фабриками единый производственно-тюремный комплекс. В них направлялись лица «непотребного и невоздержанного жития, которых никто в службу не приемлет, люди ленивые, здоровые, нищие и гуляки, которые не хотят трудиться о своем пропитании, едят хлеб напрасно».

Таким образом, в XVII в. в Российской империи была создана сеть мест лишения свободы, а также специальный аппарат по исполнению этого вида наказания, что значительно расширило меру его применения [4, с. 28].

О том, что с заключенными надо обращаться как с людьми, а не как с животными, впервые в нашей стране заявила Екатерина II в принятом ею Наказе комиссии о составлении проекта нового Уложения. В данном источнике содержится множество прогрессивных идей, заимствованных у западноевропейских просветителей. В эпоху ее правления в Россию стали проникать веяния европейского гуманизма, и фактически началась история российской благотворительности. Согласно Учреждению для управления губерний Российской империи 1775 г. в каждой губернии были созданы приказы общественного призрения – система государственной помощи, осуществлявшая всю социальную политику в стране. Приказы открывали и брали под свой контроль народные школы, заведения для умалишенных и неизлечимо больных, богадельни, сиротские дома и т. д. Приказы находились в подчинении верховной власти и Сената, дотации они получали как от государства, так и от частных лиц. Создание приказов способствовало утверждению призрения как области государственного управления. Однако данные документы были далеко не идеальны. Их ежегодные отчеты сильно разнились с действительностью, а большинство их направлений деятельности по пресечению и предупреждению нищенства являлись неэффективными [6, с. 29–30].

В 1781 г., в правление Екатерины Великой, путешествие в Россию предпринял Дж. Говард, который осмотрел тюрьмы в Петербурге, Москве, Вышнем Волочке и Твери. При этом он отклонил приглашение императрицы посетить ее резиденцию, объяснив свой отказ тем, что цель его прибытия – посещение тюрем, а не дворцов.

В 1802 г. приказы общественного призрения были переданы Министерству внутренних дел, которое взято за основу в России как структура социального обеспечения. С переводом благотворительности в одно из направлений государственной деятельности полиция также была включена в данную отрасль. Ей вменялось теперь в обязанности и предупреждение нищенства, рост которого рассматривался как угроза национальному благосостоянию и стабильности общества. Как правило, обязанности по делам благотворительности возлагались на низших чинов (частных приставов, квартальных надзирателей, исправников).

Во второй половине XIX в. в России появляются учреждения профилактического характера для детей ссыльных и арестантов – приюты. «Воспитание в приютах было религиозным, религия ис-

пользовалась как средство формирования нравственных качеств подростков» [1, с. 49].

Большое влияние на становление российских попечительских обществ оказали пенитенциарные активисты других стран. История визитов иностранцев в тюрьмы России восходит к началу XIX в., когда в 1817 г. из Лондонского общества попечения тюрем в Россию прибыл В. Венинг, которому было разрешено посетить московскую, тверскую и петербургскую тюрьмы. Ознакомившись с его докладом, царь отметил отрицательное состояние тюрем и приказал «улучшить места заключения». В. Венинг обратил внимание на то, что в тюрьмах России совершенно отсутствует раздельное содержание правонарушителей. В одной камере находились мужчины и женщины, несовершеннолетние и взрослые, осужденные и подследственные, впервые совершившие преступления и рецидивисты, заключенные за тяжкие преступления и незначительные и т. д. Он заметил, что «бедная девушка, попавшая в это место хотя бы на одну ночь, должна была потерять всякую добродетель и приготовиться к распутной жизни» [5, с. 10]. В своем докладе он делал акцент на обилие заключенных: в одной камере одновременно содержалось до 100 человек, которые находились там практически постоянно в стоячем положении, оковах, кандалах, колодках, цепях, которые заключенные таскали за собой.

В. Венинг обратил внимание также на скверное пропитание и отсутствие медицинской помощи. В результате его доклада на государственном уровне были разработаны и внедрены новые нормативно-правовые акты, позволившие частично улучшить условия содержания заключенных и повлиявшие на их моральный облик.

Реформатор тюремного дела в Англии и России, неутомимый филантроп В. Веннинг прожил в России всего лишь три с небольшим года. Однако за это время он успел заложить основы гуманного отношения к заключенным и социальной реабилитации освободившихся из мест лишения свободы. Деятельность созданного им Попечительного общества дала новый вектор развития всей тюремной политике дореволюционной России.

19 июля 1819 г. с целью улучшения как нравственного и физического состояния арестантов, так и мест заключения было учреждено Попечительное о тюрьмах общество, которое имело благотворительные цели и должно было ведать хозяйственной деятельностью тюрем, организацией нравственного воздействия на заключенных, а также оказывать содействие тюремной администрации. Данное Общество создавалось под покровительством императора, который лично назначал его президентов. В Уставе общества не содержалось конкретных мер по помощи тем, кто уже отбыл наказание,

большинством норм преследовалась цель улучшения участи «тюремных сидельцев». При этом администрацией активно привлекались священнослужители для формирования ими нравственно-психологического климата в среде осужденных и работы с теми осужденными, воспитательное воздействие на которых затруднено [7, с. 127]. Предметами деятельности Общества провозглашались постоянный контроль за работой заключенных, отдельное содержание в зависимости от тяжести преступления, воспитательное воздействие, применение мер поощрения и взыскания [2, с. 50–53].

«Уже в 1820 г. Общество начало добиваться управления тюремным хозяйством. В том же году оно получило кружечные деньги, собранные для заключенных. В 1825 г. оно стало заведовать суммами из городских и земских сборов на отопление и освещение тюрем. В 1827, 1829 и 1837 гг. в распоряжение Общества были переданы из казны суммы, ассигнованные на продовольствие, одежду и лечение арестантов. С 1827 г. в Петербурге Общество получило в свои руки не только денежные суммы, но и контроль за пищей, включая покупку продуктов и приготовление еды» [8].

В 1844 г. указом Сената эта практика была распространена на всю Россию. Там, где были созданы комитеты Общества, это привело к тому, что ведение тюремным хозяйством было изъято из ведения полиции. 7 ноября 1851 г. был изменен Устав Попечительного о тюрьмах общества, что привело к реформированию его в официальное учреждение с неотъемлемыми признаками бюрократии [3]. В 1855 г. Общество стало подведомственно Министерству внутренних дел, а его президентом назначался министр внутренних дел.

Несмотря на отрицательные моменты, в деятельности Попечительного общества наблюдались и успехи. К 1863 г. в России работало 89 комитетов и отделений Общества в столицах, губернских, областных и портовых городах и 431 отделение в уездных городах. В 1852–1867 гг. Петербургский комитет Общества принял 126 постановлений обязательного характера как по общим вопросам, так и по частным (о бытовом содержании мест заключения, кадрах в местах заключения, содержании арестантов, правилах заготовки, распределении и стирке белья для них, продовольствии и т. п.).

В 1865 г. с помощью Попечительного общества было запрещено пешеходное этапирование, так как большая часть осужденных умирала не в тюрьмах, а на этапах. Несмотря на то что Российское государство в тот период было подвержено экономической нестабильности, вызванной отменой крепостного права, под моральным давлением общественности оно в 25 раз повысило расходы на этапирование и приняло

решение перевозить заключенных по железным дорогам и водным путям [6, с. 131].

По нашему мнению, нововведения в уголовно-исполнительной сфере преследовали следующие цели:

- распределение заключенных по полу, возрасту, тяжести совершенного преступления, рецидиву, предназначавшееся для оптимизации мер воздействия на заключенных;
- принудительный труд, способствующий решению проблемы трудоустройства заключенных и возможности получения дополнительных доходов как тюрьмам, так и заключенным;
- запрет на азартные игры и распитие спиртных напитков;
- создание учебных заведений для обучения заключенных грамоте;
- нравственное и религиозное воспитание. Тюрьму должен был постоянно посещать священнослужитель, который наставлял бы заключенных на «путь истинный»;
- надзор со стороны Попечительного общества за работой пенитенциарных учреждений, которые не реже двух раз в неделю обязаны были

контролировать в тюрьмах и лично проверять быт, качество пищи и одежды, поведение надзирателя, узнавать информацию о поступках и склонностях заключенных и т. д.

В 1879 г. было создано новое ведомство – Главное тюремное управление, которое стало заниматься тюрьмами. Деятельность Общества теперь сводилась к финансированию тюрем и арестантов, а реальное положение на местах контролировали комитеты. Среди самых деятельных комитетов Общества были отделения в Петербурге, Москве, Одессе, Кишиневе, Харькове, Керчи, Ростове-на-Дону, Владимире, Таганроге, Рыбинске, Иркутске. В этих городах был сделан большой объем работ по улучшению быта заключенных, медицинского обеспечения и борьбы с инфекционными заболеваниями, организации труда и реализации изготавливаемого в них товара, а также по управлению тюремными кадрами, духовно-нравственному воспитанию, обучению заключенных грамоте, обеспечению ресоциализации освобожденных, оказанию помощи несовершеннолетним, подвергшимся задержанию и освобождаемым из мест заключения [9, с. 6–7].

Список литературы

1. Гаврилов С. Т. Нравственное закаливание детей с отклоняющимся поведением : дис. ... канд. пед. наук. Ярославль, 1998. 138 с.
2. Илюхин А. В. Привлечение общественности к оказанию социальной помощи осужденным в Российской империи: историко-правовой аспект // Пенитенциарная система России: история, современность и перспективы развития в гражданском обществе (на примере Северо-Кавказского региона) : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Ставрополь, 25–26 окт. 2012 г.). Ставрополь, 2012. С. 54.
3. Малинин Ф. Н. Тюремный патронат // Тюремный вестник. 1905. № 8.
4. Тарасов О. А., Васильева С. А. Становление и развитие тюремных учреждений и структур Рязанского края. Рязань, 2010.
5. Познышев С. В. Очерки тюремоведения. М., 1915. 302 с.
6. Полищук Н. И., Баженов В. В. Попечение о лицах, отбывающих наказание. СПб., 2011. 240 с.
7. Полищук Н. И. Административно-правовые основы деятельности Русской православной церкви в пенитенциарных учреждениях России // Человек: преступление и наказание. 2013. № 3. С. 125–130.
8. Тюремный вестник. 1905. № 8.
9. Устав Вытегорского общества покровительства лицам, освобождаемым из мест заключения (патроната). Петрозаводск, 1909. 15 с.
10. Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872. 701 с.

MAXIM VLADIMIROVICH BEBJAKIN,

adjunct, preparation of the research and educational personnel department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: bebjakin@inbox.ru

EVOLUTION OF CHARITABLE SOCIETIES FOR THE HELP FOR PRISONERS IN THE RUSSIAN EMPIRE

Annotation: in article the historical sequence of evolution of system of punishment and her use within the Russian Empire is considered.

Revolution in prison business was made by Peter I who has seen gratuitous labor in convicts. Military signed by Pyotr Artikul has included in number of punishments sending for galleys with arresting to oars. However the

emperor showed a particular interest in exile in which he saw first of all an effective way of expansion of populated territories.

The system of work of convicts created by Peter I promptly developed. Then in the cities construction of special prisons which formed with plants and factories uniform production a complex has begun. The great influence on formation of the Russian trustee societies was exerted by penitentiary activists of other countries. So, as a result of visit of the Russian prisons by V. Vening at the state level the new normative legal acts which have allowed to improve partially conditions of keeping of prisoners and affected their moral shape have been developed and introduced. On July 19, 1819 for the purpose of improvement of both a moral and physical condition of prisoners, and jails society which had the charitable purposes has been founded by Popечitelnoye about prisons, and had to is urged to know economic activity of prisons, the organization of moral impact on prisoners, and also to render assistance to prison administration. Priests for formation of moral and psychological climate among convicts and work with those convicts, educational impact on whom is difficult, were actively involved. Objects of activity of Society proclaimed a constant control behind work of prisoners, separate contents depending on weight of a crime, educational impact, application of measures of encouragement and collecting.

Innovations in the criminal and executive sphere of this time pursued the following aims:

- the distribution of prisoners on a sex, age, weight of the committed crime, recurrence intending for optimization of corrective actions on prisoners;
- the forced labor promoting a solution of the problem of employment of prisoners and a possibility of obtaining the additional income to both prisons, and prisoners;
- ban on gamblings and drinking of alcoholic drinks;
- creation of educational institutions for training of prisoners in the diploma;
- moral and religious education;
- supervision from Popечitelny about prisons of society behind work of penal institutions which at least two times a week have been obliged to control in prisons and personally to check life, quality of food and clothes, behavior of the supervisor, to learn information on acts and tendencies of prisoners etc. In 1879 new department – the Head prison department which began to be engaged in prisons has been created. Activity of Society was reduced to financing of prisons and prisoners now, and real situation on places was controlled by committees.

Key words: correction of prisoners, identity of the condemned, non-state organizations, social work with prisoners, patronage.

References

1. Gavrilov S. T. Nравstvennoe zakalivanie detey s otklonyayschimsya povedeniem. Dis. kand. ped. sci. [Moral hardening of children with behavioral problems. Cand. ped. sci. diss.] Yaroslavl, 1998. 138 p.
2. Ilyukhin A. V. Privlechenie obshhestvennosti k okazaniyu social'noj pomoshhi osuzhdennym v Rossijskoj imperii : istoriko-pravovoj aspect [Public involvement in the provision of social assistance to convicts in the Russian Empire : historical-law aspect]. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Penitencijarnaja sistema Rossii: istorija, sovremennost' i perspektivy razvitija v grazhdanskom obshhestve (na primere Severo-Kavkazskogo regiona)» [Proc. the International Scientifically-Practical Conference «The penitentiary system of Russia: history, nowadays and perspectives of development of civil society (on the example of the North-Caucasian region)»]. Stavropol, 25–26 October, 2012.
3. Malinin V. N. Tyremnij patronat [Prison patronage]. Tyremny vestnik – Prison Gazette, 1905, no. 8.
4. Tarasov O. A., Vasilieva S. A. Stanovlenie i razvitie tyremnih uchregdenij i struktur Ryazanskogo kraja [Formation and development of prison institutions and structures of the Ryazan region]. Ryazan, 2010.
5. Poznyshev S. V. Oчерki tyrmovedenia [Essays tyurmovedeniya]. Moscow, 1915. 302 p.
6. Polishchuk N. I., Bazhenov V. V. Popечenie o licah otbivayschih nakazanie [Care for persons serving sentences]. St. Petersburg, 2011. 240 p.
7. Polishchuk N. I. Administrativno-pravovye osnovy dejatel'nosti Russkoj pravoslavnoj cerkvi v penitencijarnyh uchrezhdenijah Rossii [Administrative and legal bases of activity of Russian Orthodox Church in penal institutions of Russia]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2013, no. 3, pp. 125–130.
8. Tyremnij vestnik – Prison Gazette, 1905, no. 8.
9. Ustav Vytegorskogo obshchestva pokrovitelstva licam, osvobogdaemim iz mest zaklycheniya (patronata) [Charter Vytegorsky society protection to persons exempt from detention (patronage)]. Petrozavodsk, 1909. 15 p.
10. Jadrincev N. M. Russkaja obshhina v tjur'me i ssylke [The Russian community in prison and the link]. St. Petersburg, 1872. 701 p.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ С СУДАМИ И ПРОКУРАТУРОЙ ПРИ КОНТРОЛЕ ЗА ПОВЕДЕНИЕМ УСЛОВНО ОСУЖДЕННЫХ

Реферат: при осуществлении контроля за поведением условно осужденных уголовно-исполнительные инспекции взаимодействуют с органами прокуратуры и судами, однако каждый из указанных субъектов решает узковедомственные задачи; отсутствуют совместные мероприятия, закрепленные законодательно; отмечается низкий правовой статус уголовно-исполнительных инспекций; прокурорские проверки осуществляются без учета специфики их работ. Практика показывает, что в сфере реализации возложенных на уголовно-исполнительные инспекции задач возникает немало проблем при рассмотрении судами вопросов о продлении испытательного срока, возложении дополнительных обязанностей и отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного судом. Это, в свою очередь, позволяет отметить необходимость повышения эффективности взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с судами и прокуратурой. В этих целях предлагается расширить практику: обжалования органами прокуратуры незаконных судебных решений; проведения совместных рабочих встреч судебных, прокурорских работников и личного состава уголовно-исполнительных инспекций; рассмотрения представлений уголовно-исполнительных инспекций в кратчайшие сроки для непрерывности реализации процесса исправления осужденных; использования в России зарубежного опыта по истребованию и заслушиванию судами внеочередных докладов уголовно-исполнительных инспекций о поведении осужденного.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная инспекция, условно осужденный, контроль за поведением условно осужденных, нарушения законности, акт прокурорского реагирования, взаимодействие.

Одной из мер уголовно-правового характера и главной альтернативой лишению свободы является условное осуждение. Ежегодно эта категория лиц занимает около 80 % всех проходящих по учетам уголовно-исполнительных инспекций (УИИ). В своей деятельности в рамках контроля за поведением условно осужденных УИИ взаимодействуют с органами прокуратуры и судами, в частности, предусматривается возможность обращения УИИ в органы прокуратуры и суды для решения вопросов, связанных с исполнением наказаний и мер уголовно-правового характера. Вместе с тем, как показал опрос практических работников, которые проходили переподготовку в Псковском филиале Академии ФСИН России, недостаточный уровень взаимодействия УИИ с прокуратурой обусловлен, в частности, наличием «палочной» системы в деятельности прокуратуры; отсутствием совместных мероприятий, закрепленных законодательно; низким правовым статусом УИИ; осуществлением прокурорских проверок без учета специфики работы УИИ; невозможностью, по мнению отдельных сотрудников

прокуратуры, взаимодействовать с УИИ, поскольку ими осуществляется только прокурорский надзор за соблюдением законности при исполнении наказаний. Кроме того, изучение аналитических материалов о проблемных вопросах правоприменительной деятельности ФКУ УИИ и судебной практики свидетельствует о том, что возникает немало проблем при рассмотрении судами вопросов о продлении испытательного срока, возложении дополнительных обязанностей, отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного судом.

В настоящее время в адрес территориальных органов ФСИН России, ФКУ УИИ и их филиалов поступает большое число актов прокурорского реагирования на нарушения законности, выявленные в деятельности УИИ. Условное осуждение не является исключением, более того, количество фактов нарушений при осуществлении контроля за условно осужденными составляет почти 70 % от общего числа всех нарушений. Так, чаще всего органы прокуратуры обращают внимание на отсутствие контроля по месту жительства, учебы или

работы осужденного, ненаправление в суды представлений о продлении испытательного срока при наличии предупреждений.

Возникают сложности при взаимодействии УИИ с судами, что выражается в первую очередь в отказах судов в удовлетворении представлений в отношении условно осужденных. Так, условно осужденный в течение испытательного срока не исполнял возложенные на него судом обязанности, из-за неявки его дважды на регистрацию в УИИ, а также на освидетельствование у врача-нарколога ему было вынесено предупреждение о возможности отмены условного осуждения, затем филиалом ФКУ УИИ было направлено представление в суд на отмену условного осуждения и исполнение наказания, назначенного судом. Прокурор полагал, что хотя оснований для отмены условного осуждения и исполнения наказания по приговору нет, однако если осужденный имел неявки в УИИ, то ему необходимо продлить испытательный срок. Тем не менее суд отклонил представление УИИ, мотивируя это тем, что согласно ст. 190 УИК РФ осужденному уже вынесено официальное предупреждение о возможности отмены условного осуждения, после чего он не нарушал условия испытательного срока, следовательно, сделал соответствующие выводы после официального предупреждения. С точки зрения суда, в таком случае нет оснований ни для продления испытательного срока, ни для отмены условного осуждения. Однако согласно п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» если в ходе рассмотрения судом представления об отмене условного осуждения будет установлено, что факты нарушения условно осужденным общественного порядка либо неисполнения возложенных на него судом обязанностей не носили систематического характера, он принял меры к трудоустройству, к прохождению курса лечения от алкоголизма, наркомании и т. д., не скрывался от контроля, то суд вправе с учетом мнения представителя УИИ и прокурора, при его участии в судебном заседании, не отменяя условного осуждения, продлить осужденному испытательный срок.

На наш взгляд, отрицательное влияние на деятельность УИИ по контролю за поведением условно осужденных могут оказывать необоснованные отказы судов в удовлетворении представлений в связи с неоднократностью допущенных нарушений (по мнению сотрудников УИИ, это ставит под сомнение исправляющее воздействие указанной меры уголовно-правового характера). В частности, суд отказал в удовлетворении представления о продлении испытательного срока условно осужденному, который в течение испытательного срока допустил нарушение

общественного порядка, за которое был привлечен к административной ответственности. Вместе с тем, по мнению суда, хотя осужденный и допустил однократное нарушение общественного порядка, за которое был привлечен к административной ответственности, но оно единично, при этом нарушение им условий, указанных в ч. 2 ст. 74 УК РФ, предполагает продление судом испытательного срока. Более того, городской прокурор, зная о месте и времени проведения судебного заседания, на него не явился и не настаивал на рассмотрении этого представления со своим участием.

Немало сложностей возникает и в связи с неисполнением условно осужденным обязанностей, возложенных на него судом. Так, за неисполнение возложенной на него судом обязанности трудоустроиться осужденному судом продлен испытательный срок на два месяца и возложена дополнительная обязанность при трудоустройстве уведомлять УИИ о смене места работы. Несмотря на это, он продолжил нарушать условия и порядок отбывания условного осуждения, не явившись на регистрацию в УИИ. Ему вынесено предупреждение о возможности отмены условного осуждения и направлено представление в суд о продлении испытательного срока на один месяц. Суд отказал в удовлетворении представления УИИ, мотивируя это тем, что в действиях осужденного отсутствует систематическое неисполнение возложенных судом обязанностей, а неявка на регистрацию носит единичный характер после продления ему испытательного срока, в связи с чем представление филиала ФКУ УИИ является необоснованным и преждевременным. Прокурор, участвовавший в судебном заседании, поддержал представление филиала ФКУ УИИ, однако в апелляционном порядке постановление городского суда обжаловано не было.

По мнению практических работников, суды не всегда берут во внимание такой признак систематичности нарушений условий испытательного срока, как систематическое нарушение общественного порядка, за которое условно осужденный привлекался к административной ответственности. В частности, городским судом отказано в удовлетворении представления филиала ФКУ УИИ об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда, в отношении условно осужденного. В период испытательного срока осужденный неоднократно был привлечен к административной ответственности за нарушения общественного порядка, за что ему было вынесено предупреждение и направлено представление в суд на отмену условного осуждения и исполнение наказания, назначенного приговором суда. Тем не менее суд пришел к выводу о том, что представление филиала ФКУ УИИ не подлежит удовлетворению, поскольку отмена условного осуждения является пра-

вом, а не обязанностью суда, а то, что он в течение испытательного срока неоднократно привлечен к административной ответственности за нарушение общественного порядка, по мнению суда, не может являться безусловным основанием для отмены осужденному условного осуждения, поскольку УИИ его предупредила о возможности отмены условного осуждения не после каждого совершенного им нарушения общественного порядка, а за все сразу. Вызывает удивление, что прокурор, участвовавший в судебном заседании, не возражал против удовлетворения представления филиала ФКУ УИИ, но решение суда прокуратурой не обжаловалось.

Еще одной проблемой правоприменительной практики является возложение на осужденных обязанности являться на регистрацию в УИИ с установленной периодичностью. Так, встречаются отказы в удовлетворении представлений филиала ФКУ УИИ о возложении на условно осужденных дополнительной обязанности в виде явки в УИИ на регистрацию, в случае если она не была установлена судом. Суд обосновывает отказ тем, что согласно ч. 4 ст. 188 УИК РФ все условно осужденные обязаны отчитываться перед УИИ о своем поведении, исполнять возложенные на них обязанности, возмещать вред, причиненный преступлением, в размере, определенном решением суда, являться по вызову в УИИ, поэтому в приговоре дополнительно возлагать на осужденных указанные обязанности не требуется. Таким образом, суд не учел, что явка по вызову в УИИ и явка на регистрацию не являются тождественными понятиями. Следует отметить по этому поводу, что в деятельности судов положительно зарекомендовала себя следующая практика: при назначении наказания возлагать на условно осужденных обязанность являться на регистрацию в УИИ в установленные ею дни.

Не теряет своей актуальности и вопрос привлечения к ответственности осужденных, совершивших административные правонарушения против общественного порядка или не исполнявших обязанности, возложенные на них судом, в период с момента осуждения до постановки на учет УИИ и разъяснения порядка и условий испытательного срока. Ряд судов в таких случаях отказывает в удовлетворении представлений УИИ, поскольку последствия нарушения общественного порядка в виде продления испытательного срока разъяснены осужденному уже после совершения им правонарушения, связанного с нарушением общественного порядка, при этом не принял во внимание доводы начальника филиала ФКУ УИИ о том, что условия и порядок отбытия испытательного срока ему были разъяснены в суде, и правонарушение он совершил после осуждения и вступления приговора в закон-

ную силу, то есть в течение испытательного срока, исчисляемого согласно ч. 3 ст. 73 УК РФ. Между тем закон не связывает возможность привлечения условно осужденного к ответственности за нарушение условий испытательного срока с наличием разъяснения ему его обязанностей. Кроме того, согласно п. 45 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» при применении условного осуждения после провозглашения приговора председательствующий судья разъясняет осужденному значение испытательного срока и предупреждает о последствиях совершения им в течение испытательного срока нового преступления или систематических нарушений общественного порядка, а также нарушения возложенных на него обязанностей, если таковые возлагались (должно быть отражено в протоколе судебного заседания). В аналитических материалах по проблемным вопросам правоприменительной деятельности ФКУ УИИ и судебной практики в связи с этим предлагается для судов направлять в УИИ вместе с копией приговора выписку из протокола судебного заседания, в которой содержалось бы разъяснение осужденному условий и порядка отбывания испытательного срока.

Проведенное исследование показывает, что отказ суда в удовлетворении представления филиала ФКУ УИИ об отмене условного осуждения и исполнении наказания в виде лишения свободы является одним из обстоятельств, способствовавших совершению осужденным повторного преступления. Принятие необоснованных судебных решений, которые фактически освобождают условно осужденных от предусмотренных уголовно-исполнительным законодательством мер воздействия, создает у них ощущение безнаказанности и негативно сказывается на уровне повторной преступности.

С учетом изложенного в целях решения проблемных вопросов внешнего взаимодействия УИИ необходимо:

- 1) расширить практику обжалования органами прокуратуры незаконных судебных решений. По мнению респондентов, в случаях, когда прокуратура поддерживает представления уголовно-исполнительной инспекции как законные и обоснованные, но суды принимают решения об отказе в их удовлетворении, обжалование данных решений является необходимой процессуальной мерой для обеспечения принципов законности и справедливости;

- 2) при инициативе УИИ следует налаживать взаимодействие с судами и прокуратурой [1, с. 115]: проведение совместных рабочих встреч, семинаров, совещаний судебных, прокурорских работников и личного состава УИИ, а не только руководи-

телей с целью обсуждения проблемных вопросов и обобщения сложившейся практики; разъяснение судами необходимости явки осужденных в УИИ и ответственности за неисполнение требований приговора суда; рассмотрение представлений УИИ в кратчайшие сроки для непрерывности реализации процесса исправления осужденных; совместное проведение анализа причин отказов в удовлетворении представлений УИИ, а также факторов, обуславливающих совершение осужденными новых преступлений; проведение прокурорских проверок с учетом специфики деятельности УИИ; использование в России зарубежной практики по истребованию и заслушиванию судами внеочередных докладов УИИ о поведении осужденного. Кроме того, для совершенствования межведомственного взаи-

модействия благодаря взаимному обмену информацией в отношении несовершеннолетних, состоящих на учете УИИ, ФСИН России требует направлять в органы прокуратуры информацию о выявленных нарушениях прав и свобод таких лиц; нарушениях законодательства в отношении несовершеннолетних со стороны органов государственной власти и местного самоуправления, требующих прокурорской проверки; об обстоятельствах, способствовавших совершению преступлений несовершеннолетними либо в отношении их, требующих прокурорского реагирования; о фактах нереагирования на представления о принятии мер по устранению обстоятельств, которые способствовали совершению преступления либо иным нарушениям закона.

Список литературы

1. Смирнова И. Н., Ковалева М. С. Современное состояние организации взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с судами и прокуратурой // Закон и право. 2015. № 8. С. 113–115.

IRINA NIKOLAEVNA SMIRNOVA,

dsc in law,
professor organization of mode and operational search activity in penal system department
(Pskov branch of Academy of the FPS of Russia),
e-mail: irina_smi69@mail.ru

THE MODERN STATE OF INTERACTION BETWEEN CRIMINAL-EXECUTIVE INSPECTIONS WITH THE COURTS AND PROSECUTOR'S OFFICE IN MONITORING THE BEHAVIOR OF CONDITIONALLY CONVICTED PERSONS

Annotation: when monitoring the behavior of conditionally convicted criminal-Executive inspection interact including with prosecutors and courts, however, each of these entities decides bureaucratic tasks; there are no joint activities, enshrined in law; the low legal status of the criminal and Executive inspections; the Prosecutor's investigation is carried out without taking into account the specifics of their work. Practice shows that in the implementation of assigned on criminally-Executive inspection task is particularly problematic when examining questions about the extension of the probationary period, imposing additional obligations and cancellation of conditional sentence and execution of the punishment imposed by the court.

This, in turn, suggests the need to improve the efficiency of interaction between criminal-Executive inspections with the courts and Prosecutor's office. For these purposes it is proposed to expand the practice: appeal by prosecution authorities of illegal judicial decisions; joint working meetings of judicial, prosecutors and personnel of the criminal-Executive inspections; the examination of the submissions of the criminal Executive inspection as soon as possible for the continuity of the implementation of the procedure of correction of convicts; use in Russia foreign experience for discovery and the hearing of reports of the extraordinary courts of criminal-Executive inspections of the conduct of the prisoner.

Key words: criminal-executive inspection, conditionally convicted, monitoring the behavior of conditionally convicted persons, violation of law, the act of Prosecutor's reaction, interaction.

References

1. Smirnova I. N., Kovaleva M. S. Sovremennoe sostojanie organizacii vzaimodejstvija ugovovno-ispolnitel'nyh inspekcij s sudami i prokuraturoj [Current status of the organization of interaction between criminal-Executive inspections with the courts and Prosecutor's office]. Zakon i pravo – The law and the right, 2015, no. 8, pp. 113–115.

О ДВОЙСТВЕННОЙ ПРИРОДЕ ИСПОЛНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Реферат: статья посвящена вопросу повышения эффективности деятельности Российской Федерации на примере исполнения государственной программы «Управление федеральным имуществом» и существующей коррупционной составляющей в ее исполнении. Рассмотрены предпосылки создания данной программы, ее основные цели, задачи, показатели реализации.

На основе статистических данных Минэкономразвития России, Росимущества о количестве объектов государственной собственности, приватизации и полученных в бюджет денежных средств от отчуждения этих объектов с 2010 по 2014 год проведен анализ эффективности исполнения государственной программы.

Приведены примеры из деятельности Генеральной прокуратуры Российской Федерации в обнаружении нарушения законодательства государственными должностными лицами при продаже государственных земельных участков. Указанные незаконные продажи можно рассматривать как один из инструментов достижения целей государственной программы, так как деньги от продажи поступали в соответствующие бюджеты, а сами продажи учитывались в статистике по разгосударствлению экономики и снятия барьеров для предпринимательства. Рассмотрены альтернативные издержки, сделаны соответствующие выводы и даны рекомендации.

Ключевые слова: государственная программа, имущество, коррупция, земельные участки, эффективность.

Переход на новую, эффективную систему государственного управления в Российской Федерации обусловлен существующими проблемами с дефицитом бюджетных ресурсов для нормального функционирования государства и выполнения взятых на него обязательств. Реформы коснулись не только социальной сферы, экономики, национальной безопасности и предпринимательского сектора, но и в первую очередь самого государственного управления. Для повышения эффективности управления государственным имуществом и государственными финансами были приняты государственные программы «Управление федеральным имуществом», «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков», «Внешнеполитическая деятельность», «Юстиция». В статье рассматриваются актуальные вопросы управления государственным имуществом и промежуточные результаты реализации соответствующей государственной программы [5], которая регламентирует цели, задачи, мероприятия, объем средств, который потребуется в ближайшие годы на совершенствование системы управления государственной собственностью и приватизацией.

Необходимость реформирования и перестройки модели управления государственным имуществом была продиктована наличием ряда проблем.

1. Отсутствует целевое назначение того или иного объекта федерального имущества.

2. Приватизация не ориентирована на привлечение инвестиций в развитие отчуждаемых из государственной собственности активов.

3. Осуществляется неэффективное управление государственными активами.

4. Существуют системные проблемы управления персоналом и процессами.

Для решения указанных проблем программой предполагается нормативное закрепление целей функционирования объектов госсобственности, ликвидация ФГУПов, увеличение доли акций компаний с госучастием, обращающихся на российском организованном рынке ценных бумаг, обеспечение публичности всех сохраняемых в федеральной собственности компаний с госучастием, увеличение в два раза объема вовлеченных в оборот земельных участков, изменение организационной структуры, механизмов управления, контроля и мотивации. Соответственно к указанным целям были закреплены количественные целевые индикаторы.

В таблице 1 приведены статистические данные по количеству объектов приватизированного имущества и полученных средств от этих сделок денежных средств.

Показатели управления федеральным имуществом Российской Федерации за 2010–2014 гг.

Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	Темп прироста 2010–2012, %	Темп прироста 2014–2015, %
Количество объектов федерального имущества, учтенных в реестре федерального имущества	6467		426 761		393 938	6499	–8
ФГУП	3517		1927		1557	–45	–19
АО	2950		2587		2008	–12	–22
ФГУ			21 127		17 288		–18
Объекты казны			86 630		87 694		1
Земельные участки			314 490		285 391		–9
Число приватизированных государственных и муниципальных унитарных предприятий, объектов (всего)	217	276	228	136	107	5	–53
Получено средств от покупателей государственного и муниципального имущества (всего)	82 938	200 666	147 089	126 752	105 690	77	–28
в том числе от отчуждения земельных участков	15 553	16 474	20 783	17 564	22 476	34	8
Прочие поступления средств	1262	1445	4055	2937	2955	221	–27

Так, за 2013–2014 гг. количество учтенных объектов государственного имущества сократилось на 8 %, число приватизированных объектов – на 53, а объем средств, полученных от их продажи, сократился на 28 %. Сокращение этих показателей вполне предсказуемо, ведь на уменьшающееся количество объектов государственного имущества должно приходиться уменьшающееся количество и остальных связанных показателей. Более того, заметные темпы прироста индикаторов, указанных в

таблице за 2010–2012 гг., до введения в действие государственной программы можно объяснить пополнением самого реестра государственного имущества более чем в 65 раз и тем, что концепция данной программы начала реализовываться в 2012 г.

Если сравнивать исполнение ряда показателей с государственной программой (табл. 2), то можно заметить, что неисполнение одних показателей компенсируется исполнением других.

Таблица 2

Исполнение показателей государственной программы

Наименование показателя (индикатора)	2014 г.	
	Утверждено программой	Фактический
Процент ежегодного сокращения количества акционерных обществ с государственным участием по отношению к предыдущему году	10,5	11
Процент сокращения количества объектов имущества казны Российской Федерации (без учета земельных участков) по отношению к количеству объектов имущества казны Российской Федерации в 2012 г. (кроме объектов, составляющих исключительную собственность Российской Федерации)	3	1

Сравнивая соотношение числа приватизированных государственных и муниципальных унитарных предприятий, объектов и их учтенного количества за 2010–2012 гг. (11,8 %) и 2012–2014 гг. (6,9 %), можно отметить, что темп приватизации сократился и нет положительных тенденций исполнения государствен-

ной программы. И наоборот, соотношение полученных денежных средств от отчуждения земельных участков и их учтенного количества вызывает положительную динамику: 2012 г. – 6,6 %; 2014 г. – 7,9 %*.

* Рассчитано на основе таблицы 1.

Рассмотрим более подробно осуществление государством полномочий собственника в отношении земельных участков.

За 2014 г. Росимуществом (его территориальными органами по поручению Росимущества и самостоятельно в рамках имеющихся полномочий) заключено 665 договоров купли-продажи земельных участков, 2 293 договора аренды земельных участков, а доходы, получаемые в виде арендной платы, и средства от продажи права на заключение договоров аренды за земли, находящиеся в федеральной собственности, составили 7 423,4 млн руб. [3].

Нетрудно заметить, что даже за один год реализации бюджет пополнился на значительную сумму.

Еще в 2012 г., когда закладывались основы данной государственной программы, Президент России на заседании Президиума Государственного Совета РФ заявил: «Произвол и коррумпированность чиновников гасит, тормозит полноценное развитие земельных отношений, и, как следствие, замедляется продвижение страны в целом». При этом он подчеркнул, что необходимо устранять барьеры, которые мешают гражданам свободно и без волокиты получить землю и пользоваться ею [7].

По мнению В. В. Путина, должно быть четкое понимание того, где и что можно строить, какие есть ограничения по использованию того или иного участка. Однако, как показывает практика, не все чиновники услышали данную часть заявления.

Так, в Приволжском федеральном округе только за 9 месяцев 2015 г. органы прокуратуры выявили свыше 12 тыс. нарушений законов в сфере землепользования. В целях их устранения внесено около 2,5 тыс. представлений, в суды направлено 1,4 тыс. заявлений. По инициативе прокуроров к административной и дисциплинарной ответственности привлечены более 2 тыс. лиц.

Проблема заключается в том, что основная масса выявляемых прокурорами округа нарушений приходится на органы местного самоуправления, а не на граждан. Повсеместно выявляются факты бездеятельности чиновников муниципалитетов по принятию предусмотренных законодательством нормативных правовых актов, регулирующих земельные отношения, а также случаи незаконного предоставления или отказа в предоставлении в собственность или аренду земельных участков, а также сведений о них [2].

Приведем несколько примеров по незаконному распоряжению и отчуждению земельных участков, находящихся в государственной собственности.

Органами прокуратуры Челябинской области было выявлено, что в январе 2015 г. орган местного самоуправления «Комитет по управлению имуществом Златоустовского городского округа» за-

ключил с ООО «Златметаллкомплект плюс» договор купли-продажи земельного участка площадью более 6,2 тыс. м² для благоустройства территории. По его условиям фирма приобрела участок за 5 копеек. Как показала прокурорская проверка, фактически земельный участок использовался не для благоустройства территории, а для эксплуатации торгового комплекса. В то же время указанный земельный участок был отнесен к территориям общего пользования, которые продаже и приватизации не подлежат в соответствии с п. 8 ст. 27 Земельного кодекса РФ. При таком использовании участка его кадастровая стоимость по среднему уровню кадастровой стоимости земель составляет около 29 млн рублей. В этом случае цена продажи, определенная от средней кадастровой стоимости, составила бы не менее 1,3 млн руб. [4].

Прокуратура Республики Коми инициировала уголовное преследование бывшего главы г. Сыктывкара, подозреваемого в махинациях с земельными участками для строительства многоквартирных домов. Было установлено, что в 2010 г. муниципалитет передал в собственность ООО «Стройком» земельный участок площадью 993 м² для обслуживания административного здания по ул. Куратова, 76. Спустя два года при отсутствии оснований для выделения предприятию дополнительных земель для обслуживания указанного офиса администрация г. Сыктывкара в лице его главы предоставила ООО «Стройком» в собственность смежный участок площадью 1660 м² за 770 тыс. руб. Учитывая, что в дальнейшем на этом месте был возведен многоквартирный жилой дом, предоставление участка должно было осуществляться на основании торгов, исходя из его кадастровой стоимости, превышающей 5 млн рублей. Похожая схема выявлена при предоставлении в 2013–2014 гг. двум другим коммерческим фирмам трех дополнительных земельных участков общей площадью 2801 м² якобы для обслуживания здания мини-рынка «Торжок». Их кадастровая стоимость превысила 8,3 млн руб., однако в результате продажи земли в казну поступило лишь 1,1 млн руб. В дальнейшем фирма продала один из участков за 28 млн руб. На объединенной площадке данная компания в настоящее время завершает возведение многоквартирного жилого дома [1].

Подлежит сомнению, что органы местного самоуправления незаконно и практически бесплатно или за гораздо меньшую стоимость продали данный земельный участок с целью повышения конкурентоспособности подчиненной им территории, следуя указам Президента РФ или в целях выполнения государственной программы. Хотя возможность того, что в первом примере функционирование данного торгового комплекса принесло бы гораздо большую прибыль, чем поддержание

территории общего пользования, а во втором – от налогов на прибыль от функционирования продавца квартир, налицо.

В 2015 г. Севастопольская межрайонная природоохранная прокуратура выявила, что в 2010 г. земельные участки в районе Сапун-горы были переданы в частную собственность гражданам – членам ОК «ЖСК «Слобода» на основании решения Севастопольского городского совета, принятого в нарушение действующего законодательства, без согласия органа лесного хозяйства и без изъятия этих земель из состава земель лесного фонда.

Было установлено, что в отношении 12 земельных участков общей площадью 1,2 га стоимостью более 16,7 млн руб. осуществлен кадастровый учет и зарегистрированы права собственности в соответствии с федеральным законодательством, чем нарушены экономические права города федерального значения Севастополя в сфере рационального использования земель [6].

В данной ситуации использование этих земель самим Севастополем, например, в туристических целях могло бы принести большой положительный результат для развития субъекта РФ, чем передача этих земельных участков в собственность граждан.

Однако в любом случае в результате неправомерных действий местным бюджетам причинен многомиллионный ущерб. Принимая решение о передаче земель в собственность коммерсантам, должностные лица заведомо знали, что нарушают действующие нормы, а также были проинформированы о дальнейших планах застройщиков.

В таких незаконных схемах, по нашему мнению, решающую роль играет собственное обогащение должностных лиц. Повышению уровня коррупции в процессе землеотвода способствуют несомненная коммерческая ценность предмета отношений, громоздкая схема оформления участков, особенности местного земельного рынка [8]. В основном в таких ситуациях уголовные дела в отношении должностных лиц возбуждаются по ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий), ст. 160 УК РФ (присвоение или растрата),

ст. 292 (служебный подлог), по ст. 159 УК РФ (мошенничество) [9].

Исходя из большого количества выявленных правоохранительными органами случаев нарушения законодательства, возбужденных административных разбирательств и уголовных дел, нет ни одной предпосылки, которая послужила бы поводом надеяться на обратный процесс, то есть оздоровление ситуации в органах землеустройства. Все инициативы государства на повышение эффективности его деятельности поддерживаются, но результат мог быть лучше, если бы приведенные примеры встречались реже.

В любом случае все эти незаконные сделки приносят в бюджет денежные средства, хотя и гораздо меньшие, чем это могло бы быть. Общая площадь земельных участков, отчужденных государством, тоже учитывается в статистике по приватизации государственной собственности. Приведенные нами примеры можно рассматривать как способы осуществления заявленных государственной программой, как минимум, двух мероприятий подпрограммы 1. «Повышение эффективности управления федеральным имуществом и приватизации»: «1.69. Обеспечение вовлечения земельных участков в хозяйственный оборот для жилищного строительства, в том числе жилья, включая жилье экономкласса, строительства инфраструктуры, путем передачи земельных участков в собственность Фонду содействия развития жилищного строительства, либо путем передачи полномочий РФ субъектам РФ» и «1.70. Обеспечение вовлечения земельных участков в хозяйственный оборот, в том числе для целей, не связанных со строительством, с предварительным повышением их ликвидности и стоимости, в том числе путем привлечения специализированных организаций, формирования участков, оформления необходимых документов».

Несмотря на такую двойственную природу достижения целей, незаконное отчуждение госимущества стоит искоренить. Факторами успеха для реализации программы станут борьба с коррупцией на всех уровнях и внедрение механизмов внутреннего контроля в основные процессы.

Список литературы

1. В Коми прокуратура инициировала уголовное преследование бывшего главы г. Сыктывкара, подозреваемого в махинациях с земельными участками для строительства многоквартирных домов. URL : <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-955867>.
2. Органы прокуратуры Приволжского федерального округа пресекли многочисленные нарушения в сфере земельных правоотношений. URL : <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-930219>.
3. Отчет о деятельности Федерального агентства по управлению государственным имуществом за 2014 год. URL : <http://www.rosim.ru/about/reports/performance/260712>.
4. По иску прокурора Челябинской области суд обязал вернуть в муниципальную собственность земельный участок, приобретенный за 5 копеек. URL : <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-975345>.

5. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Управление федеральным имуществом» : постановление Правительства Рос. Федерации от 15 апреля 2014 г. № 327 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 18. Ч. 3. Ст. 2172.

6. Прокуратура Севастополя добивается возврата городу 1,2 га земли в районе Сапун-горы стоимостью более 16,7 млн. URL : <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-973286>.

7. Путин: коррупция тормозит развитие земельных отношений. URL : <http://newsland.com/news/detail/id/1052504>.

8. Территория взятки. Коррупция в земельных отношениях. URL : <http://news.sarbc.ru/main/2007/07/31/71737.html>.

9. Обзоры Генеральной прокуратуры РФ. URL : <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-955867/>; <http://genproc.gov.ru/structure/subjects/office-1080>.

LALI VLADISLAVOVNA CHEBUHANOVA,

graduate student, economic faculty
(Russian university of peoples' friendship),
e-mail: l.chebukhanova@mail.ru

ON THE DUAL NATURE OF EXECUTION OF THE STATE PROGRAMMES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation: the article is devoted to the question of increase of efficiency of activity of the Russian Federation on the example of execution of the State program «Management of Federal property» and the existing corruption in her performance. The preconditions for the creation of this program, its main goals, objectives, implementation indicators.

On the basis of statistical data Minekonomrazvitija, the Federal property management Agency on the number of state-owned assets, privatization and budget received in cash from the disposition of these facilities from 2010 to 2014 carried out the analysis of efficiency of execution of the state program.

The examples from the activities of the General Prosecutor of the Russian Federation in the detection of violations of the law by public officials in the sale of state land. These illegal sales may be considered as one of the instruments to achieve the objectives of the state program, since the money from the sale was received in the respective budgets, and the sales recorded on deregulation of economy and removal of barriers for entrepreneurship. Considered alternative costs, made appropriate findings and recommendations.

Key words: state program, property, corruption, land, efficiency.

References

1. V Komi prokuratura iniciirovala ugovnoe presledovanie byvshego glavy g. Syktyvkara, podozrevaemogo v mahinacijah s zemel'nymi uchastkami dlja stroitel'stva mnogokvartirnyh domov [In the Komi Prosecutor's office initiated criminal prosecution of the former head of Syktyvkar suspected of machinations with land plots for construction of apartment houses]. Available at : <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-955867>.

2. Organy prokuratury Privolzhskogo federal'nogo okruga presekli mnogochislennye narushenija v sfere zemel'nyh pravootnoshenij [The prosecution bodies of the Volga Federal district stopped the numerous violations in the sphere of land relations]. Available at: <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-930219>.

3. Otchet o dejatel'nosti Federal'nogo agentstva po upravleniju gosudarstvennym imushhestvom za 2014 god [A report on the activities of the Federal Agency for state property management for 2014]. Available at : <http://www.rosim.ru/about/reports/performance/260712>.

4. Po isku prokurora Cheljabinskoj oblasti sud objazal vernut' v municipal'nuju sobstvennost' zemel'nyj uchastok, priobretennyj za 5 kopeek [On the claim of the Prosecutor of the Chelyabinsk region, the court ordered the return to municipal ownership of land, purchased for 5 cents]. Available at : <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-975345>.

5. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 15 aprelja 2014 g. № 327 «Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii “Upravlenie federal'nym imushhestvom”» [The Decree of the

ВЕКТОР УПРАВЛЕНИЯ

Government of the Russian Federation from April 15th, 2014 № 327 «On approval of the state program of the Russian Federation “Federal property Management”». Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii – Collection of laws of the Russian Federation, 2014, no. 18, part III, art. 2172.

6. Prokuratura Sevastopolja dobivaetsja vozvrata gorodu 1,2 ga zemli v rajone Sapun-gory stoimost'ju bolee 16,7 mln [The Prosecutor's office of Sevastopol has returned to the city with 1.2 hectares of land in the neighborhood of Sapun mountain worth more than 16.7 million]. Available at : <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-973286>.

7. Putin: korrupcija tormozit razvitie zemel'nyh otnoshenij [Putin: corruption hinders the development of land relations]. Available at : <http://newsland.com/news/detail/id/1052504>.

8. Territorija vzjatki. Korrupcija v zemel'nyh otnoshenijah [The territory of a bribe. Corruption in land relations]. Available at : <http://news.sarbc.ru/main/2007/07/31/71737.html>.

9. Obzory Generalnoi prokuratyry RF [Reviews of the Prosecutor General's office of the Russian Federation]. Available at : <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-955867/>; <http://genproc.gov.ru/structure/subjects/office-1080>.

ОСОБЕННОСТИ АНТИОБЩЕСТВЕННОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Реферат: предупреждение антиобщественного образа жизни – это новое научное направление междисциплинарного характера, интегрирующее знание прежде всего криминологии, социологии, педагогики, психологии, отраслей права и управления. Предупреждение рецидива преступлений несовершеннолетних с современных позиций предусматривает воздействие на антиобщественный образ жизни рецидивистов, на его деформированные сферы. Преступление является следствием антиобщественного образа жизни, который формируется под влиянием неблагоприятных воздействий окружающей личностной микросреды, поэтому причины преступного поведения нужно искать в первую очередь в деформированном образе жизни личности. В связи с этим категория «антиобщественный образ жизни» должна стать объектом пристального внимания криминологии и найти широкое применение в разработке различных вопросов борьбы с преступностью.

Ключевые слова: несовершеннолетние, антиобщественный образ жизни, борьба с преступностью, деформация образа жизни, аморальный образ жизни.

Известно, что категорию «антиобщественный образ жизни» стали исследовать сравнительно недавно, причем криминологи за основу ее изучения взяли определение образа жизни, принятое в социологии, рассматривающей образ жизни как реально практикуемые нормы поведения людей, способ их повседневной деятельности в сферах труда, быта, досуга, в производстве и потреблении материальных и духовных благ. Академик В. Н. Кудрявцев подчеркивал, что под образом жизни следует понимать «способ деятельности субъекта в определенных объективных условиях» [1, с. 201]. Можно сказать, что общепринятый образ жизни – это одобряемые обществом и большинством населения способы поведения и деятельности, стимулирующие его различные нравственные и законопослушные формы проявления.

Наряду с общепринятым, благополучным образом жизни существует и неблагополучный со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями, который получил название «антиобщественный образ жизни». Его можно рассматривать по двум направлениям: по видам проявления – тунеядство, попрошайничество, проституция и т. д., по степени общественной опасности, которая проявляется в сферах деформации образа жизни: учебно-трудовой, семейно-бытовой и досуговой. По нашему мнению, под антиобщественным образом жизни несовершеннолетних следует понимать

типичные, обусловленные негативными факторами среды, возрастными и психологическими особенностями личности способы и формы жизнедеятельности, которые формируют их антиобщественные ценностные ориентации, что проявляется в отклоняющемся от социальных и правовых норм поведении. Профессор Ю. М. Антонян первый из исследователей указал на важность исследования этой проблемы. Он считает, что изучение антиобщественного образа жизни – «это один из путей (пока еще мало используемых) более глубокого исследования преступника и преступного поведения, а следовательно, совершенствования профилактики преступлений» [2, с. 69].

Антиобщественный образ жизни можно характеризовать с позиций деформированного образа жизни несовершеннолетних. Термин «формация» означает развитие, а «деформация» – препятствия для развития. К. Е. Игошев и Г. М. Миньковский отмечают, что у несовершеннолетних преступников имеются не просто проблемы в развитии, а именно деформации, то есть замещение значительной части нормальных интересов, потребностей, стереотипов поведения специфически негативными, псевдопотребностями и псевдоинтересами, искажающими нравственный облик подростка [3, с. 280].

Изучение образа жизни несовершеннолетних правонарушителей показало, что их поведение имеет ту или иную степень деформации по сравнению с законопослушными. В связи с этим

можно было бы использовать такие понятия, как «деформированный образ жизни» и «деформация образа жизни».

Деформированный образ жизни несовершеннолетнего – это такой образ жизни, в котором под влиянием отрицательной среды произошли негативные изменения части или большинства сфер его образа жизни. Под деформацией образа жизни несовершеннолетнего понимается процесс негативного влияния среды на личность подростка, в результате которого происходят отрицательные изменения в его жизни. Иначе говоря, деформация образа жизни – это процесс, означающий потерю той или иной сферой своего ценностно-целевого предназначения, например, сфера учебной деятельности потеряла для подростка свою ценность из-за отставания в учебе, прогулов, невыполнения домашних заданий и т. д. Процесс деформации образа жизни, поначалу стихийный и незаметный, концентрируясь и достигая в своем негативном развитии кульминационного момента (совершение преступления), может произвести коренную ломку сложившейся системы общественных связей и изменить их характер, поставив на место социально полезных связей антисоциальные.

Если при деформации образа жизни возможность рецидива преступлений еще только намечается, то при деформированном образе жизни эта возможность часто становится реальностью. Следует использовать и такой термин, как «криминализация образа жизни», которым обозначили процесс усиления негативного влияния микросреды, увеличение числа преступных проявлений при одновременном сокращении социально полезных связей личности. Криминализация образа жизни наступает тогда, когда происходит замена социально полезных связей той или иной сферы на антиобщественные, в том числе на ценности преступной среды.

При изучении антиобщественного образа жизни несовершеннолетних правонарушителей обращает на себя внимание и тот факт, что значительная часть подростков до осуждения успевает совершить несколько преступлений, рецидив становится неизменным спутником их образа жизни. Здесь имеют место многие причины. Одна из них заключается в том, что правоохранительные органы и общественность нередко запаздывают с применением профилактических мер в отношении несовершеннолетних, от которых, судя по их образу жизни, можно ожидать совершения преступлений. Следует правильно определять признаки антиобщественного образа жизни несовершеннолетних, которые можно сгруппировать следующим образом:

1) признаки аморальности: употребление алкоголя и наркотиков, занятия проституцией, бродяжничеством, попрошайничеством и др.;

2) признаки агрессивного поведения: участие в драках, избиение окружающих, вымогательство и отнимание денег и вещей у сверстников и др.;

3) признаки негативных связей: с ранее судимыми и отбывшими наказания; с лицами, занимающимися сводничеством, укрытием и сбытом ворованных вещей;

4) признаки, связанные с совершением правонарушений: мошенничество, участие в азартных играх, мелкие кражи и др.;

5) признаки, связанные с совершением преступлений: латентность ранее совершенных деяний, наличие прежних судимостей, заранее обещанное укрывательство, подстрекательство к совершению преступлений и т. д.

Выявление и учет этих типобразующих признаков позволяет прогнозировать деформацию образа жизни и применить соответствующие меры профилактики. Профилактика, в основу которой положен антиобщественный образ жизни, предполагает организацию учета следующих категорий несовершеннолетних и молодежи:

– неблагополучные семьи, попавшие в поле зрения правоохранительных органов из-за антиобщественных проявлений как самих родителей, так и их детей;

– состоящие на учете органов здравоохранения по различным основаниям;

– вернувшиеся из специализированных и специальных учебно-воспитательных учреждений и отбывшие наказания в воспитательных колониях.

Такой учет необходим, поскольку предупреждение антиобщественного образа жизни связано с анализом содержания и сущности основных сфер жизнедеятельности подростков.

Образ жизни несовершеннолетних, находящихся в одинаковой микросреде, может быть различным и определяется мерой пораженности различных жизненных сфер. Это дает возможность строго дифференцированно намечать и осуществлять формы и методы воспитательно-профилактического воздействия; применять эти средства на ранних стадиях деформации образа жизни, не дожидаясь совершения преступлений. Вся система профилактики как правоохранительных органов, так и общественных организаций приобретает упреждающий характер.

Дифференциацию образа жизни несовершеннолетних мы провели по объективному признаку – по реакции правоохранительных органов и общественности на ранее совершенные ими отрицательные поступки (постановка на учет в полиции, разбор дела в комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, привлечение к админист-

ративной или уголовной ответственности, осуждение к различным видам наказания).

1. Несовершеннолетние, которые до осуждения совершали малозначительные проступки, нередко состояли в связи с этим на учете в полиции (за распитие спиртных напитков, драки между собой, избиения окружающих, мелкие кражи и т. д.), но не привлекались к административной ответственности. Подобный тип образа жизни можно назвать аморальным.

2. Несовершеннолетние, которые до осуждения совершали правонарушения, за что не только ставились на учет в полиции, но и привлекались к административной ответственности, разбирались в комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. Правонарушения у них имели более опасный характер либо совершались неоднократно. Их образ жизни имел значительную степень отклонений от законопослушного образа жизни, оказывая в то же время отрицательное влияние на окружающих. Такой тип образа жизни получил название асоциального.

3. Третью категорию составляют подростки, которые, несмотря на применяемые меры общественного и административного воздействия, продолжали совершать не только административные правонарушения, но и преступления, за что были привлечены к уголовной ответственности и осуждены к различным видам наказания либо отбывали наказания в воспитательных колониях. Эта категория несовершеннолетних в основном проявляла стойкие общественно опасные отклонения от законопослушного образа жизни, оказывала сильное отрицательное влияние на окружающих. Такой тип образа жизни следует назвать криминальным.

Среди подростков, ведущих криминальный образ жизни, выделяется и такая категория несовершеннолетних, которая систематически совершала преступления. Этим несовершеннолетним привлекали к различным видам ответственности, некоторые из них второй раз отбывали наказание в воспитательных колониях. Несмотря на малочисленность этой категории несовершеннолетних, она оказывает большое негативное влияние на окружающих подростков. Часто они становятся лидерами в создаваемых противоправных группировках. Их образ жизни с полным правом можно назвать преступным. В связи с тем что многие черты и особенности криминального и преступного образа жизни имеют сходный характер и границы их подвижны, преступный образ жизни включен в состав криминального. В дальнейшем изложении материала в основном будут использоваться три типа антиобщественного образа жизни: аморальный, асоциальный и криминальный. Все они вхо-

дят в состав более широкого понятия «антиобщественный образ жизни» и по одним параметрам отличаются между собой в большей степени, по другим – незначительно.

Следует отметить, что аморальный образ жизни регулируется нравственными нормами, асоциальный – административными, криминальный – уголовно-правовыми нормами.

Образ жизни проявляется в действиях, характеризующих поведение личности. К отрицательным действиям человека, например, профессор А. М. Яковлев относит преступные, антисоциальные и аморальные [4, с. 95]. Несмотря на то что все эти действия являются антисоциальными, их можно использовать как самостоятельные понятия. То же самое можно сказать и об образе жизни несовершеннолетних. Он может быть и аморальным, и асоциальным, и криминальным, но в любом случае антиобщественным, потому что включает в себя все указанные типы деформированного образа жизни.

Деление образа жизни на указанные типы в определенной степени условно, однако оно необходимо прежде всего для целенаправленного и эффективного осуществления профилактики рецидивной преступности несовершеннолетних. Выявление допреступного периода формирования и развития антиобщественного образа жизни, знание аморальных и асоциальных проявлений, а также более стойких криминальных черт в образе жизни позволяет дифференцированно применять меры воспитательно-профилактического воздействия, учитывать степень и характер деформации поведения. Период антиобщественного развития может закончиться после совершения первых аморальных проступков и административных правонарушений, но может и продолжаться, вплоть до совершения преступлений, в том числе повторных, что является свидетельством глубокой деформации образа жизни несовершеннолетнего и требует применения весьма эффективных, а иногда и более жестких мер воспитательно-профилактического воздействия.

Однако нельзя ограничивать указанные типы образа жизни друг от друга «китайской стеной». Практика свидетельствует о том, что путь от аморального до криминального поведения при соответствующих обстоятельствах несовершеннолетние проходят очень быстро, этим и объясняется некоторая условность дифференциации типов. Это же наблюдается и при сравнении социально-психологических качеств правонарушителей с законопослушными подростками. Некоторые их характерные черты и качества мало отличаются друг от друга. Сле-

дует согласиться с профессором М. М. Бабаевым, указывающим, что «по ряду показателей уровня и содержания культуры характеристики контингента преступников и законопослушного населения могут либо совпадать, либо отличаться несущественным образом. Речь идет о существенно более высоком удельном весе отрицательных качеств, обнаруживаемых в группе преступников, по сравнению с контрольной группой» [5, с. 70].

Рассматривая этот вопрос с позиции антиобщественного образа жизни, надо указать, что определенная стойкость в негативных проявлениях, в том числе преступных, наблюдается у несовершеннолетних, ведущих криминальный образ жизни. В основном же в образе жизни несовершеннолетних правонарушителей имеются и положительные, и отрицательные факторы, которые, сочетаясь между собой, обуславливают тот или иной тип антиобщественного образа жизни.

Одной из особенностей антиобщественного образа жизни подростка, свидетельствующей о степени его деформации и социальной опасности как рецидивиста, является число преступлений, которые он совершил до осуждения. Изучение этого вопроса показало, что до назначения уголовного наказания определенная часть подростков совершила несколько правонарушений, в том числе преступлений, за которые их значительно ранее могли бы привлечь к ответственности. Однако в силу различных причин (хорошая конспирация, боязнь потерпевшими мести, недостатки в деятельности полиции и т. д.) эти правонарушения не были выявлены или раскрыты и о них стало известно лишь после признания об этом подростков в колонии. Наши данные свидетельствуют о том, что свыше 75 % из них успели совершить несколько правонарушений, причем 30 % – 2–3, около 14 % – 4–10 и свыше 30 % – более 10 правонарушений.

Обращает на себя внимание и тот факт, что совершение правонарушений от 4 до 10 выявлено в 2 раза больше у подростков, ведущих до осуждения асоциальный образ жизни, по сравнению с аморальным (соответственно 22 и 12 %). Следовательно, деформация образа жизни многих несовершеннолетних наступает задолго до осуждения, а под влиянием неоднократного совершения правонарушений и преступлений принимает стойкую антиобщественную направленность.

Знание этого явления позволяет органам внутренних дел своевременно осуществлять профилактику рецидивной преступности среди несовершеннолетних. Выявление первых правонарушений и

правильно поставленная профилактическая работа значительно сокращают вероятность рецидива. В противном случае подростки, пользуясь безнаказанностью, все более укрепляют свои негативные ценностные ориентации и совершение правонарушений, в том числе преступлений, в конце концов становится для них привычным делом. При совершении преступлений они стараются проверить свои волевые качества, смелость и твердость характера, демонстрируя пренебрежение к риску и опасности. Это дает им возможность самоутвердиться в глазах сверстников, иметь красивые вещи, вести праздный и разгульный образ жизни. В связи с этим правоохранительным органам следует обращать внимание не только на преступные, но и на различные антиобщественные проявления.

Нередко в число подростков-правонарушителей попадают и те несовершеннолетние, которые ранее не были замечены органами внутренних дел в антисоциальных действиях. Завязав дружбу с лицами, ведущими антиобщественный образ жизни, такие подростки быстро усваивают негативные взгляды, интересы и наклонности этой группы, стараясь копировать манеру поведения ее лидеров. Чтобы заслужить одобрение в группе, поднять свой авторитет в глазах сверстников, они стремятся не только выполнить негативное деяние, но и при этом отличиться лихостью и бесстрашием, проявляют цинизм и жестокость. Профессор И. С. Кон замечает, что «проявление жестокости к животным и к людям иногда воспринимается подростками как упражнения воли, признак смелости, мужественности» [6, с. 109], поэтому профилактическая работа органов внутренних дел и общественности должна быть направлена как на правонарушителей, так и на тех, кто только становится на антиобщественный путь: пьянствует, проводит время с ранее судимыми, пропускает школьные занятия, совершает прогулы на производстве, уклоняется от работы и т. п. К числу несовершеннолетних, ведущих антиобщественный образ жизни, относятся подростки, неоднократно совершающие аморальные поступки, а также те, кто систематически играет в азартные игры, допускает половую распущенность, занимается попрошайничеством, вымогательством, в связи с чем их надо ставить на учет в органах внутренних дел. Следует также более настойчиво выявлять лиц, вовлекающих несовершеннолетних в преступную деятельность. В то же время нужно учитывать, что круг общения подростков, ведущих антиобщественный образ жизни, довольно широк. Безответственность в выборе друзей способствует тому, что их группы

более многочисленные, чем у законопослушных. Так, группы свыше 10 человек более характерны для правонарушителей, нежели для законопослушных (соответственно 33 и 21 %). На это обстоятельство правоохранительным органам тоже следует обращать внимание.

Исследование антиобщественного образа жизни несовершеннолетних позволило сделать следующие выводы.

Основой концепции преобразования системы борьбы с преступностью несовершеннолетних является: первичность предупреждения антиобщественного образа жизни относительно предупреждения преступлений; выделение в качестве детерминантов структуры типологических признаков и характеристик, обуславливающих соответствующие типы антиобщественного образа жизни. Силы и средства профилактики должны соответствовать степени деформации образа жизни несовершеннолетних, которая определяется в процессе криминологического поиска.

Предупреждение антиобщественного образа жизни – это новое научное направление междисциплинарного характера, интегрирующее знание прежде всего криминологии, социологии, педагогики, психологии, отраслей права и управления. Предупреждение рецидива преступлений несовершеннолетних с современных позиций предусматривает прежде всего воздействие на антиобщественный образ жизни рецидивистов, на его деформированные сферы.

Преступление является следствием антиобщественного образа жизни, который формируется под влиянием неблагоприятных воздействий окружающей личность микросреды, поэтому причины преступного поведения надо искать в первую очередь в деформированном образе жизни личности. В связи с этим категория «антиобщественный образ жизни» должна стать объектом пристального внимания криминологии и найти широкое применение в разработке различных вопросов борьбы с преступностью.

Формирование образа жизни подростка замыкается в основном на факторах окружающей

микросреды, а личностные особенности определяют наиболее важные, с его точки зрения, ближайшие контакты, значительная часть которых способствует деформации образа жизни. В результате у подростка появляется прочная привязанность к нормам антисоциальной микросреды, его ценностные ориентации и стереотипы поведения начинают соответствовать тем требованиям, которые предъявляет антисоциальная микросреда.

Образ жизни несовершеннолетних, находящихся в одинаковой микросреде, может быть различным, поэтому его следует разграничивать по степени деформации, которая определяется мерой пораженности различных жизненных сфер. Это дает возможность строго дифференцированно намечать и осуществлять меры воспитательно-профилактического воздействия; применять их на ранних стадиях деформации образа жизни. Вся система мер профилактики приобретает упреждающий характер.

Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», по всей вероятности, можно было бы изложить более кратко и назвать его «Об основах системы профилактики антиобщественного образа жизни и рецидива правонарушений несовершеннолетних и молодежи». Во-первых, несовершеннолетние все время общаются с совершеннолетними (разница один-два года), и они тоже требуют к себе внимания. Во-вторых, известно, что преступность несовершеннолетних в основном носит групповой характер (70–80 % преступлений насильственного характера совершаются в группах), а в Федеральном законе это не нашло отражения. В-третьих, большинство деяний несовершеннолетних носит антиобщественный, но не преступный характер, поэтому субъектами профилактики должны быть не только правоохранительные органы, а субъекты, умеющие на должном уровне строить с молодежью воспитательно-профилактическую работу как в сфере свободного времени, так и по месту жительства.

Список литературы

1. Кудрявцев В. Н. Закон. Порядок. Ответственность. М., 1987. 276 с.
2. Антонян Ю. М. Антиобщественный образ жизни как криминологическая проблема // Советское государство и право. 1981. № 3. С. 69.
3. Игошев К. Е., Миньковский Г. М. Семья, дети, школа. М., 1989. 448 с.
4. Яковлев А. М. Теория криминологии и социальная практика. М., 1985. 247 с.
5. Бабаев М. М. Духовная культура и преступность // Влияние социальных условий на преступность. М., 1983. С. 59–73.
6. Кон И. С. Психология юношеского возраста. М., 1979. 175 с.

VICTOR IVANOVICH IGNATENKO,

dsc in law, professor,
honored worker of the higher school of the Russian Federation,
professor, criminology and organization of prevention of crimes department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: editor62@yandex.ru

FEATURES OF THE ANTISOCIAL WAY OF LIFE OF MINORS

Annotation: prevention of antisocial way of life is a new scientific direction of interdisciplinary character, first of all integrating knowledge of criminology, as well as sociology, pedagogy, psychology, branches of law and management. Recidivism prevention of minors from modern point of view has influence on antisocial way of life of recidivists and its deformed spheres. Crime is a result of antisocial way of life formed under the influence of adverse effects of microenvironment a person is surrounded by. Due to this reason for criminal behavior are firstly to be looked for in the deformed way of life of a personality. In this regard the category «antisocial way of life» has to become an object of close attention of criminology and to has find broad application in various questions of fight against crime.

Key words: minors, antisocial way of life, fight against crime, deformation of a way of life, immoral way of life.

References

1. Kudrjavcev V. N. Zakon. Porjadok. Otvetstvennost' [Law. Order. Responsibility]. Moscow, 1987. 276 p.
2. Antonjan Ju. M. Antiobshhestvennyj obraz zhizni kak kriminologicheskaja problema [Antisocial way of life as criminological problem]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet state and law, 1981, no. 3, p. 69.
3. Igoshev K. E., Min'kovskij G. M. Sem'ja, deti, shkola [Family, children, school]. Moscow, 1989. 448 p.
4. Jakovlev A. M. Teorija kriminologii i social'naja praktika [Theory of criminology and social practice]. Moscow, 1985. 247 p.
5. Babaev M. M. Duhovnaja kul'tura i prestupnost' [Spiritual culture and crime]. Vlijanie social'nyh uslovij na prestupnost' [Influence of social conditions on crime]. Moscow, 1983, pp. 59–73.
6. Kon I. S. Psihologija junosheskogo vozrasta [Psychology of youthful age]. Moscow, 1979. 175 p.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Реферат: в последнее время особенно актуальным является вопрос о соответствии нормам международного права, имеющим наивысшую юридическую силу (*jus cogens*), действий отдельных государств и военных блоков по отношению к иным государствам – субъектам международного права. Анализ внешней политики XX–XXI вв., проводимой США и их военно-политическими союзниками по отношению к ряду стран Западной Европы, Северной Африки, Азии и Ближнего Востока, может свидетельствовать о попирании международных принципов невмешательства во внутренние дела другого государства, мирного разрешения международных споров и др. Отсюда возникает явная потребность в проведении научного исследования, целью которого является установление действительности нарушения норм-принципов международного права, положенных в основу цивилизованных взаимоотношений субъектов международного права, а также истинных причин возникновения современных военных межгосударственных конфликтов, политических кризисов, гуманитарных катастроф и цветных революций.

Применение диалектического метода научного познания, а также частных научных методов анализа и синтеза позволило сформулировать ряд выводов относительно заявленной проблематики. Международное сообщество в лице ООН юридически не констатирует факты нарушения норм международного права, то есть совершения преступлений против мира и безопасности человечества. Однако это не означает действительного отсутствия нарушений норм *jus cogens*.

Причиной осуществления агрессивной политики США и ее поощрения руководством стран мирового сообщества является сложившаяся кризисная ситуация в мировой экономике. Доллар США признается в качестве ведущего финансового инструмента, в эквиваленте которого определяются национальные богатства подавляющего большинства современных государств. Преимущественно в долларах США осуществляются платежи по внешнеторговым сделкам, предоставляются международные кредиты, поэтому американская валюта считается одним из наиболее стабильных средств накопления и сбережения. Однако фактически платежеспособность данной валюты ничем не обеспечена, а государством не гарантируется. Долг США значительно превышает государственные доходы и имеет тенденцию к постоянному увеличению. Соответственно для сохранения доминирования американской валюты в мировой экономике США проводят агрессивную внешнюю политику для захвата природных ресурсов иных стран и обеспечения международного инвестирования деятельности национальных компаний. Иные страны вынуждены не препятствовать данной политике, поскольку падение курса доллара США приведет к резкому уменьшению стоимости собственных национальных активов.

Подобная ситуация будет сохраняться до тех пор, пока в мире не появится реальная материально обеспеченная альтернатива американскому доллару и не будут скорректированы принципы взаимодействия субъектов международных экономических отношений.

Ключевые слова: международные экономические отношения, национальная безопасность, финансы, международные преступления, валюта, золотовалютные резервы, валютный рынок, девальвация, военно-политические объединения, гуманитарная катастрофа, политический кризис, международные соглашения.

Наука уголовного права традиционно определяет в качестве международных преступлений те виды общественно опасных деяний, совершение которых ставит под угрозу отношения мирного сосуществования государств мирового сообщества или причиняет им реальный вред. Данные общечеловеческие ценно-

сти получили регламентацию в нормах Устава ООН, юридическая сила которых признана наивысшей (*jus cogens*) и распространяет свое действие на всех субъектов международного права вне зависимости от членства в ООН. Учитывая изложенное, можно утверждать, что международные преступления посягают на принципы (отношения)

нерушимости границ, невмешательства во внутренние дела другого государства, мирного разрешения международных споров, уважения прав и свобод человека и гражданина и др.

Однако представительство практически всех цивилизованных государств – членов мирового сообщества в ООН и официальное признание указанных принципов международного общения и сотрудничества, к сожалению, не гарантирует мирное сосуществование государств на планете. Начиная с конца прошлого столетия можно наблюдать постоянно возрастающую напряженность в международной политике, которая все чаще перерастает в локальные военные конфликты, прямыми или косвенными участниками которых становятся все те же страны – члены ООН. Обращает на себя внимание и увеличение продолжительности во времени вооруженных столкновений, равно как и постоянно растущее количество их участников. Так, первые десятилетия XXI века ознаменовались серией гуманитарных катастроф в Западной Европе (Югославия, Албания, Украина), Северной Африке (Египет, Ливия) и на Ближнем Востоке (Афганистан, Ирак, Сирия).

Предлогом военного воздействия на власти и население перечисленных территорий были проблемы с соблюдением гуманитарных и демократических ценностей, террористические угрозы, осуществление разработок оружия массового поражения и т. п., хотя истинной причиной (как и во всех межгосударственных войнах) являются экономические интересы государств, прямо или косвенно осуществляющих военную экспансию [2, с. 88–89]. Неизменным инициатором (а в ряде случаев и непосредственным участником) всех вооруженных конфликтов международного характера выступают США и Великобритания, формально проводя свою политику через коллегиальные решения Северно-Атлантического альянса и иные международные организации.

Нетрудно заметить, что все государства, подвергающиеся военно-политическому воздействию, имеют значительные природные запасы углеводов либо расположены в непосредственной близости от суверенных территорий тех стран, которые традиционно являются геополитическими противниками США. Соответственно дешевые природные ресурсы и увеличение степени влияния на политических противников путем расположения вооруженных сил в непосредственной близости от суверенной территории последних являются истинными причинами агрессивной внешней политики США.

Теперь остается установить, почему руководство США так активно использует методы агрес-

сивной внешней политики, применение которых часто противоречит общепризнанным ценностям, закрепленным в международном праве? Ответ на данный вопрос следует искать путем анализа экономических процессов, происходивших на протяжении XX века и сформировавших современную мировую экономику на планете.

Так, международные расчеты в подавляющем большинстве случаев производятся в долларах США. Американский доллар является мерой определения количественных показателей валового продукта и национального дохода в каждой стране мира. Учитывая такую финансовую гегемонию, США должны стремиться к обеспечению самой высокой степени надежности своей валюты от обесценения и к недопущению возникновения сомнений в ее нестабильности. Подобные гарантии можно предоставить только при наличии высоких национальных доходов, богатейшей минерально-ресурсной базы и бесспорной конкурентоспособности производимых в стране товаров на международном рынке. В то же время ни для кого не является секретом, что современная экономика США переживает не лучшие времена. Несмотря на это, американская валюта по-прежнему лежит в основе мировой валютной системы, хотя определенную конкуренцию в данной области уже создают валюты Евросоюза и Китая. Но почему при наличии таких минусов американский доллар не утрачивает своего международного финансового значения?

Со второй половины XIX века ведущие капиталистические державы приняли решение о золотом стандарте, суть которого сводилась к гарантии государства-эмитента национальной валюты обеспеченности последней определенной мерой золота. Экономические кризисы и гуманитарные катастрофы конца XIX – первой половины XX века вызвали к бурному росту повсеместной инфляции, что привело к неспособности правительств многих государств гарантировать обеспеченность золотом выпускаемых в обращение национальных денежных единиц. Так, к концу Второй мировой войны только США сохранили возможность обеспечения заявленного золотого стандарта для американского доллара, что было официально подтверждено резолюцией Бреттон-Вудской конференции 1944 г. [3, с. 351]. Именно с этого времени можно наблюдать стремительный экономический рост Соединенных Штатов Америки, поскольку их национальная валюта получила исключительный статус, сравнимый с золотом – традиционным универсальным средством платежа и обеспечения исполнения обязательств. За достаточно короткое время национальные богатства каждой страны мирового сообщества стали исчисляться в эквиваленте аме-

риканскому доллару, равно как и осуществление международных расчетов, выдача займов и пр.

Через относительно непродолжительное время общая долларовая наличная масса увеличилась в разы, а США, как и иные государства, утратили возможность обеспечения национальной валюты золотом. По этой причине в 1978 г. на Ямайской международной конференции официальные представители США объявили об отказе от золотого валютного стандарта и о снятии с себя всех обязательств по государственным гарантиям платежеспособности национальной валюты [4, с. 744–745]. С этого времени курс национальной валюты стал определяться исходя или из биржевой стоимости, или фиксированной суммы, установленной государственными органами власти. Однако лидирующих позиций в мировой экономике доллар США несколько не утратил, потому что курсы свободно конвертируемых валют в процессе биржевой торговли определялись преимущественно по отношению к американской национальной валюте [1, с. 268–269].

Необеспеченность доллара и постоянное наращивание его массы по всему миру стимулирует власти США к постоянному поиску материальных ресурсов за пределами своей страны. Уникальность положения США в мировой экономике заключается в том, что выпуск национальной валюты может осуществляться безгранично, а ежегодно возрастающий государственный долг не оказывает никакого принципиального негативного действия на спрос американской валюты по всему миру: как и прежде, она рассматривается как надежный финансовый инструмент, средство накопления и сбережения своих денег. Вполне оправданная девальвация американской валюты с экономической точки зрения приведет к уменьшению своих материальных ценностей, в связи с чем страны мирового сообщества поддерживают курс американской валюты на необоснованно высоком уровне, чтобы не уменьшить стоимость собственных национальных богатств. Отсюда гарантирует платежеспособность американской валюты не государство-эмитент, а все страны мирового сообщества [2, с. 90].

Разумеется, что подобное положение в мировой экономике мало кого устраивает, а потому периодически осуществляются попытки устранения гегемонии американской валюты. В новейшей истории это выражается во введении единой европейской валюты странами материковой части Европейского континента (1999 г.), заявление России и Китая о вводе национальных валют на международный валютный рынок, провозглашение Россией использования в международных расчетах собственной валюты (2006 г.), создание таможенных

союзов независимых государств и др. Казалось бы, что все перечисленные действия относятся лишь к стремлению отдельных государств перейти на качественно новый уровень экономии-ческого развития и занять достойное место в ряду крупнейших мировых экономик.

Однако США вполне оправданно рассматривают подобные экономические инициативы межгосударственного значения в качестве прямой угрозы собственной национальной безопасности, поэтому предпринимают самые различные меры противодействия, включая военное вмешательство во внутренние дела государств. Так, евро был введен с 1 января 1999 г., при этом изначально его заявленный курс был выше американского доллара. Уже 24 марта 1999 г. силы НАТО без получения соответствующих международных разрешений ООН предприняли осуществление военной операции на территории бывшей Югославии, что сопровождалось активными бомбардировками не только военных, но и гражданских объектов инфраструктуры, уничтожением мирного населения Косово. В данный военный конфликт были втянуты вооруженные силы большинства европейских государств – членов НАТО. Валютный рынок мгновенно отреагировал на данное международное событие: курс евро значительно снизился и долгое время европейская валюта стоила дешевле американского доллара.

Несколько иные, но не менее преступные сценарии причинения вреда интересам России проводятся представителями США с конца XX века и по настоящее время. Здесь мы не наблюдаем вторжения на суверенную территорию РФ представителями иностранного военного контингента. Однако вооруженные силы США обеспечивают свое присутствие в странах – партнерах России, что крайне негативно сказывается на сохранении экономических связей и взаимовыгодного сотрудничества России с данными государствами. Такой сценарий имел место в Ираке и Ливии [5, с. 4–9]. Кроме того, предпринимались попытки создания военных баз США в непосредственной близости от государственной границы РФ на территории Киргизии и Узбекистана.

Менее явным вмешательством во внутренние дела другого государства является сценарий осуществления цветных революций, вследствие которых власть в стране – стратегическом партнере РФ – передается в руки проамериканских политиков. Яркими примерами подобных деяний являются революции в Грузии и Украине. Скорее всего, один из сценариев должен был бы быть реализован в отношении официальных властей Ирана и Сирии, что пока не происходит по причине активной внешней

политики России по данным геополитическим вопросам. Следствием всех перечисленных гуманитарных катастроф является отказ участников международных валютных рынков инвестировать свои средства в экономики тех стран, которые подверглись военно-политическому воздействию и переживают внутривалютные кризисы власти. Отсюда вложения продолжают осуществляться в экономику США, то есть по-прежнему обеспечивается стабильность и высокий курс американской валюты, которая воспринимается как единственно возможное средство для сохранения своих сбережений.

Все это позволяет сделать вывод о том, что международные преступления будут продолжаться и в будущем, поскольку в их основе лежит фактическая неплатежеспособность американской национальной

валюты. В свою очередь, США будут увеличивать объемы валютной эмиссии и финансировать кризисы, революции и войны в других государствах, являющихся противниками США в международном экономическом противостоянии. Восстановление платежеспособности американского доллара вряд ли возможно по причине колоссального внешнего долга США, поэтому представителям международного сообщества необходимо предпринять поиск альтернативы американскому доллару на международном валютном рынке, а также не забывать о том, что нарушение норм международного права, равно как и ненадлежащее реагирование на факты их нарушения, может привести к глобальной гуманитарной катастрофе с ужасающими последствиями для всего человечества.

Список литературы

1. Деньги. Кредит. Банки : учебник / под ред. В. В. Иванова, Б. И. Соколова. М., 2010. 848 с.
2. Лапшин В. Ф. Экономические причины «цветных революций» // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 3. С. 88–92.
3. Международные экономические отношения : учебник. М., 2001. 512 с.
4. Финансы : учебник / отв. ред. В. В. Ковалев. М., 2010. 928 с.
5. Шестаков Д. А. Агрессия против суверенной Ливии, набросок формул обвинения // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 4. С. 4–9.

LYUDMILA ALEXANDROVNA BUKALEROVA,

dsc in law, professor,
head of the department, criminal law department
(Russian university of peoples' friendship),
e-mail: l_a_buka@mail.ru

ECONOMIC RELATIONS AND INTERNATIONAL CRIME: CRIMINALLY-LEGAL AND CRIMINOLOGICAL ASPECTS

Annotation: lately particularly relevant is the question of compliance with the standards of international law, have the highest legal force (jus cogens), the actions of individual states and military units in relation to other states – subjects of international law. An analysis of the foreign policy of XX–XXI centuries, pursued by the US and its military and political allies in relation to a number of countries in Western Europe, North Africa, Asia and the Middle East – may indicate defiance of the international principles of non-interference in the internal affairs of other states, peaceful settlement of international disputes and others. Hence there is a clear need to conduct scientific research, the purpose of which is to establish the fact violations of, the principles of international law that formed the basis of civilized relations between subjects of international law, as well as about the true causes of the modern military interstate conflicts, political crises, humanitarian disasters and «color revolutions».

The use of the dialectical method of scientific knowledge, as well as private scientific methods of analysis and synthesis, allowed to formulate a number of conclusions regarding the stated issues. The international community, through the United Nations is not legally ascertains violations of international law, that is committing crimes against the peace and security of mankind. But this does not mean lack of actual violations of jus cogens.

The cause of the aggressive policy of the USA and its promotion of the leadership of the world community is the current crisis in the global economy. The US dollar is recognized as the leading financial instrument, in terms of which shall be the national wealth of the vast majority of modern states. Mainly in US dollars made payments on foreign trade transactions, provided by international loans, and so on. Therefore, the US currency is considered one of the most stable means of accumulation and savings. However, the actual solvency of the

currency does not provided, and the state can not be guaranteed. US debt is much higher than government revenues and tends to a constant increase. Consequently, to preserve the dominance of the American currency in the world economy, the US conducted an aggressive foreign policy to seize the natural resources of other countries and secure international investment activities of national companies. Other countries have not to interfere with this policy since the fall of the US dollar will lead to a sharp decrease in the value of their national assets.

Key words: international economic relations, national security, finance, international crime, currency, foreign exchange reserves, foreign exchange market, devaluation, military-political associations, humanitarian crisis, political crisis, an international agreement.

References

1. Den'gi. Kredit. Banki [Money. Credit. Banks]. Under the editorship of V. V. Ivanov, B. I. Sokolov. Moscow, 2010. 848 p.
2. Lapshin V. F. Jekonomicheskie prichiny «cvetnyh revoljucij» [Economic causes of the «color revolutions»]. *Kriminologija: vchera, segodnja, zavtra – Criminology: yesterday, today and tomorrow*, 2014, no. 3, pp. 88–92.
3. Mezhdunarodnye jekonomicheskie otnoshenija [International economic relations]. Moscow, 2001. 512 p.
4. Finansy [Finance]. Under the editorship of V. V. Kovalev. Moscow, 2010. 928 p.
5. Shestakov D. A. Agressija protiv suverennoj Livii, nabrosok formul obvinenija [Aggression against a sovereign Libya, outline formulas for the prosecution]. *Kriminologija: vchera, segodnja, zavtra – Criminology: yesterday, today and tomorrow*, 2011, no. 4, pp. 4–9.

АБДУЛЖАБАР АГАБАЛАЕВИЧ ЮНУСОВ,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории государства и права,
международного и европейского права,
e-mail: abdulzhabar@mail.ru;

АХМЕД АБДУРАХМАНОВИЧ АБДУРАЗАКОВ,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров
(Академия ФСИН России),
e-mail: abdurazakov1982@gmail.com

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Реферат: имеющийся на сегодняшний день уровень рецидива преступления является существенной проблемой как для уголовно-исполнительной системы, так и для общества в целом. Сложно выделить основную причину сложившейся ситуации, в данном случае будет уместно говорить о целом комплексе социальных проблем. К числу таковых можно отнести, например, низкий уровень правосознания среди лиц, заключенных под стражу; отсутствие чувства стыда и раскаяния за совершенное преступление; восприятие осужденными наказания не как заслуженной кары, а как несправедливого возмездия; наличие в местах лишения свободы асоциальной субкультуры; агитационная работа лидеров исламских экстремистских группировок.

В России отсутствуют институты социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Данная проблема комплексная – ее невозможно решить силами и средствами уголовно-исполнительной системы, необходимо взаимодействие с органами местного самоуправления, различными общественными организациями, в том числе религиозными. Роль религиозных организаций не должна ограничиваться только работой в исправительных учреждениях, не менее важную проблему представляет и социальная адаптация осужденного после освобождения. Религия предлагает твердые и понятные ответы на нравственные проблемы, излагая в простой и убедительной форме суть моральных ценностей человека. Религиозные организации могут оказать сильное воздействие на сознание и поведение верующих, выступая в качестве эффективного общественного регулятора отношений.

Ключевые слова: исправление осужденных, религия, религиозная мораль, рецидив преступлений, ресоциализация осужденных, социальная реабилитация осужденных.

Правила этикета, правовые обычаи, нормы семейного и религиозного воспитания наряду с нормами закона регулируют общественную деятельность и взаимоотношения между людьми. Конечная цель этих норм – формирование нравственного сознания, чувства ответственности за совершенные деяния и воспитание личностных качеств, присущих законопослушному гражданину, это процесс преодоления чуждых обществу морально-этических убеждений, в этом заключена суть духовно-нравственного воспитания. Развитие человеческого мышления, рост общественного сознания привели к формированию нравственных оценок поведения людей, норм нравственности, называемой чувством справедливости [1, с. 15], классические религиозные концепции в этом процессе сыграли не последнюю роль.

Религия, выступая как нравственный регулятор общественных отношений, издревле воздействовала на преступников через служителей религиозного

культы: «Из уст Бога исходили правила и нормы поведения человека, ниспосланные в виде свода законов с предусмотренными для нарушителей законов морали, наказаниями, а также заповеди, которые являлись идеологическим фундаментом законодательной системы» [2, с. 67]. Принуждение людей к законопослушанию осуществлялось посредством закрепления основных норм поведения в религиозных догматах.

Если на раннем этапе возникновения тюрем и иных мест лишения свободы основной функцией данных учреждений была репрессивно-карательная, то в настоящее время более социально значимыми задачами считаются правовое воспитание и исправление осужденных. Неслучайно понятие «пенитенциарное учреждение» образовано от латинского *penitencia* – покаяние.

На сегодняшний день в соответствии с УИК РФ применяются следующие средства воздействия на осужденных с целью их ресоциализации и исправления: установленный порядок исполнения и от-

бывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональная подготовка и общественное воздействие. Более подробно рассмотрим возможности общественного воздействия через религиозные организации.

Методы, которыми обладает религия, ее потенциальные возможности в решении проблем, связанных с перевоспитанием осужденного и пресечением случаев совершения рецидивных преступлений, очень высоки. К таким методам воздействия можно отнести и простоту ответов на нравственные проблемы, твердые и понятные критерии добра и зла, своеобразную целостность и оконченность религиозных учений и, что немало важно, готовность простить осужденного обществом при его готовности исправиться, не выдвигая при этом никаких дополнительных условий.

Обеспечение права осужденного на свободу вероисповедания и отправления религиозных культов – это не только один из важнейших элементов личной свободы гражданина, но и насущная потребность любого цивилизованного государства, духовно-нравственное воспитание осужденного может оказать на него позитивное влияние и тем самым снизить уровень рецидива преступлений. В настоящее время в России количество осужденных, повторно совершивших преступления, составляет примерно 63 % от общего числа осужденных в стране (по данным ФСИН России на 2014 г.).

Лидеры исламских экстремистских организаций успешно пользуются тем, что в условиях изоляции от общества и получаемой человеком вследствие этого психологической травме резко возрастают возможности духовно-нравственного воздействия религии. Пользуясь временным ослаблением и духовной опустошенностью защитных психологических рефлексов, данные лица занимаются вербовкой новых членов в свои ряды. Однако если использовать нравственное воздействие религии в этот психологически значимый момент, если воспользоваться сложившейся ситуацией с позитивным умыслом, то резко возрастает и возможность исправления преступника прежде всего благодаря психотерапевтической, компенсаторной функции религии: ее способности утешить, смягчить стрессовое состояние, выступать моральным стимулятором раскаяния.

Личный опыт осужденного к моменту заключения его под стражу искажен и основывается уже на неверных принципах. Это является благоприятной средой для принятия им так называемой асоциальной тюремной субкультуры, в местах лишения свободы он получает неофициальную информацию со стороны других осужденных: о правилах внутренне-

го распорядка, сотрудниках данного учреждения, особенностях и условиях содержания в нем. Отсутствие воздействия на данном этапе может привести к усугублению психологической деформации осужденного. Он начинает корректировать свое отношение к миру, понимание ценностей и жизненные планы исходя из ложных нравственных устоев.

Нормы поведения, выработанные в криминальной среде, способствуют рецидиву преступлений, заменяя общечеловеческие морально-нравственные ценности на ценности своей среды. Основным постулатом «воровской» идеологии является идея, что все люди склонны к порокам, в том числе к незаконному обогащению, безгрешных нет, но люди скрывают свои пороки и лицемерно их осуждают сами, преступая закон, а в среде «воровского мира» нет лицемерия – они честно признают свою преступную сущность [3, с. 67]. Выгода принятия такой морали проста – она не осуждает преступника, находя различные оправдания его преступному образу жизни, и человек, впервые попавший в криминальную среду, находящийся в состоянии эмоционального шока, легко подвержен воздействию данного элемента, и после освобождения, если этому способствуют некоторые социальные факторы, имея этическое оправдание своего девиантного поведения, человек готов совершить преступление повторно.

Рецидив преступления, по сути, означает, что за время пребывания в местах лишения свободы преступник не произвел нравственной оценки своих действий, переосмысления своих поступков. Чувства стыда и раскаяния, являющиеся основой такого нравственного чувства, как совесть, не получили должного развития, ведь обращение к совести возможно только при осознании преступником справедливости своего наказания. Если лицо в силу глубокой нравственной деформации воспринимает наказание лишь как кару, то о перевоспитании не может идти и речи, оно просто не будет видеть в этом необходимости. Перевоспитание возможно только через раскаяние и осознание своей вины перед обществом, справедливости наложенного наказания «как нравственно обоснованного критерия, в соответствии с которым осуществляется воздаяние субъекту за его поступки в виде наступления тех или иных правовых последствий» [1, с. 10].

В местах лишения свободы отсутствует институт социально-педагогического воспитания (применительно к совершеннолетним осужденным), именно о возможностях религиозных организаций в своего рода «сопровождении» человека в сфере эмоционального воспитания идет речь, причем именно с момента его заключения под стражу и до конечной реабилитации и социализации.

Проблема отсутствия институтов социальной реабилитации достаточно ярко выражена на сегодняшний день, основными сложностями, возникающими при ресоциализации осужденного, являются отсутствие трудового и бытового устройства, финансовые затруднения, проблемы со здоровьем. Крайне эффективна и полезна будет помощь религиозных организаций именно в этой сфере. Выход на свободу сопровождается сильными эмоциональными переживаниями, не менее сильными, чем заключение под стражу, и на этих двух наиболее уязвимых стадиях человеку крайне желательна религиозная помощь. Религиозным организациям было уместнее всего сосредоточить свои усилия на стадии заключения человека под стражу (оказывая ему помощь и психологическую поддержку и уменьшая тем самым нравственные страдания), а затем вмешаться в процесс его ресоциализации, заставляя его отказываться от возможных преступных умыслов.

В период подготовки к освобождению у осужденного появляются новые желания, он испытывает целую гамму эмоций, планирует обустроить свою личную жизнь, заняться спортом, обучением. Это приводит к отказу от «духовно-религиозного развития, духовно-религиозной подготовки к освобождению в пользу не совсем психологически устойчивой светской духовности. С духовно-психологических позиций такой «взрыв» ценностной сферы у осужденных мужчин молодежного возраста не более чем следствие того, что в православной церкви называют мечтательностью» [4, с. 58].

Таким образом, проблема правового воспитания, предотвращения рецидива – эта комплексная проблема различных сфер государственной и общественной деятельности, для решения которой необходимо привлечение возможностей социальных и правоохранительных органов, психологов и религиозных организаций, только комплексное воздействие может оказать благотворное влияние на ресоциализацию осужденного.

Почти все конфессии основаны на общих для них принципах гуманности и уважения к человеку и его правам. Мировые религии осуждают совершение уголовных преступлений, например, Библия категорически запрещает убивать, красть, лжесвидетельствовать, Коран

множественно предупреждает, что этого делать не следует, ибо любое нарушение неисполненных норм и правил противно Богу [2, с. 81]. Совокупность аналогичных норм содержится в Талмуде и других священных книгах. Религия требует через осуждение преступного образа мыслей и применение религиозных наказаний соблюдать светские законы и подчиняться установлениям светской власти.

Следовательно, религиозные взгляды и нормы оказывают сильное воздействие на сознание и поведение верующих, а в целом выступают как эффективный социальный регулятор [5, с. 19]. Исправление осужденного через осознанное принятие механизмов юридического наказания и сделанные на основе этого выводы о невыгодности совершения преступления в дальнейшем – это одна часть исправительного механизма, та его часть, которая основана на страхе перед государством и нормами закона. Вторая составляющая, безусловно, должна основываться на духовно-психологических изменениях личности, являющихся сутью истинного покаяния преступника, осознания им всей пагубности своего поведения и соответственно таким образом формировать в личности неприятие возможности рецидива преступления. В простой и убедительной форме религиозная мораль излагает суть моральных ценностей человека, и это, возможно, будет еще одним полезным фактором сдерживания преступника от дальнейших преступлений.

Невозможно переложить бремя борьбы с рецидивом преступлений на религиозные организации, но при правильной реализации можно получить сильный механизм психологического воздействия на преступника, который станет эффективной заменой «асоциальной тюремной субкультуры» или пропаганды лидеров экстремистских преступных группировок. Сегодня следует объединить усилия государства и неправительственных организаций, бизнеса и предпринимательства в целях решения проблемы социальной реабилитации и ресоциализации осужденных для оздоровления общества и сокращения рецидива преступлений [1, с. 20]. В контексте этого осознанная и контролируемая популяризация религии как источника правосознания и правового воспитания человека становится необходимостью.

Список литературы

1. Юнусов С. А. Принцип справедливости в уголовно-исполнительном праве: вопросы теории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2014. 23 с.
2. Оганесян С. С., Форре-Транзелера О. А. Тора, Новый завет и Коран – закон, правопорядок и законопослушание. М., 2011. 552 с.
3. Кутякин С. А. Влияние «воров в законе» на криминологическую ситуацию в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2. С. 65–68.

4. Сочивко Д. В., Голышева Ю. Н. Возрастание духовности и религиозности осужденных молодежного возраста как фактор их психологического исправления и ресоциализации. Рязань, 2012. 105 с.

5. Бессарабов В. Г. Роль церкви в политической жизни государства и реализации права на свободу совести в пенитенциарных учреждениях России. Барнаул, 1999.

ABDULZHABAR AGABALAYEVICH JUNUSOV,

dsc in law, professor, theory of the state and law,
international and european law department,
e-mail: abdulzhabar@mail.ru;

AHMED ABDURAKHMANOVICH ABDURAZAKOV,

postgraduate student, research and teaching personnel training department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: abdurazakov1982@gmail.com

INFLUENCE OF THE RELIGIOUS ORGANIZATIONS ON PREVENTION OF RECURRENCE OF CRIMES

Annotation: the level of recurrence of a crime which is available today is a vital issue both for criminal and executive system and for society in general. It is difficult to allocate the main reason for current situation, in this case will pertinently speak about the whole complex of social problems. It is possible to carry to number of those, for example: low level of sense of justice among the persons taken into custody; lack of sense of shame and repentance for the committed crime; perception condemned punishments not as deserved penalty and as unfair punishment; existence in places of imprisonment of asocial subculture; propaganda work of leaders of Islamic extremist groups.

In Russia there are no institutes of social adaptation of the persons released from imprisonment places. And this problem complex – it can't be solved by forces and means of criminal and executive system, interaction with local governments, various public organizations, including religious is necessary. The role of the religious organizations shouldn't be limited only to work in correctional facilities, not less important problem is represented also by social adaptation condemned after release. The religion offers firm and clear answers to moral problems, stating in a simple and convincing form an essence of moral values of the person. The religious organizations can make strong impact on consciousness and behavior of believers, acting as the effective public regulator of the relations.

Key words: correction of the condemned, religion, religious morals, recurrence of crimes, resocialization of the condemned, social rehabilitation of the condemned.

References

1. Junusov S. A. Princip spravedlivosti v ugovovno-ispolnitel'nom prave: voprosy teorii. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [The principle of justice in the criminal and executive right: theory questions. Cand. legal sci. diss. abstract]. Ryazan, 2014. 23 p.

2. Ogenesjan S. S., Forre-Tranzeleva O. A. Tora, Novyj zavet i Koran – zakon, pravoporjadok i zakonoposlushanie [A Torah, the New testament and the Koran – the law, a law and order and law-abiding]. Moscow, 2011. 552 p.

3. Kutjakin S. A. Vlijanie «vorov v zakone» na kriminologicheskiju situaciju v ispravitel'nyh uchrezhdenijah [Influence of «thieves in law» on a criminological situation in correctional facilities]. Ugovovno-ispolnitel'noe pravo – Penal law, 2014, no. 2, pp. 65–68.

4. Sochivko D. V., Golyшева Ju. N. Vozrastanie duhovnosti i religioznosti osuzhdennyh molodezhnogo vozrasta kak faktor ih psihologicheskogo ispravlenija i resocializacii [Increase of spirituality and religiousness condemned youth age as a factor of their psychological correction and resocialization]. Ryazan, 2012. 105 p.

5. Bessarabov V. G. Rol' cerkvi v politicheskoy zhizni gosudarstva i realizacii prava na svobodu sovesti v penitencijnyh uchrezhdenijah Rossii [A role of church in political life of the state and realization of the right for a freedom of worship in penal institutions of Russia]. Barnaul, 1999.

ПРОГРЕССИВНАЯ СИСТЕМА ИСПОЛНЕНИЯ И ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЙ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ

Реферат: современная уголовно-исполнительная политика, одним из приоритетных направлений которой является ресоциализация осужденных, в полной мере согласуется с целями наказания. В процедуре исполнения отдельных видов уголовных наказаний, как связанных, так и не связанных с изоляцией осужденных от общества, остается сложной проблема оптимизации соотношения карательной и исправительной составляющих, что требует дальнейшего совершенствования механизма исправительного воздействия, усиления в нем мотивации правоупослушного поведения осужденных и их личного интереса в результатах процедуры ресоциализации. Достичь этого возможно путем поэтапного и комплексного реформирования законодательной и организационной основы исполнения отдельных видов наказаний. Для решения этой проблемы необходимо преодолеть недостаточную взаимосвязь и обусловленность различных институтов в нормативном регулировании исправительного процесса, а точнее, ресоциализации осужденных.

Применительно к наказанию в виде лишения свободы действующее уголовно-исполнительное законодательство устанавливает, что лицам, примерно ведущим себя в исправительных учреждениях и добросовестно относящимся к труду, по истечении определенной части лишения свободы могут быть улучшены условия содержания. В предоставлении осужденному возможности заслужить примерным поведением и добросовестным отношением к труду права на улучшение условий есть сущность современной прогрессивной системы исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы.

В рамках реформирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации предполагается увеличение к 2020 году общей численности лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией осужденного от общества, на 200 тыс. человек за счет применения ограничения свободы и других видов наказаний, увеличения количества санкций, предусматривающих наказания, не связанные с изоляцией от общества, и расширения практики назначения данных наказаний судами. Все это требует тщательного подхода к изучению прогрессивной системы исполнения и отбывания наказаний, не связанных с лишением свободы, и определяет ее особую актуальность.

В статье рассматриваются общетеоретические положения о прогрессивной системе исполнения и отбывания наказаний, не связанных с лишением свободы, приводятся точки зрения ученых-пенитенциаристов на обозначенную проблему; анализируются отдельные виды наказаний, не связанных с лишением свободы, и нормы уголовно-исполнительного законодательства, устанавливающие прогрессивную систему в отношении данных наказаний; содержатся выводы, направленные на совершенствование законодательства в области разработки и закрепления прогрессивной системы исполнения и отбывания наказаний, не связанных с лишением свободы.

Ключевые слова: прогрессивная система, исполнение наказаний, отбывание наказаний, альтернативные санкции, наказания, не связанные с лишением свободы, принудительные работы, исправительные работы, обязательные работы, система наказаний, проживание осужденных за пределами колонии.

Из теории уголовно-исполнительного права нам известно, что прогрессивная система представляет собой такую организацию (порядок) исполнения наказания, при которой условия отбывания наказания осужденным изменяются либо в сторону ухудшения, либо в сторону улучшения в зависимости от поведения в период отбывания данного наказания [1].

В научной литературе упоминается о прогрессивной системе только применительно к исполнению наказания в виде лишения свободы [2]. Однако некоторые ученые считают, что прогрессивная система может распространяться и на другие виды наказания [3]. Позиция этих авторов представляется интересной по нескольким причинам. Во-первых, по данным официальной статистики, количество

осужденных к наказанию в виде лишения свободы с каждым годом сокращается, и все чаще отдается предпочтение назначению и исполнению наказаний, альтернативных лишению свободы. Во-вторых, уголовно-исполнительное законодательство не предусматривает закрепление прогрессивной системы при исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы, в связи с чем на теоретическом уровне представляется обоснованным восполнить данный пробел.

В ст. 44 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) закреплены виды наказаний. Как отмечают отдельные исследователи, в настоящее время система уголовных наказаний находится в состоянии кризиса, поскольку около 80 % обвинительных приговоров суды вынуждены выносить к наказанию в виде лишения свободы (из них около 50 % – условно). Ситуация объясняется тем, что состояние преступности в России (с точки зрения ее структуры) и отсутствие в ст. 44 УК РФ соответствующих уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, не позволяют судам в полной мере применять имеющиеся в указанной норме альтернативные лишению свободы виды уголовных наказаний [4, с. 125].

Как отмечает в своем диссертационном исследовании И. М. Монахова, наказания, не связанные с лишением свободы, – это наказания, входящие в перечень, закрепленный в ст. 44 УК РФ, дифференцированные в Особой части УК РФ и индивидуализированные в приговоре суда в виде меры государственного принуждения, заключающейся в ограничении свободы, трудовых и имущественных прав осужденного [5, с. 8].

По мнению К. Н. Гарленко, наказания без изоляции от общества – это наказания, сущность которых не заключается в помещении осужденного в специализированные исправительные учреждения, в которых установлен режим отбывания наказания, особенностью данных наказаний является их меньшая репрессивность: они не ограничивают свободу передвижения осужденного, могут применяться и как основные, и как дополнительные [6, с. 45–49].

К наказаниям, не связанным с ограничением или лишением свободы, относят: штраф; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград; обязательные работы; исправительные работы; ограничение по военной службе [7].

Для каждого из вида наказаний, не связанных с изоляцией от общества, устанавливается свой режим исполнения данного вида наказания, именуе-

мый в научной литературе как непенитенциарный, то есть это правопорядок исполнения наказаний без изоляции от общества, заключающийся в соблюдении им общих и специфических обязанностей (требований), которые призваны, с одной стороны, нейтрализовать воздействие факторов, способных создать условия для совершения условно осужденным нового преступления, с другой – обеспечить благоприятные условия его исправления [8, с. 24].

Непенитенциарный режим для наказаний, не связанных с лишением свободы, тесно связан с понятием прогрессивной системы. В этом контексте следует также различать режим прогрессивной системы отбывания наказаний, не связанных с лишением свободы, и режим прогрессивной системы исполнения данных видов наказаний. Разграничивая указанные понятия, В. Н. Орлов отмечает, что под прогрессивной системой отбывания наказания следует понимать поступательное изменение элементов состава отбывания наказания в зависимости от поведения осужденного, поставленных целей и наступивших последствий, в том числе достигнутых результатов. Прогрессивная система объективной стороны отбывания наказания заключается в поступательном изменении признаков, характеризующих внешнюю сторону отбывания уголовного наказания, в зависимости от поведения осужденного, поставленных целей и наступивших последствий (в том числе достигнутых результатов) [9].

На основании изложенного мы пришли к выводу о том, что наказания, не связанные с лишением свободы, имеют свой «режим» исполнения и отбывания, который направлен на достижение целей уголовно-исполнительного законодательства и который, по нашему мнению, может быть также организован по прогрессивной системе.

Позицию о том, что необходимо распространить действие прогрессивной системы на наказания, не связанные с лишением свободы, поддерживал в свое время О. И. Бажанов [10, с. 162–166]. Однако конкретных предложений в законодательство им сделано не было, а речь велась только о перспективе совершенствования данного законодательства. Как отмечал в советское время профессор А. Л. Ременсон, прогрессивную систему надо четко разработать и закрепить в законе [11, с. 96]. Эта позиция знаменитого ученого-пенитенциариста в полной мере применима и в отношении прогрессивной системы исполнения и отбывания наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, ее разработки и закрепления.

Проведем анализ норм уголовно-исполнительного законодательства о прогрессивной системе ис-

полнения и отбывания отдельных видов наказаний, не связанных с лишением свободы.

Исправительные работы. Отдельные предпосылки прогрессивной системы были предусмотрены в отношении такого наказания, не связанного с лишением свободы, как исправительные работы. Согласно ст. 41 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ), действовавшей до внесения в нее изменений Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 161-ФЗ, уголовно-исполнительные инспекции могли устанавливать для осужденных дополнительные ограничения и запреты, причем эта возможность связывалась и с поведением осужденного в период отбывания наказания. Отдельные авторы настаивают на том, чтобы вернуть данную правовую норму [12, с. 87].

Таким образом, сущность прогрессивной системы при исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы, будет заключаться в том, что в целях предупреждения совершения осужденным к исправительным работам нового преступления и обеспечения благоприятных условий его исправления суд и (или) уголовно-исполнительная инспекция вправе устанавливать осужденному дополнительные обязанности и запреты или отменять ранее установленные полностью или частично. Для этого предлагаем вернуть ст. 41 УИК РФ и изложить ее в прежней редакции.

Данное положение применимо в отношении осужденных к исправительным работам, а также состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции (например, обязанность уголовно-исполнительных инспекций при исполнении ограничения свободы вносить в суд представления об отмене частично либо о дополнении ранее установленных для осужденных ограничений, а также о замене осужденным, уклоняющимся от отбывания наказания, неотбытой части наказания в виде ограничения свободы наказанием в виде лишения свободы) [13, с. 26].

Принцип прогрессивной системы в отношении исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, реализуется также при определении осужденному к обязательным и исправительным работам, лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью периодичности явки в уголовно-исполнительную инспекцию.

Принудительные работы. Особо хотелось бы остановиться на прогрессивной системе исполнения наказания в виде принудительных работ, введенного в законодательство Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ. Принудительные работы относятся к наказаниям, в основе которых заключено ограничение личной свободы в сочета-

нии с трудовой обязанностью и материальными ограничениями. Принудительные работы по своему содержанию, характеру и объему правоограничений являются специальным видом ограничения свободы [14, с. 97].

Режим принудительных работ, являясь установленным порядком исполнения и отбывания наказания, включает в себя комплекс запретов и правовых обязанностей, возлагаемых на осужденного. Согласно ч. 2 ст. 60.4 УИК РФ к ним относятся: а) выполнение правил внутреннего распорядка исправительных центров; б) работа в местах, определенных администрацией исправительного центра; в) постоянное нахождение в пределах территории исправительного центра (за исключением случаев, предусмотренных УИК РФ), проживание, как правило, в специально предназначенных для осужденных общежитиях, запрет на их оставление в ночное и нерабочее время, выходные и праздничные дни без разрешения администрации исправительного центра; г) участие без оплаты труда в работах по благоустройству зданий и территории исправительного центра в порядке очередности в нерабочее время продолжительностью не более двух часов в неделю; д) постоянное наличие при осужденном документа установленного образца, удостоверяющего личность осужденного [14, с. 111].

Согласно ч. 6 ст. 60.4 УИК РФ осужденным к принудительным работам, не допускающим нарушений правил внутреннего распорядка исправительных центров и отбывшим не менее одной трети срока наказания, по их заявлению на основании постановления начальника исправительного центра разрешается проживание с семьей на арендованной или собственной жилой площади в пределах муниципального образования, на территории которого расположен исправительный центр. Указанные осужденные обязаны являться в исправительный центр для регистрации четыре раза в месяц. Дни регистрации устанавливаются постановлением начальника исправительного центра.

Данная правовая норма напоминает нам по своему содержанию две другие нормы, закрепленные:

а) в ч. 3 ст. 121 УИК РФ, в которой указано, что осужденным женщинам может быть разрешено проживание за пределами исправительной колонии совместно с семьей или детьми на арендованной или собственной жилой площади;

б) в п. «б» ч. 1 ст. 129 УИК РФ, устанавливающим, что осужденным, не допускающим нарушений установленного порядка отбывания наказания и имеющим семьи, по постановлению начальника колонии-поселения может быть разрешено прожи-

вание со своими семьями на арендованной или собственной жилой площади, находящейся в пределах колонии-поселения или муниципального образования, на территории которого расположена колония-поселение. Указанные осужденные обязаны являться для регистрации в колонию-поселение до четырех раз в месяц. Периодичность регистрации устанавливается постановлением начальника колонии-поселения.

Как видим, законодатель воспринял идеи прогрессивной системы о проживании осужденных за пределами исправительных учреждений общего режима и колоний-поселений и применил их в отношении исполнения наказания в виде принудительных работ, во-первых, разрешив осужденным к принудительным работам проживать за пределами исправительных центров, во-вторых, определив периодичность регистрации и должностное лицо, которое устанавливает периодичность данной регистрации.

Обязательные работы. Отдельные авторы предлагают собственную систему отбывания обязательных работ, которая предполагает разделение условий их отбывания на три вида: обычные, облегченные, строгие. В облегченных условиях осужденные к обязательным работам могут: а) частично реализовать свое право на отдых, обратившись в уголовно-исполнительную инспекцию с заявлением о возможности приостановить исполнение наказания в виде обязательных работ на срок от 5 до 10 дней в период предоставления осужденному очередного ежегодного отпуска по основному месту работы; б) работать на определяемых для них объектах, при этом время обязательных работ не может превышать 6 часов в выходные дни и дни, когда осужденный не занят на основной работе, службе или учебе [15, с. 116–118].

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы:

1) действующее уголовно-исполнительное законодательство закрепляет идеи прогрессивной системы исполнения и отбывания наказаний, не связанных с лишением свободы. Тем не менее необходима ее разработка и закрепление в общем виде. Распространение идей прогрессивной системы на исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы, по нашему мнению, весьма актуально в плане дальнейшего совершенствования уголовно-исполнительного законодательства. Эта проблема требует более подробного изучения и анализа;

2) в рамках разработки и закрепления прогрессивной системы отбывания и исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, необходимо для наказаний в виде исправительных или обязательных работ установить три вида условий: обычные, облегченные, строгие, на каждом из них – свой правовой режим для осужденных, который должен улучшаться в зависимости от поведения и перехода на новую ступень данных условий;

3) необходимо вернуть в УИК РФ статью 41, изложив ее в следующей редакции:

«В целях предупреждения совершения осужденным к исправительным работам нового преступления и обеспечения благоприятных условий его исправления суд и (или) уголовно-исполнительная инспекция вправе устанавливать осужденному дополнительные обязанности и запреты или отменять ранее установленные полностью или частично.»

Данную законодательную конструкцию следует применять в отношении всех осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях.

Список литературы

1. Аванесов Г. А. Изменение условий содержания осужденных в процессе отбывания лишения свободы. Прогрессивная система : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. 16 с.
2. Ткачевский Ю. М. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М., 1997.
3. Ткачевский Ю. М. Проблемы совершенствования прогрессивной системы исполнения уголовного наказания // Вестник МГУ. 1981. № 6. С. 45–54.
4. Рожков С. А. Некоторые проблемы правового регулирования применения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества // Вестник Пермского ун-та. 2009. № 3. С. 125–128.
5. Монахова И. М. Назначение наказаний, не связанных с изоляцией общества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006. 24 с.
6. Тарленко К. Н. К вопросу о содержании наказания в виде обязательных работ // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. Томск, 2006. Ч. 9. С. 45–49.
7. Гладких В. И., Курчев В. С. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник. М., 2015. 614 с.
8. Ольховик Н. В. Непенитенциарный режим: понятие и содержание // Вестник Кузбасского института. 2011. № 1. С. 23–24.
9. Орлов В. Н. Применение и отбывание уголовного наказания : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 392 с.

10. Бажанов О. И. Прогрессивная система исполнения наказания. Минск, 1981.
11. Ременсон А. Л. Некоторые вопросы теории советского исправительно-трудового права // Советское государство и право. 1964. № 1. С. 93–99.
12. Ольховик Н. В., Прозументов Л. М. Рецидивная преступность осужденных и ее предупреждение. Томск, 2009. 159 с.
13. Ольховик Н. В. О содержании непенитенциарного режима // Человек: преступление и наказание. 2013. № 4. С. 25–28.
14. Буш В. В. Принудительные работы как вид наказания в уголовном праве России : дис. канд. ... юрид. наук. Краснодар, 2015. 201 с.
15. Яхшибекян Э. Н. Эффективность исполнения отбывания наказания в виде обязательных работ : монография. М., 2013.

DMITRY VLADIMIROVICH GORBAN',

phd in law, lecturer, organization and supervision regime in prisons department
(Kuzbass institute of the FPS of Russia),
e-mail: dimas8807@mail.ru

PROGRESSIVE SYSTEM OF EXECUTING AND SERVING THE SENTENCES NOT CONNECTED WITH DEPRIVATION OF LIBERTY

Annotation: one of the priorities of the modern penal policy being re-socialization of convicted persons, this tendency is fully consistent with the objectives of punishment. Indeed, in the process of executing certain types of criminal sanctions, either connected with isolation of a convicted person from society or not, there remains a complex problem of optimizing the correlation between the penal and correctional components of the punishment that requires further improvement of the mechanism of corrective treatment, strengthening of motivation for law-abiding behavior of convicts and their personal concern for the outcome of the re-socialization procedure. It is possible to achieve this result by gradual and comprehensive reforming of the legal and institutional framework of executing certain types of punishments. To solve this problem it is necessary to overcome inadequate interrelation and interdependence of various institutions in the normative regulation of the correctional process – or, to be exact, of re-socialization of convicts.

With regard to the custodial sanctions, the current penal legislation determines that conditions can be improved for the persons, who behave and do their job well after serving a certain part of their sentence in correctional facilities. It is the essence of modern progressive system of executing a custodial sentence to give the convicts the right for improving their conditions because of their good behavior and conscientious attitude to labor.

However, in the framework of reforming the penal system of the Russian Federation, the total number of persons sentenced to punishments not connected with isolation of the convict from society is expected to increase by 200 thousand by 2020. It is to be achieved through the use of restriction of liberty as well as due to the increase of the number of sanctions not connected with isolation from society, and a more frequent application of these sanctions by the courts. This requires a cautious approach to the study of the progressive system of executing and serving non-custodial punishments and determines its particular significance.

Structurally the article consists of two parts. In the first part, general theoretical statutes of the progressive system of executing and serving non-custodial punishments are dealt with from the point of view of penologists on the problems specified. In the second part of the article certain types of punishment not connected with deprivation of liberty and the rules of penal legislation, setting up a progressive system regarding these penalties are analyzed. At the end, conclusions are drawn aimed at improving the legislation in the field of developing and securing the progressive system of executing and serving the sentences not connected with deprivation of liberty.

Key words: progressive system, execution of sentences, serving a sentence, alternative sanctions, punishment not connected with deprivation of liberty, forced labor, correctional work, compulsory labor, the penal system, accommodation of convicts outside prison.

References

1. Avanesov G. A. *Izmenenie uslovij sodержaniya osuzhdennyh v processe otbyvaniya lisheniya svobody* Progressivnaja sistema. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Change of conditions of detention of prisoners in the course of imprisonment serving. Progressive system. Cand. legal sci. diss. abstract]. Moscow, 1966. 16 p.

2. Tkachevskij Ju. M. Progressivnaja sistema ispolnenija ugovolnyh nakazanij [Progressive system of execution of criminal penalties]. Moscow, 1997.
3. Tkachevskij Ju. M. Problemy sovershenstvovaniya progressivnoj sistemy ispolnenija ugovolnogo nakazaniya [Problems of improvement of progressive system of execution of criminal penalty]. Vestnik MGU – Bulletin of MSU, 1981, no. 6, pp. 45–54.
4. Rozhkov S. A. Nekotorye problemy pravovogo regulirovaniya primenenija nakazanij, ne svjazannyh s izoljaciej osuzhdjonnogo ot obshhestva [Some problems of legal regulation of application of the punishments which aren't connected with isolation condemned from society]. Vestnik permskogo universiteta – Bulletin of the Perm university, 2009, no 3, pp. 125–128.
5. Monahova I. M. Naznachenie nakazanij, ne svjazannyh s izoljaciej obshhestva. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Purpose of the punishments which aren't connected with isolation of society. Cand. legal sci. diss. abstract]. Ryazan, 2006. 24 p.
6. Tarlenko K. N. K voprosu o sodержanii nakazaniya v vide objazatel'nyh rabot [To a question of the content of punishment in the form of obligatory works]. Pravovye problemy ukrepleniya rossijskoj gosudarstvennosti [Legal problems of strengthening of the Russian statehood]. Tomsk, 2006, part 9, pp. 45–49.
7. Gladkih V. I., Kurcheev V. S. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshhaja i Osobennaja chaste [Criminal law of Russia. The general and Special speak rapidly]. Moscow, 2015. 614 p.
8. Ol'hovik N. V. Nepenitencijarnyj rezhim: ponjatje i sodержanie [Not penitentiary mode: concept and contents]. Vestnik Kuzbasskogo institute – Bulletin of the Kuzbass institute, 2011, no 1, pp. 23–24.
9. Orlov V. N. Primenenie i otbyvanie ugovolnogo nakazaniya. Dis. d-ra jurid. nauk [Application and serving of criminal penalty. Dr. legal sci. diss.]. Moscow, 2015. 392 p.
10. Bazhanov O. I. Progressivnaja sistema ispolnenija nakazaniya [Progressive system of an execution of the punishment]. Minsk, 1981.
11. Remenson A. L. Nekotorye voprosy teorii sovetskogo ispravitel'no-trudovogo prava [Some questions of the theory of the Soviet corrective-labor right]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet state and law. 1964, no 1, pp. 93–99.
12. Ol'hovik N. V., Prozumentov L. M. Recidivnaja prestupnost' osuzhdennyh i ee preduprezhdenie [Recurrent crime condemned and its prevention]. Tomsk, 2009. 159 p.
13. Ol'hovik N. V. O sodержanii nepenitencijarnogo rezhima [About the maintenance of not penitentiary mode]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2013, no. 4, pp. 25–28.
14. Bush V. V. Prinuditel'nye raboty kak vid nakazaniya v ugovolnom prave Rossii. Dis. kand. jurid. nauk [Forced labor as a type of punishment in criminal law of Russia. Cand. legal sci. diss.]. Krasnodar, 2015. 201 p.
15. Jahshibekjan Je. N. Jeffektivnost' ispolnenija, otbyvanija nakazaniya v vide objazatel'nyh rabot [Effektivnost of execution, servings of punishment in the form of obligatory works]. Moscow, 2013.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ФАКТОРЫ ПОЯВЛЕНИЯ, НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Реферат: объектом исследования являются отдельные проблемы назначения и исполнения в Российской Федерации уголовного наказания в виде обязательных работ, предметом – осужденные, а также учреждения, исполняющие данное уголовное наказание. Наказание в виде обязательных работ пришло в отечественную правовую систему из зарубежных стран, где оно известно как общественные работы. Как показывает судебная статистика, обязательные работы являются достаточно распространенным наказанием, их удельный вес в структуре уголовных наказаний на протяжении многих лет колеблется в пределах 7–11 %. Карательное содержание наказания выражается в обязательности и безвозмездности общественно полезных работ осужденного. Наиболее существенными проблемами при исполнении данного уголовного наказания являются следующие: проблема контроля за осужденными; возможная замена обязательных работ в случае злостного уклонения осужденного от отбывания наказания другим наказанием с учетом небольшого возможного срока лишения свободы. В целом обязательные работы как вид уголовного наказания достаточно эффективны и требуют дальнейшего развития и внедрения в судебную практику.

Ключевые слова: обязательные работы, учреждения, исполняющие уголовные наказания, контроль за осужденными к обязательным работам.

Для Российской Федерации уголовное наказание в виде обязательных работ является относительно новым. Вместе с тем нельзя сказать, что история уголовных наказаний России не знала подобного наказания. С конца XIX – начала XX века в уголовном законодательстве России существовало наказание, не связанное с изоляцией от общества, в виде общественных работ.

Наказание в виде обязательных работ пришло в отечественную правовую систему из зарубежных стран, где оно известно как общественные работы. Впервые общественные работы (communityservice) были введены в Уголовный кодекс Швейцарии в 1971 г. и применялись только в отношении несовершеннолетних правонарушителей в возрасте от 7 до 18 лет. Впоследствии общественные работы в Швейцарии стали назначаться в качестве основного наказания несовершеннолетним, а как дополнительное – взрослым в некоторых кантонах страны. Таким образом, Швейцария стала первым западноевропейским государством, признавшим общественные работы в качестве основного вида наказания.

В своем нынешнем виде общественные работы были впервые применены в Англии и Уэльсе в

1971 г. В последние два десятилетия XX века общественные работы получили широкое распространение, причем примечателен тот факт, что их законодательному закреплению и практическому применению предшествовали серьезные эксперименты, в частности, в Финляндии, Швеции, Бельгии, Венгрии, Зимбабве и др.

В настоящее время общественные работы применяются в Швейцарии, Англии и Уэльсе, Дании, ФРГ, Франции, Германии, Израиле, Италии, Люксембурге, Нидерландах, Северной Ирландии, Финляндии, Португалии, Шотландии, Чехии, Канаде, США и др. [1, с. 168].

Помимо влияния зарубежного опыта, а также международных стандартов, ключевым фактором введения обязательных работ в российскую систему уголовных наказаний является экономическая составляющая, так как огромное количество осужденных к лишению свободы – непосильная ноша для бюджета государства.

Обязательные работы в Российской Федерации появились вместе с принятием Уголовного кодекса РФ в 1996 г. Однако до 2005 г. данное наказание не назначалось и, следовательно, не исполнялось. Связано это было с несколькими причинами, в

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ – ИСПРАВЛЕНИЕ

первую очередь с отсутствием механизма исполнения этого наказания. Федеральным законом от 28 декабря 2004 г. № 177-ФЗ «О введении в действие положений Уголовного кодекса РФ и Уголовно-исполнительного кодекса РФ о наказании в виде обязательных работ» в Российской Федерации было введено в действие уголовное наказание в виде обязательных работ.

По данным ФСИН России, удельный вес осужденных к наказанию в виде обязательных работ по отношению ко всем осужденным, прошедшим по учетам УИИ, постоянно увеличивался и в 2012 г. достиг максимума – 11,26 %. С 2012 г. наблюдается тенденция к стабилизации количества таких осужденных. Так, в 2012 г. их удельный вес составил 10,8 %, а в 2013 г. – 10,55 %.

Удельный вес осужденных к наказанию в виде обязательных работ от общего количества лиц, прошедших по учетам УИИ

Год	Общее количество лиц, прошедших по учетам УИИ	Количество осужденных к обязательным работам	Удельный вес, %
2008	1 124 350	64 167	5,70
2009	1 091 149	79 277	7,27
2010	1 052 492	96 483	9,11
2011	999 229	112 522	11,26
2012	955 285	103 252	10,80
2013	947 656	100 006	10,55
2014	926 371	98 411	10,62
2015	853 531	94 946	11,12

Прекращение количественного роста в 2012–2013 гг. данной категории осужденных, на наш взгляд, связано с увеличением удельного веса осужденных к исправительным работам. После принятия Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» исправительные работы стали назначаться осужденным,

как имеющим основное место работы, так не имеющим его. Если до 2011 г. удельный вес осужденных к наказанию в виде исправительных работ по отношению ко всем осужденным, прошедшим по учетам УИИ, находился примерно на одном уровне и колебался в пределах 7,1–7,6 %, то с 2012 г. наблюдается тенденция к ежегодному увеличению количества таких осужденных. Так, в 2012 г. их удельный вес составил 10,8 %, а в 2013 г. – 14,1 %.

Удельный вес осужденных к наказанию в виде обязательных работ от общего количества лиц, осужденных к уголовным наказаниям

Год	Общее количество лиц, осужденных к уголовным наказаниям	Количество осужденных к обязательным работам	Удельный вес, %
2008	925 166	49 317	5,3
2009	892 360	19 628	2,2
2010	845 071	79 874	9,5
2011	782 274	89 881	11,5
2012	739 278	76 560	10,4
2013	735 605	73 212	10
2014	719 305	69 898	9,7
2015 (1-е полугодие)	348 613	26 787	7,7

Если в 2005 г., когда обязательные работы только были введены в действие, доля осужденных к данному наказанию составляла 1,5 %, то в 2010 г. – уже 9,5 %, то есть практически каждый десятый человек был осужден именно к обязательным работам [2, с. 265–266].

Профессор В. А. Уткин отмечает: «Главным резервом сокращения реального лишения свободы, помимо условного осуждения, постепенно, но

весьма стабильно становятся обязательные работы (5,6 % в 2008 г., 10–11 % в 2011–2012 гг.), и это обстоятельство требует особого внимания к их исполнению» [3, с. 10].

Карательное содержание наказания определяется ст. 49 УК РФ и выражается в обязательности и бесплатности труда осужденного. Заметно значительное сходство обязательных работ и исправи-

тельных работ: отсутствие изоляции осужденного от общества, обязательность труда в период отбывания наказания, материальные потери, исполнение наказания одним и тем же органом, назначение наказания только как основного. До принятия Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ исправительные работы назначались осужденному, не имеющему основного места работы. Судебная практика, как правило, складывалась следующим образом: если осужденный не имел основной работы, то ему назначались исправительные работы, если он был трудоустроен – обязательные работы. После внесения изменений в ч. 1 ст. 50 УК РФ Федеральным законом № 420-ФЗ исправительные работы назначаются как осужденному, имеющему основное место работы, так и не имеющему его. Таким образом, в настоящее время различие между обязательными работами и исправительными работами заключается в том, что при исправительных работах осужденный работает полный рабочий день и у него производятся удержания из заработной платы в доход государства в размере от 5 до 20 %, а обязательные работы выполняются в свободное от основной работы или учебы время и не оплачиваются.

В соответствии с уголовным законодательством (ч. 4 ст. 49 УК РФ) обязательные работы не могут быть назначены:

- лицам, признанным инвалидами первой группы;
- беременным женщинам;
- женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет;
- военнослужащим, проходящим военную службу по призыву;
- военнослужащим, проходящим военную службу по контракту на воинских должностях рядового и сержантского состава, если они на момент вынесения судом приговора не отслужили установленного законом срока службы по призыву.

Кроме того, как указано в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания», при назначении обязательных работ судам следует выяснять трудоспособность такого лица, наличие или отсутствие у него основного места работы, место постоянного жительства, а также другие свидетельствующие о возможности исполнения этих видов наказаний обстоятельства.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает возможность предоставления отсрочки лицам, осужденным к обязательным работам. В соответствии со ст. 398 УПК РФ исполнение приговора об осуждении лица к обязательным работам может быть отсрочено судом на

определенный срок при наличии одного из следующих оснований:

- 1) болезнь осужденного, препятствующая отбыванию наказания, – до его выздоровления;
- 2) беременность осужденной или наличие у нее малолетних детей, наличие у осужденного, являющегося единственным родителем, малолетних детей – до достижения младшим ребенком возраста четырнадцати лет;
- 3) тяжкие последствия или угроза их возникновения для осужденного или его близких родственников, вызванные пожаром или иным стихийным бедствием, тяжелой болезнью или смертью единственного трудоспособного члена семьи, другими исключительными обстоятельствами, – на срок, установленный судом, но не более 6 месяцев.

В соответствии со ст. 49 УК РФ обязательные работы назначаются на срок от 60 до 480 часов. На основании ст. 88 УК РФ несовершеннолетним обязательные работы назначаются на срок от 40 до 160 часов.

Уголовно-исполнительное законодательство достаточно четко регламентирует время обязательных работ, которое не может превышать 4 часов в выходные и дни, когда осужденный не занят на основной работе, службе или учебе, в рабочие – 2 часов после окончания работы, службы или учебы, а с согласия осужденного – 4 часов. Время обязательных работ в течение недели, как правило, не может быть менее 12 часов.

Например, осужденный имеет основную работу, на которой он трудится 5 дней в неделю. Получается, ему можно отработать 5 дней в неделю по 2 часа, то есть 10 часов, и один день в выходной – еще 2 часа, всего 12 часов. Если осужденный согласен, то он может отработать 3 дня в неделю по 4 часа. Допустимы и другие варианты в зависимости от возможностей организации, в которой отбывается наказание, занятости осужденного на основной работе или учебе, а также его желания.

Продолжительность исполнения обязательных работ осужденным в возрасте от четырнадцати до пятнадцати лет не может превышать 2 часов в день, а в возрасте от пятнадцати до шестнадцати лет – 3 часов в день. К сожалению, законодатель не обозначил количество часов, которые необходимо отработать несовершеннолетним в неделю, получается, что правило, согласно которому осужденному можно отработать всего 12 часов, помимо взрослых, распространяется и на несовершеннолетних.

Проблема контроля за осужденными к обязательным работам является достаточно существенной при исполнении данного наказания. Возникает необходимость закрепления за осужденным лица,

контролирующего выполнение обязательных работ и ведущего табель учета рабочего времени. Осужденный к обязательным работам может отбывать наказание только после окончания рабочего дня по основному месту работы, то есть тогда, когда рабочий день у лица, закрепленного контролировать работу осужденного, фактически завершен. Естественно, возникает вопрос: «На каком основании человек в нерабочее время должен осуществлять контроль за осужденным?».

Существует несколько вариантов решения этой проблемы. Наиболее оптимальный, на наш взгляд, – выделение дополнительной ставки в организации для человека, который непосредственно занимался бы контролем за выполнением общественно полезных работ. Однако это вызовет неодобрение на предприятиях, поскольку связано с дополнительными расходами. Допустимо определять фронт работ для осужденного, выполнение которого можно проконтролировать, например, на следующий день. Эффективны разработки и законодательное закрепление системы поощрений (в виде предоставления отгула либо в форме материального стимулирования) лиц, обязанных контролировать выполнение общественно полезных работ.

Еще одной проблемой при исполнении данного наказания является возможная замена обязательных работ в случае злостного уклонения осужденного от отбывания наказания другим наказанием. В соответствии с ч. 3 ст. 49 УК РФ обязательные работы заменяются принудительными работами или лишением свободы.

Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» ввел новое наказание – принудительные работы. Однако реализация данного Закона, которым было предусмотрено введение с 1 января 2013 г. (а затем и с 1 января 2017 г.) уголовного наказания в виде принудительных работ, на настоящий момент не осуществлена. Следовательно, обязательные работы реально могут быть заменены только лишением свободы.

Одним из наиболее важных факторов, стимулирующих осужденного к добросовестному ис-

полнению наказаний, не связанных с изоляцией от общества, является угроза замены такого наказания другим, более тяжким. Однако в соответствии с УК РФ максимальный срок лишения свободы при замене обязательных работ в случае злостного уклонения не превысит двух месяцев и то лишь в том случае, если осужденному назначили 480 часов и он не отбыл ни одного из них. Для многих осужденных такая угроза вряд ли будет существенной. Замена обязательных работ на лишение свободы, на наш взгляд, будет более эффективна при соотношении: 4 часа обязательных работ за 1 день лишения свободы. Кроме того, в качестве еще одного варианта повышения эффективности обязательных работ можно рассматривать увеличение максимального количества часов для данного наказания (например, до 600 часов).

Профессор В. А. Уткин предлагает еще более жесткие меры:

– увеличить максимальный срок обязательных работ до тысячи часов, что сделает это наказание более строгим и поэтому более конкурентоспособным по отношению к реальному лишению свободы, а в конечном итоге будет способствовать сокращению применения последнего;

– перейти к штрафной замене обязательных работ лишением свободы при злостном уклонении осужденного от их отбывания из расчета один день лишения свободы за один час неотбытых обязательных работ [3, с. 32].

Одним из критериев эффективности наказания, не связанных с изоляцией осужденного от общества, является процент их замены на более строгий вид наказания. По этому параметру обязательные работы весьма перспективны. Например, в 2011 г. численность осужденных к обязательным работам, которым наказание было заменено на более строгий вид, составила 10 046, или 8,92 %. Для сравнения доля осужденных к исправительным работам по аналогичному показателю составила 24,41 %.

Таким образом, в настоящее время обязательные работы как вид уголовного наказания достаточно эффективны и требуют дальнейшего развития и внедрения в судебную практику.

Список литературы

1. Хуторская Н. Б. Опыт применения общественных (обязательных) работ за рубежом // Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации : материалы Междунар. конф. М., 2001. С. 18–24.
2. Непомнящая Т. В. Мера уголовного наказания: проблемы теории и практики : монография. М., 2012. 384 с.
3. Уткин В. А. Альтернативные санкции в России: состояние, проблемы и перспективы. М., 2013. 66 с.

FEDOR VLADIMIROVICH GRUSHIN,

phd in law,
doctoral student, training of the research and pedagogical personnel department,
e-mail: fedor062@yandex.ru;

OLGA VLADIMIROVNA BOJARCHENKOVA,

senior editor of editorial office of magazines of publishing department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: olga-boyar@bk.ru

**OBLIGATORY WORKS IN THE RUSSIAN FEDERATION:
EMERGENCE FACTORS, SOME PROBLEMS AND WAYS OF THEIR DECISION**

Annotation: the object of the research is a separate problem of appointment and execution of criminal punishment in the form of obligatory works in the Russian Federation. The subject of the research is convicted persons and also institutions executing this criminal punishment. This punishment originated in Russian legal system from foreign countries where it is known as community service. As the judicial statistics shows, obligatory works are rather widespread, their specific weight in structure of criminal penalties for many years fluctuates within 7–11 %. The retaliatory content of punishment is expressed in obligation and gratuitousness of community service of the convicts. The most vital problems of execution of this criminal penalty are the following: the problem of control of the convicted persons; possible replacement of obligatory works in case of malicious evasion of the convicts punishment from serving by other punishment taking into account the short possible term of imprisonment. In general obligatory works as a type of criminal penalty are rather effective and demand further development and introduction in jurisprudence.

Key words: obligatory works, institutions executing criminal penalties, control of convicts to obligatory works.

References

1. Hutorskaja N. B. Opyt primeneniya obshhestvennyh (objazatel'nyh) rabot za rubezhom [Experience of application of public (compulsory) work abroad]. Materialy Mezhdunarodnoj konferencii «Al'ternativy tjuremnomu zakljucheniju v Rossijskoj Federacii» [Proc. the International conference «Alternatives to imprisonment in the Russian Federation»]. Moscow, 2001, pp. 18–24.
2. Nepomnjashhaja T. V. Mera ugolovnogo nakazaniya: problemy teorii i praktiki [The measure of criminal punishment: problems of theory and practice]. Moscow, 2012. 384 p.
3. Utkin V. A. Al'ternativnye sankcii v Rossii: sostojanie, problemy i perspektivy [Alternative sanctions in Russia: status, problems and prospects]. Moscow, 2013. 66 p.

АЛЕКСЕЙ ИГОРЕВИЧ ДРОЗДОВ,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права,
e-mail: drozdovalekse@yandex.ru;
АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ ОРЛОВ,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
(Самарский юридический институт ФСИН России),
e-mail: avorlov7@rambler.ru

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

Реферат: в статье рассмотрены существующие проблемные вопросы законодательной регламентации и практики применения института условно-досрочного освобождения (УДО) от наказания в виде лишения свободы и перспектив его совершенствования; проведен анализ новой формулировки уголовного закона о закреплении в ст. 79 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) материальных критериев оценки степени исправления осужденных к лишению свободы по комплексу социально значимых требований, необходимых для положительного решения вопроса об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания. Данные законодательные изменения в целом имеют положительную динамику, в том числе в вопросах возмещения по гражданскому иску, однако необходимо установление четких критериев расчета возмещения причиненного ущерба, назначенного судом. В вопросах условно-досрочного освобождения осужденных коррупционные факторы можно нейтрализовать, лишь максимально увеличив общественный контроль за принятыми решениями.

Ключевые слова: осужденные, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, лишение свободы, исправительное учреждение, следственный изолятор.

Институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания остается одним из наиболее активно применяемых институтов уголовного и уголовно-исполнительного права. Его значимость в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы невозможно переоценить, что лишним раз подтверждается повышенным вниманием к нему законодателя и большим количеством публикаций научных и практических работников по данной тематике.

В статье продолжено начатое нами исследование наиболее важных вопросов применения института УДО и перспектив его совершенствования в России, и более подробно мы остановимся на вопросе освобождения от отбывания наказания. Прежде всего проанализируем проблемные вопросы, возникшие в связи с внесением изменений в ст. 79 УК РФ и принятием Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 104-ФЗ.

В соответствии с новой редакцией ч. 4.1 ст. 79 УК РФ при рассмотрении ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания суд учитывает поведение осужденного, его отношение к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания, в том числе имеющиеся поощрения и взыскания, отношение

осужденного к совершенному деянию и то, что осужденный частично или полностью возместил причиненный ущерб или иным образом загладил вред, причиненный в результате преступления, а также заключение администрации исправительного учреждения о целесообразности его условно-досрочного освобождения. В ч. 1 ст. 79 УК РФ до этого уже были внесены изменения о том, что для положительного решения вопроса об УДО требуется возмещение вреда (полностью или частично), причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда. Эти изменения законодательного оформления материальных критериев, необходимых для принятия судом решения об УДО, являются более конкретными и согласованными со ст. 175 УИК РФ, в которой регламентирован порядок обращения с ходатайством об освобождении от отбывания наказания. Однако новая формулировка уголовного закона породила появление у правоприменительных органов целого ряда вполне резонных вопросов.

Во-первых, какую часть причиненного преступлением ущерба должен возместить осужденный, чтобы его правомерное поведение было учтено судом при решении вопроса об условно-досрочном освобожде-

нии? Можно ли считать частичным возмещением ущерба внесение осужденным суммы, значительно меньшей общего размера причиненного вреда?

Во-вторых, у многих практиков, сталкивающихся с вопросами УДО, возникает закономерный вопрос о справедливости введения такого условия для получения освобождения от наказания, которое, по сути, существенно затрудняет возможность освобождения для огромной группы осужденных за преступления экономической направленности.

Депутаты Государственной Думы, а также целый ряд правозащитников в период обсуждения законопроекта отмечали несбалансированность такой формулировки, которая «фактически привязывает институт УДО к выкупу». Если заключенный исправно работал и выплачивал ущерб, но погасил лишь 10 % иска, суд может отказать в условно-досрочном освобождении. Если человек кого-то покалечил, а за него родственники выплатили сумму иска – его освободят [1].

В-третьих, насколько реально для осужденного возместить причиненный преступлением ущерб (хотя бы даже частично), если во многих исправительных учреждениях отсутствуют необходимые условия для трудоустройства, а трудоустроенные осужденные получают настолько незначительные суммы, что говорить о каком-нибудь существенном возмещении ущерба за счет собственных средств до освобождения вообще не приходится?

В п. 7 постановления Пленума Верховного Совета Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» указано, что в тех случаях, когда вред, причиненный преступлением (материальный ущерб и моральный вред), по гражданскому иску не возмещен в силу таких объективных причин, как инвалидность осужденного или наличие у него заболеваний, препятствующих трудоустройству, невозможность трудоустройства из-за ограниченного количества рабочих мест в колонии и т. д., суд не вправе отказать в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания только на этом основании.

В то же время установленные факты умышленного уклонения заключенного от выплаты компенсации (сокрытие имущества, доходов, уклонение

от работы и т. д.) вместе с другими обстоятельствами могут служить препятствием к УДО.

По данным ФСИН России, за 2014 г. на оплачиваемых работах было трудоустроено свыше 213 тыс. осужденных (в 2013 г. – 212 тыс. чел.). Выход осужденных на оплачиваемые работы составил 40 % их среднесписочной численности (в 2013 г. – 37 %).

Среднедневная заработная плата работающих осужденных в сравнении с 2013 г. выросла на 11,6 %, с 195,5 до 218,6 рубля. Отмечается и положительная динамика погашения осужденными исковых требований по исполнительным листам. Были трудоустроены и погасили иски 84,5 тыс. человек, или 51,3 % общей численности лиц данной категории (2013 г. – 46,2 %) [2].

Введение законодателем условия досрочного освобождения лишь при наличии положительной динамики в вопросах возмещения по гражданскому иску представляется нам шагом в правильном направлении.

Вместе с тем использование термина «частичное возмещение ущерба» без установления хотя бы самых общих критериев его расчета считается серьезным нарушением правил законодательной техники.

По нашему убеждению, такое недоопределенное положение закона должно быть конкретизировано хотя бы на уровне разъяснений Пленума Верховного Суда РФ. В настоящее время в ряде регионов Российской Федерации (например, в Свердловской области) уже фактически сложилась практика толкования «частичного возмещения ущерба» как возмещения осужденным не менее половины размера причиненного вреда. В любом случае, как нам представляется, законодатель или высшие судебные органы должны определить свою позицию и дать более полное толкование названной выше нормы.

Данные судебной статистики об освобожденных от отбывания наказания в виде лишения свободы и применения УДО в Российской Федерации за период с 2012 по 2014 год [3] свидетельствуют об уменьшении как общего количества обращений осужденных к лишению свободы в суд с ходатайством об УДО, так и общего числа удовлетворенных ходатайств (табл. 1)

Таблица 1

Наименование показателя	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Численность осужденных, отбывающих наказание в ИУ	864 100	755 648	755 600	702 100	671 649
Количество освобожденных из ИУ	272 031	258 308	251 235	231 673	223 067
Количество освобожденных УДО из ИУ	113 376	107 101	89 907	65 237	66 302
Количество освобожденных по УДО от общего количества освобожденных, %	41,67	41,46	35,78	28,15	29,72

Статистические данные ФСИН России за период с 2010 по 2014 год подтверждают снижение численности заключенных, а также уменьшение за последние пять лет доли осужденных, освобожденных по УДО, на 12 % от общего количества освобожденных из исправительных учреждений (табл. 2) [4].

Данные тенденции вызваны не только ужесточением законодательства об УДО, сколько изменением качественного состава осужденных, то есть увеличением числа лиц, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, с различными формами рецидива преступлений и т. д.

Таблица 2

Наименование показателя	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Численность осужденных, отбывающих наказание в ИУ	864 100	755 648	755 600	702 100	671 649
Количество освобожденных из ИУ	272 031	258 308	251 235	231 673	223 067
Количество освобожденных УДО из ИУ	113 376	107 101	89 907	65 237	66 302
Количество освобожденных по УДО от общего количества освобожденных, %	41,67	41,46	35,78	28,15	29,72

Следующая проблема УДО от отбывания наказаний связана с неурегулированностью в уголовном и уголовно-исполнительном законах особенностей УДО лиц, длительное время содержащихся под стражей.

Действующее законодательство четко определяет, что исполнение уголовного наказания (начало отбывания наказания) достаточно жестко связывается со временем вступления приговора в законную силу (ст. 7 УИК РФ, ст. 390 УПК РФ и др.). В связи с этим возникают ситуации, когда еще до наступления указанного момента лицо уже фактически отбыло срок, дающий право на получение УДО. Например, при осуждении лица к 4 годам лишения свободы за совершение преступления средней тяжести осужденный, содержащийся под стражей, из-за длительности рассмотрения дела в судах первой и апелляционной инстанций к моменту вступления приговора в законную силу вполне может уже фактически отбыть более 2 лет из назначенного наказания, что дает ему формальное основание рассчитывать на УДО. В таких ситуациях получить возможность условно-досрочного освобождения крайне затруднительно в силу следующих причин.

Во-первых, содержание под стражей не подразумевает ни проведения воспитательной работы с указанными выше лицами, ни вовлечения их в культурную и общественную жизнь, что делает практически невозможным выявление отношения осужденного к совершенному деянию, являющегося одним из условий предоставления УДО в соответствии со ст. 79 УК РФ. Во-вторых, в этих условиях администрация исправительной колонии, в которую только что поступил такой осужденный, не в состоянии сделать вывод о том, заслуживает ли он условно-досрочного освобождения, встал ли на путь исправления, а потому не может дать объективного заключения о целесообразности его УДО.

Таким образом, осужденным, совершившим преступления малой и средней степени тяжести, УДО получить не просто, формулировка – недостаточно изучен за отсиженный срок [5].

Решение проблемы видится в изменении критериев предоставления условно-досрочного освобождения для таких категорий осужденных. Целесообразно, на наш взгляд, предусмотреть для них возможность получения УДО при наличии, например, положительного заключения администрации СИЗО, а условие о полном или частичном возмещении причиненного преступлением ущерба рассматривать как основание возможной отмены УДО, если после освобождения такой осужденный не предпринимает необходимых мер в данном направлении.

В завершение остановимся на вопросе повышения объективности принятия решений по предоставлению или отказу в предоставлении УДО.

Сомнения в объективности решений суда по вопросам условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в последнее время возникают не только у далеких от правовых проблем лиц, но и у профессиональных юристов. Не прошло и нескольких месяцев с того момента, когда УДО было предоставлено известной на всю страну фигурантке громкого уголовного дела «Оборонсервиса» Е. Васильевой. В сети Интернет было много комментариев по этому поводу, в которых выражалось всеобщее недоумение принятыми судебными решениями. Например, Уполномоченный по правам человека в России Э. Памфилова очень резко раскритиковала решение суда во Владимирской области об условно-досрочном освобождении Е. Васильевой, назвала постановление судьи шокирующим, пообещав обратиться к Президенту России с просьбой инициировать проверку по делу «Оборонсервиса». На своем сайте омбудсмен указала, что данное решение суда свидетельствует о разде-

лении следствия и судопроизводства в России на два уровня – элитное и для всего остального народа. Это бьет по авторитету судебно-правоохранительной системы и подрывает у граждан страны веру в справедливость [6]. «Опыт работы по данному направлению позволяет сделать вывод о бездушности, неповоротливости, забюрократизированности, избирательности и наличии определенной коррупционной составляющей при осуществлении процедуры УДО», – написала Э. Памфилова.

Коррупция при решении вопроса предоставления УДО поражает не только суды, но и сотрудников УИС, исполняющих уголовные наказания.

Предыдущий Уполномоченный по правам человека в РФ В. Лукин в одном из своих докладов приводил подтвержденные документально факты о том, что в колониях ряда регионов России поборы с осужденных для предоставления положительной характеристики в суд поставлены на поток. Так, в Копейской колонии Челябинской области помощь в решении вопроса об УДО стоила 40–60 тыс. рублей. По итогам проверки было возбуждено уголовное дело в отношении начальника Копейской

колонии № 6 Д. Миханова, которому предъявлено обвинение в превышении должностных полномочий по 10 эпизодам [7, с. 23–26].

В вопросах условно-досрочного освобождения осужденных коррупционные факторы можно нейтрализовать лишь одним способом – максимально увеличить общественный контроль за принятыми решениями с тем, чтобы ни суд, ни представители администрации ИУ не могли утаить свои интересы видимой законностью принимаемых решений. В связи с этим целесообразны предложения об обязательном участии в решении вопросов УДО представителей уполномоченных по правам человека в регионах, а также членов общественных наблюдательных комиссий с предоставлением им соответствующих контрольных полномочий.

Повышение объективности решений об УДО возможно добиться отдельными разрозненными действиями. Необходимо продумать и реализовать целый ряд мер законодательного и организационного характера, которые должны свести к минимуму произвольное толкование и применение норм об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания.

Список литературы

1. Теслова Е. Условно-досрочное освобождение привяжут к возмещению ущерба // Известия. 2013. 22 окт.
2. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности на 2015–2017 годы Федеральной службы исполнения наказаний. URL : <http://fsin.su/structure/inspector/iao/Doklad/> (дата обращения: 23.10.2015).
3. Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 29.10.2015).
4. Статистические данные. URL : <http://фсин.пф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 29.10.2015).
5. Трепашкин М. Как освободиться по УДО? // Российский тюремный журнал. URL : <http://www.zashita-zk.org/reference/8247E33/1260515255.html> (дата обращения: 18.10.2015).
6. Э. Памфилова назвала решение об освобождении Е. Васильевой шокирующим. URL : <http://www.fontanka.ru/2015/08/25/200> (дата обращения: 20.10.2015).
7. Барыгина А. А. Процессуальные проблемы применения института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Российская юстиция. 2014. № 2. С. 23–26.

ALEXEY IGOREVICH DROZDOV,

phd in law, associate professor, associate professor of the criminal and penal law department,
e-mail: drozdovalekse@yandex.ru;

ALEXEY VIKTOROVICH ORLOV,

phd in law, associate professor, associate professor of the criminal trial and criminalistics department
(Samara legal institute of the FPS of Russia),
e-mail: avorlov7@rambler.ru

PROBLEMS OF THE LEGISLATIVE REGULATION AND PRACTICE OF APPLICATION OF THE PAROLE

Annotation: the existing problematic issues of a legislative regulation and practice of application of institute of a conditional early release from punishment in the form of imprisonment and prospects of its improvement

are considered. The analysis of the fresh wording of the criminal law on fixing in article 79 of the Criminal code of the Russian Federation of material criteria of an assessment of extent of correction of socially significant requirements necessary for the positive solution of a question of a conditional early release condemned to imprisonment on a complex from punishment serving is carried out. Authors came to a conclusion that these legislative changes in general have positive dynamics, including in questions of compensation according to the civil suit, however consider that establishment of accurate criteria of calculation of compensation of the caused damage appointed by court is necessary. In questions of a conditional early release the condemned, corruption factors can be neutralized only as much as possible having increased public control over the made decisions.

Key words: convicts, parole, imprisonment, correctional institution, remand center.

References

1. Teslova E. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie privjazhut k vozmeshhe-niju ushherba [The conditional early release will be tied to compensation of damage]. *Izvestija – News*, 2013, 22 october.
2. Doklad o rezul'tatah i osnovnyh napravlenijah dejatel'nosti na 2015–2017 gody Federal'noj sluzhby ispolnenija nakazanij [The report on results and the main activities for 2015–2017 of Federal Penitentiary Service of Russia]. Available at : <http://fsin.su/structure/inspector/iao/Doklad> (Accessed 23 October 2015).
3. Statisticheskie dannye Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude RF [Statistical data of Judicial department at the Supreme Court of the Russian Federation]. Available at : <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (Accessed 29 October 2015).
4. Statisticheskie dannye [Statistical data]. Available at : <http://fsin.rf/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS> (Accessed 29 October 2015).
5. Trepashkin M. Kak osvobodit'sja po UDO? [How to be released on parole?]. *Rossijskij tjuremnyj zhurnal – Russian prison journal*. Available at : <http://www.zashita-zk.org/reference/8247E33/1260515255.html> (Accessed 18 October 2015).
6. Pamfilova nazvala reshenie ob osvobozhdenii Vasil'evoj shokirujushhim [Pamfilova called the decision on Vasil'eva's release shocking]. Available at : <http://www.fontanka.ru/2015/08/25/200> (Accessed 20 October 2015).
7. Barygina A. A. Processual'nye problemy primenenija instituta uslovno-dosrochnogo osvobozhdenija ot otbyvaniya nakazaniya [Procedural problems of application of institute of a conditional early release from punishment serving]. *Rossijskaja justicija – Russian justice*, 2014, no. 2, pp. 23–26.

СООТНОШЕНИЕ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ОСУЖДЕННЫХ

Реферат: объектом исследования является юридическая природа законных интересов осужденных к лишению свободы, а также их соотношение с субъективными правами лиц, отбывающих наказание.

В различных законодательных конструкциях практически всегда термины «права» и «законные интересы» употребляются вместе, хотя обозначают совершенно разные правовые явления.

В результате анализа правовой природы законных интересов осужденных обоснован вывод о необходимости их понимания и использования юридической техникой в качестве самостоятельного элемента правового статуса лиц, отбывающих наказания.

При реализации субъективных прав имеет место высокая степень личного усмотрения, обеспечиваемая соответствующими обязанностями и защитой. При воплощении законных интересов присутствует должностное усмотрение, в основе которого лежит оценка поведения осужденного на предмет его соответствия закрепленным в законе критериям. Кроме того, законные интересы и субъективные права рассматриваются сквозь призму юридических обязанностей. При этом юридическая обязанность в ряде случаев способствует реализации законных интересов, не атрибутивно противопоставляя им, как, например, субъективным правам, а устанавливая участникам правоотношений рамки должного поведения в силу своего предназначения.

В статье сформулированы основные признаки законных интересов осужденных к лишению свободы, отличающие их от субъективных прав. Законные интересы осужденных к лишению свободы, как правило, носят характер стремлений, направленных на пользование определенным благом и удовлетворение потребностей.

Во всех случаях возможность реализации и удовлетворения законных интересов зависит от оценки (усмотрения) администрацией исправительного учреждения и другими органами поведения осужденного на предмет его соответствия закрепленным в законе требованиям. В обязательном порядке учитывается отношение осужденного к основным средствам исправления, предусмотренным уголовно-исполнительным законодательством. Такая оценка носит произвольный характер, а рассматривается в качестве юридического факта. Следовательно, механизм оценки и отражение ее результатов осуществляются в рамках установленной нормами права процедуры.

Ключевые слова: правовое положение, осужденный, субъективное право, законный интерес, усмотрение, оценка поведения осужденных, исправление, исправительное учреждение.

Субъективные права и законные интересы как элементы правового положения осужденных, несмотря на свои общие и отличительные черты, употребляются законодателем, как правило, в едином контексте. Подтверждением такого тезиса являются нормы действующего законодательства Республики Беларусь. Так, ст. 2 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (УИК РБ) к числу основных задач уголовно-исполнительного законодательства относит защиту прав и законных интересов осужденных. В ст. 8 УИК РБ, определяющей основы правового положения осужденных, говорится, что государство гарантирует защиту прав, свобод и законных интересов осужденных, обеспечивает установленные законом условия применения нака-

зания и иных мер уголовной ответственности в отношении осужденных, гарантии социальной справедливости, их социальную, правовую и иную защищенность. В дополнение к этому согласно ч. 1 ст. 73 УИК РБ одним из требований режима является реализация прав и законных интересов осужденных. Вместе с тем ни в одной из указанных норм не сказано о том, что представляют собой законные интересы осужденных и как они соотносятся с их субъективными правами.

В различных законодательных конструкциях термины «права» и «законные интересы» практически всегда употребляются вместе, хотя и обозначают совершенно разные правовые явления. До настоящего времени единства мнений по вопросу соотношения этих понятий в правовой науке нет.

Еще в 1984 г. А. И. Экимов отмечал, что «по существу все советские юристы сходятся во мнении, что субъективные права отличны от законных интересов, но по-разному отвечают на вопрос, в чем заключается такое отличие» [1, с. 82]. Проведем анализ соотношения субъективных прав и законных интересов осужденных к лишению свободы, показав, с одной стороны, их общие черты, с другой – имеющиеся существенные различия.

На протяжении длительного периода в теории как уголовного, так и уголовно-исполнительного права не прекращается дискуссия о юридической природе законных интересов осужденных. При этом позиции ученых весьма разнообразны.

Так, В. В. Скибицкий указывал, что законные интересы не могут выступать самостоятельным элементом правового статуса осужденных, и относил их к субъективным правам [2, с. 148]. С. И. Зельдов предлагал рассматривать анализируемую категорию в качестве прав администрации или суда [3, с. 61]. Аналогичной точки зрения придерживался и А. С. Михлин [4, с. 25]. Заслуживает внимания и позиция М. Л. Добрыниной, которая отмечала, что законные интересы осужденных предшествуют правам и обязанностям независимо от того, находят ли они прямое закрепление в законодательстве или просто подлежат правовой защите, обеспечиваемой государством.

Приведенные точки зрения отрицают самостоятельный характер законных интересов, рассматривая их как содержание субъективного права (материальный аспект), которое реализуется путем закрепления в законе конкретных правомочий (формальный аспект), то есть законный интерес и субъективное право соотносятся как содержание и форма. Указанная дефиниция есть не что иное, как одна из разновидностей классического понимания субъективных прав, предложенная Г. Йеллинеком. Принятие за основу такого содержания законного интереса лишает его самостоятельного юридического значения.

По нашему мнению, недопустимо отказываться от рассматриваемой категории в структуре правового статуса осужденных к лишению свободы в силу следующих обстоятельств.

Во-первых, как отметил В. Н. Орлов, справедливо вызывают сомнения утверждения некоторых авторов о том, что в юриспруденции термин «законный интерес» не устоялся [5, с. 244]. Наоборот, он не только широко применяется в научной, учебной и иной юридической литературе, но и предусматривается в действующем законодательстве. Например, в ст. 22 Конституции Республики Беларусь указано, что все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную

защиту прав и законных интересов, и далее в ст. 55 содержится требование, согласно которому каждый обязан уважать достоинство, права, свободы, законные интересы других лиц. В качестве самостоятельного элемента правового положения личности законные интересы упоминаются в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, ст. 2, 8, 10, 71, 73, 108, 178 УИК РБ.

Во-вторых, А. Е. Наташев указывал на самостоятельный характер законных интересов в структуре правового положения осужденных. Поддерживая такой подход, А. И. Зубков предлагал их нормативно закрепить путем включения в систему основополагающих начал уголовно-исполнительного права принципа обеспечения прав и законных интересов осужденных [6, с. 14]. С учетом этого можно сделать вывод о том, что сфера дозволенного у осужденных намного шире, чем сфера действия их субъективных прав.

Исходя из анализа правовой природы законных интересов осужденных их вполне обоснованно можно рассматривать в качестве самостоятельного элемента правового статуса лиц, отбывающих наказания.

Анализируя содержательную сторону исследуемых понятий, полагаем верным констатировать, что рассматриваемые категории имеют между собой много общего. Это проявляется в следующих концептуальных положениях:

- 1) субъективное право и законный интерес имеют, в сущности, диспозитивный характер, так как являются выражением сферы дозволенного;
- 2) субъективное право и законный интерес осужденного к лишению свободы предполагают обеспечение собственных нужд, выступая своеобразным способом удовлетворения потребностей;
- 3) субъективные права и законные интересы являются весьма действенным способом управления и влияния на процесс исполнения наказания в виде лишения свободы, так как обеспечивают возможности осужденных взаимодействовать как с представителями администрации исправительного учреждения, иных государственных органов, так и с родственниками и иными лицами. Более того, реализация субъективных прав и законных интересов в определенной степени имеет педагогический оттенок, тем самым обеспечивается воздействие на личность осужденного с целью возвращения его в общество с устойчивой мотивацией на правопослушное поведение после освобождения. Наделяя одних лиц правами (других – конкретными обязанностями) либо содействуя реализации существующих законных интересов, механизм правового регулирования достигает поставленных целей, обеспечивая воплощение в жизнь наказания.

Воспитательное свойство прав и законных интересов осужденных является реализацией в правоприменительной практике таких принципов уголовно-исполнительного законодательства Республики Беларусь, как рациональное применение мер принуждения и средств исправления осужденных, стимулирование их правопослушного поведения;

4) во всех случаях источником рассматриваемых категорий выступает закон, так как и права, и законные интересы осужденных имеют место только тогда, когда они законодательно установлены, так как незакрепленные правомочия не могут быть реализованы в процессе отбывания наказания. В отличие от прав, соблюдение которых является прямой обязанностью государства, должностных лиц и граждан, законный интерес есть желание (стремление) осужденного воспользоваться значимыми для него благами, например, освободиться условно-досрочно или по помилованию, отбывать наказание по месту жительства, проживать в период отбывания наказания за пределами исправительного учреждения (ИУ). Это благо должно быть обязательно зафиксировано в законе. Если такой интерес не закреплен в нормативном правовом акте, то он не может рассматриваться как законный. Всегда необходимо иметь в виду, что государство в лице уполномоченных субъектов не обязано удовлетворять законный интерес во всех случаях. Так, для получения права выезда за пределы ИУ осужденный должен иметь положительную характеристику, отбыть определенную часть срока наказания и др. Однако даже при соблюдении всех формальных, установленных законом условий администрация ИУ или суд вправе не предоставлять осужденным желаемые ими блага, и такой подход не может расцениваться как нарушение закона. В этом заключается принципиальная разница между правом осужденного, которое всегда должно быть реализовано, и его законным интересом, осуществление которого необязательно даже при соблюдении определенных законом условий;

5) законные интересы и субъективные права взаимно дополняют друг друга и во многом зависят друг от друга. Законные интересы производны от уже существующих прав осужденных и практики их реализации. Так, осужденные имеют право на свидания, которое преобразуется в законный интерес на дополнительное свидание. Субъективные права в ряде случаев появляются в результате реализации законных интересов либо способствуют их надлежащему и эффективному исполнению. Примером может служить такой законный интерес осужденного, как перевод из исправительной колонии в исправительную колонию-поселение, так

как в результате его реализации появляется право хранить, пользоваться и распоряжаться личными деньгами самостоятельно;

6) как субъективное право, так и законный интерес пользуются признанием и защитой со стороны государства. Степень защищенности законных интересов и субъективных прав различна, однако изучаемые правовые феномены являются неотъемлемой составляющей механизма законодательного регулирования и правового статуса осужденных к лишению свободы;

7) в определенной степени обе исследуемые категории тесным образом сопряжены с юридическими обязанностями и ответственностью [7, с. 60]. Связь субъективных прав и юридических обязанностей более очевидна, так как законным интересам обязанности, как таковые, не противостоят, а имеет место должностное усмотрение. Известный тезис о том, что субъективное право не может не поддерживаться конкретной юридической обязанностью, а обязанность без корреспондирующего субъективного права – искусственно созданное понятие, затрагивает также сущность и природу законных интересов [8, с. 30]. Это проявляется в том, что юридическая обязанность в ряде случаев способствует реализации законных интересов, не атрибутивно противопоставляя им, как, например, субъективным правам, а устанавливая участникам правоотношений рамки должного поведения в силу своего предназначения. Такая позиция, по мнению А. В. Малько, позволяет, с одной стороны, реализовываться законному интересу ввиду его соответствия отдельным субъективным правам, принципам действующего права в целом, с другой – заранее учитывая определенные обстоятельства, предвидеть то, как поведет себя субъект в так называемых рамках должностования, предписанного ему юридическими обязанностями.

Таким образом, законный интерес открыто выражает стремление субъекта, а юридическая обязанность делает его возможным, реальным благодаря определяемым ею правилам поведения, рамкам должностования.

Как субъективные права, так и законные интересы по своей сущности и природе определяют меру возможного поведения (так, в ч. 11 ст. 10 УИК РБ прямо указано, что при осуществлении прав осужденных не должны нарушаться установленный в законе порядок и условия отбывания уголовного наказания, а также ущемляться гарантированные права и законные интересы иных лиц). Подобный вывод основывается на том, что в тексте нормы права между рассматриваемыми юридическими терминами стоит союз «и», который является соединительным, а значит, объединяет в

предложении понятия, близкие по своему смысловому значению.

В своем основании субъективное право и законный интерес имеют притязание на обладание определенным социальным благом. Однако М. Г. Смирнова предлагает эти категории рассматривать как различные формы правового опосредования социальных интересов и притязаний. Вне всяких сомнений, в отличие от субъективного права законный интерес выступает хоть и не основным, однако не менее значимым средством закрепления притязаний субъектов правоотношений. Если при этом субъективное право можно рассматривать в качестве признанной государством формы притязаний на определенное благо, то законный интерес, будучи закрепленным, но не гарантированным притязанием, ничем не хуже первого [9, с. 45].

Учитывая обозначенную точку зрения, можно аргументированно прийти к выводу о том, что потребности, лежащие в основе формирования притязаний осужденных, а также формы их удовлетворения делают права и законные интересы одновременно и взаимосвязанными, и взаимозависимыми. При этом указанная взаимозависимость не препятствует каждому из них в отдельности в полной мере осуществлять свои собственные функции, обеспечивая постоянное диалектическое взаимодействие друг с другом.

Следовательно, права и законные интересы осужденных представляют собой определенный способ правового обеспечения реализации их притязаний, лежащих в сфере дозволенного. При этом особенность законных интересов осужденных заключается в том, что возможность их реализации в большей степени зависит от признания их поведения правомерным, соответствующим определенным в законодательстве, хотя и не всегда ясным по истинному смыслу требованиям, чем в случае использования субъективных прав.

С формальной стороны законные интересы осужденных к лишению свободы, как и субъективные права, характеризуются их обязательным закреплением в нормативных правовых актах в виде конкретной юридической нормы. Как правило, они фиксируются в качестве дозволений осужденному на получение возможности реализации своих притязаний. Администрация ИУ и иные уполномоченные законодательством органы в обя-

зательном порядке оценивают факты, имеющие юридическое значение, и принимают соответствующие решения.

Необходимо отметить, что основной сущностный момент, отражающий отличительную особенность законных интересов по сравнению с субъективными правами, проявляется в их правовой природе. По своей сущности законные интересы осужденных обладают качеством конкретной правовой возможности, закрепленной в законодательстве, но корреспондирующей ей обязанности администрации по ее реализации нет. Они не имеют твердых юридических гарантий, опираясь на которые можно было бы отстаивать последние во всех случаях, у них слабее материальная база, не позволяющая обеспечить полное удовлетворение. Следовательно, такая возможность носит характер стремления, притязания. В случае с субъективными правами их реализация обеспечена путем закрепления соответствующей обязанности администрации уполномоченных должностных лиц.

Учитывая изложенное, можно сформулировать основные признаки законных интересов осужденных к лишению свободы, отличающие их от субъективных прав.

1. Законные интересы осужденных к лишению свободы, как правило, носят характер стремлений, направленных на пользование определенным благом и удовлетворение потребностей.

2. Во всех без исключения случаях возможность реализации и удовлетворения законных интересов зависит от оценки (усмотрения) администрацией ИУ и другими органами поведения осужденного на предмет его соответствия закрепленным в законе требованиям. В обязательном порядке учитывается отношение осужденного к основным средствам исправления, предусмотренным уголовно-исполнительным законодательством. Такая оценка носит непровольный характер, а рассматривается в качестве юридического факта. Следовательно, механизм оценки и отражение ее результатов осуществляются в рамках установленной нормами права процедуры.

Таким образом, вопросы обеспечения правового положения лиц, отбывающих наказания, создания действенного механизма защиты их правового статуса требуют дальнейшего комплексного изучения и всестороннего анализа.

Список литературы

1. Экимов А. И. Интересы и права в социалистическом обществе. Л., 1984. 136 с.
2. Скибицкий В. В. Освобождение от уголовной ответственности и отбывания наказания. Киев, 1987. 183 с.
3. Зельдов С. И. Освобождение от наказания и от его отбывания. М., 1982. 136 с.

4. Михлин А. С. Проблемы досрочного освобождения от отбывания наказания : учеб. пособие. М., 1982. 152 с.
5. Орлов В. Н. Уголовное наказание: понятие, цели, система, объекты и субъекты : монография. М., 2011. 464 с.
6. Зубков А. И. Понятие правового положения осужденных. Уголовно-исполнительное право России : учебник и основные нормативно-правовые акты / под ред. О. В. Филимонова. М., 2004. 317 с.
7. Бекузаров Г. О. Юридические обязанности лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 254 с.
8. Малько А. В., Субочев В. В. Законный интерес и юридическая обязанность // Гос-во и право. 2007. № 2. С. 30–36.
9. Смирнова М. Г. Социальные притязания и законные интересы: проблемы соотношения и взаимодействия // Ленингр. юрид. журн. 2008. № 4. С. 37–47.

NIKOLAY VLADIMIROVICH KIJKO,

phd in law, chief of penal law department

(Academy of internal affairs ministry of the Republic of Belarus),

e-mail: avant_n@mail.ru

CORRELATION OF LEGAL RIGHTS AND LEGITIMATE INTEREST OF CONVICTS

Annotation: the object of study is legal nature of legitimate interests of convicts, as well as their correlation with legal rights of persons serving sentences.

In various legal structures the terms «rights» and «legitimate interests» are almost always used together, though in fact they represent totally different legal phenomena.

Analysis of legal nature of legal interests of the convicted substantiates the idea that they should be looked upon as an independent member of legal status of persons serving sentences.

It is emphasized that implementation of legal rights is has a high degree of personal discretion, provided by relevant obligations and protection. However, legal interests presuppose an officer's discretion based on assessment of convicts' behavior in relation to compliance with criteria laid down in law. In addition legitimate interests and legal rights are considered from the point of view of legal obligations. This legal obligation often contributes to legitimate interests, not opposing them attributively, such as legal rights, but establishing legal framework of proper behavior for participants.

The study sets out basic features of legitimate interests of convicts, distinguishing them from legal rights.

As a rule, legitimate interests of those condemned to imprisonment have character of aspirations aimed at certain benefits and satisfaction.

In all cases the possibility of implementing legitimate interests depends on discretion of prison administration and other agencies convict's conduct for compliance with the requirements of law. It is obligatory to take into account convict's attitude to basic corrections provided by penal legislation. This assessment is not arbitrary, but is looked upon as a legal fact. Therefore, the mechanism of assessment and the reflection of its results is carried out within the procedure established by legal norms.

Key words: legal status of convicted, the subjective right, a legitimate interest, discretion, evaluation of the behavior of convicts, correction, correctional facility.

References

1. Ekimov A. I. Interesy i prava v sotsialisticheskom obschestve [The interests and rights in a socialist society]. Leningrad, 1984. 136 p.
2. Skibitskiy V. V. Osvobozhdenie ot ugolovnoy otvetstvennosti i otbyvaniya nakazaniya [Exemption from criminal liability and punishment]. Kiev, 1987. 183 p.
3. Zeldov S. I. Osvobozhdenie ot nakazaniya i ot ego otbyvaniya [Exemption from punishment and from serving]. Moscow, 1982. 136 p.
4. Mihlin A. S. Problemyi dosrochnogo osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya : uchebnoe posobie [Problems of early release from serving a sentence: a tutorial]. Moscow, 1982. 152 p.

5. Orlov V. N. Ugolovnoe nakazanie: ponyatie, tseli, sistema, ob'ekty i sub'ekty: monografiya [Criminal sanctions: concept, purpose, system objects and subjects]. Moscow, 2011. 464 p.
6. Zubkov A. I. Ponyatie pravovogo polozheniya osuzhdennyih. Ugolovno-ispolnitelnoe pravo Rossii [The concept of the legal status of prisoners. Criminal-executive right of Russia]. Under the editorship of O. V. Filimonov. Moscow, 2004. 317 p.
7. Bekuzarov G. O. Yuridicheskie obyazannosti lits, otbyivayuschih nakazanie v vide lisheniya svobody. Dis. kand. jurid. nauk [Legal obligations of persons serving sentences of imprisonment. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 1995. 254 p.
8. Malko A. V., Subochev V. V. Zakonnyiy interes i yuridicheskaya obyazannost [Legitimate interests and legal obligation]. Gosudarstvo i pravo – State and law, 2007, no. 2, pp. 30–36.
9. Smirnova M. G. Sotsialnyie prityazaniya i zakonnyie interesyi: problemyi sootnosheniya i vzaimod-eystviya [Social aspirations and legitimate interests: the problem of the relation and interaction]. Leningradskij juridicheskij zhurnal – Leningrad legal magazine, 2008, no. 4, pp. 37–47.

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Реферат: одним из основных средств профилактики преступности несовершеннолетних является уголовная ответственность. Предпосылкой ее эффективности выступает дифференцированное отношение к применению мер уголовной ответственности на законодательном уровне. В связи с отмечающимся в настоящее время омоложением преступности особенно важно исследовать социальную обусловленность ответственности данной возрастной категории, а также механизмы формирования правосознания несовершеннолетних с учетом специфики их возраста и условий, в которых они находятся, дать адекватную оценку общественной опасности и запрещенности уголовно наказуемых деяний. Это позволит целенаправленно воздействовать на таких лиц, правильно квалифицировать общественно опасные деяния, четко устанавливать их вину, основание и пределы наступления ответственности и индивидуализировать уголовное наказание на основании принципов и задач уголовного права. Приводятся критерии социальной обусловленности уголовной ответственности несовершеннолетних, к которым относятся:

исторически сложившиеся тенденции развития законодательства об ответственности несовершеннолетних в России;

международное и зарубежное законодательство, касающееся несовершеннолетних преступников;

криминологическая характеристика преступности лиц данной возрастной категории;

уголовно-правовая характеристика, включающая в себя соответствие основополагающим принципам уголовного права;

правосознание населения.

Ключевые слова: уголовная ответственность, несовершеннолетний, преступление, уголовный закон, осужденный, воспитательная колония, ювенальная политика.

Преступность несовершеннолетних и молодежи всегда относилась к числу кардинальных социальных и правовых проблем общества. В современных условиях она приобрела особую остроту и рассматривается прежде всего в контексте социального и нравственного оздоровления подрастающего поколения, которому предстоит определить будущее страны.

Проблеме обусловленности уголовно-правовых норм отводилось значительное место в исследованиях ученых-криминалистов. Так, Г. А. Кригер и Н. Ф. Кузнецова выделяют следующие основания социальной обусловленности уголовно-правовой нормы: причинение деянием существенного вреда общественному отношению, антиобщественная ориентация лица, распространенность деяния и его повышенная угроза для общества, неэффективность других некриминальных мер, способность общественного сознания воспринять это деяние как преступление, введение уголовной ответственности [1, с. 34].

По нашему мнению, социальная обусловленность уголовной ответственности несовершеннолетних определяется совокупностью исторически сложившихся тенденций развития законодательства об ответственности несовершеннолетних, неразрывно связанных с зарубежным и международным опытом регламентации соответствующих правовых норм, а также с криминологической и уголовно-правовой характеристикой преступности лиц данной возрастной категории. Под криминологической и уголовно-правовой характеристикой преступности несовершеннолетних как обязательного элемента социальной обусловленности следует понимать не только общественную опасность совершения несовершеннолетними преступлений, но и такие признаки, как:

- 1) количественно-качественные показатели динамики исследуемой группы преступлений;
- 2) характер и особенность совершения преступлений;
- 3) специфика возраста, который во многом определяет личностные особенности несовершеннолетних преступников.

В русском законодательстве первые постановления о малолетних правонарушителях появляются сравнительно поздно. Ни в судебных книгах, ни в Уложении 1649 г. мы не находим постановлений, регламентирующих ответственность несовершеннолетних как самостоятельный институт уголовного права.

Только двадцать лет спустя после издания Уложения законодатель вспоминает о старом правиле, затерявшемся в градских законах, – «аще седми лет отрокъ убіеть кого... не повинень есть смерти» [2, с. 8] – и включает его в ст. 79 Сысского приказа 1666 г. и на нем, к сожалению, останавливается.

Первое общее понятие об ответственности несовершеннолетних содержится в Указе Сената от 23 августа 1742 г. Поводом к изданию данного Указа послужило дело об убийстве четырнадцатилетней девочкой, Прасковьей Федоровой, двух крестьянских детей [3, с. 189]. Екатеринбургских земских дел контора, в производство которой поступило данное дело, руководствуясь прежними решениями или исключительными особенностями случая, постановила такое определение: «Что по силу Уложения гл. 21, п. 69 оную девку... надлежало пытать, токмо видно, что учинила она то убийство отъ глупости и младоумія своего и пытки за малолитствомъ ей не снести, того ради надлежитъ ее наказатъ лозами нещадно и отдать въдович монастырь вечновь работу» [4, с. 73].

Это определение не было одобрено генерал-берг-директориумом, утверждавшим, что в силу Уложения каждый преступник, совершивший дерзкое убийство, должен быть казнен в связи с тем, что в действующих указах не был разъяснен возраст, с которого можно применять пытки и казнь. После этого директориум потребовал разъяснений у Сената. В ответ на это и последовал упомянутый нами Указ Сената, который впервые определенно установил, что:

- 1) лицо, не достигшее семнадцатилетнего возраста, не подлежит наказанию по уголовным делам;
- 2) лица этого возраста не могут быть подвержены пыткам и казни [2, с. 11].

Для несовершеннолетних преступников, не достигших семнадцатилетнего возраста, эти наказания заменялись сечением плетью и отданием в монастырь, где они должны были выполнять всю тяжелую работу, а за преступления небольшой тяжести таких детей освобождали от ответственности.

Мы подробно остановились на данном Указе Сената потому, что он имел большое значение для последующего развития законодательства о применении наказаний к малолетним преступникам, дал начало развитию института уголовной ответственности несовершеннолетних в России.

Социальная обусловленность феномена преступности несовершеннолетних, непредсказуемый

характер ее динамики, неравномерность и неустойчивость территориального распределения, разносторонность тенденций указывают на сложность и многозначность социальных условий, формирующих их преступное поведение [5, с. 34].

Начиная с 2011 г. заметно увеличивается количество преступлений, совершенных несовершеннолетними. Большинство осужденных (54,8 %) осуждены к наказанию в виде лишения свободы впервые, остальные (43,2 %) – имеют опыт криминального поведения и осуждения к лишению свободы в основном условно в соответствии со ст. 73 УК РФ. На основании ч. 6.2 ст. 88 УК РФ в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ суд может повторно принимать решение об условном осуждении несовершеннолетнего с установлением нового испытательного срока [6, с. 27].

Проведенное нами исследование позволяет сделать выводы о доле несовершеннолетних осужденных, имеющих непогашенную и неснятую судимость к лишению свободы, и числе судимостей к лишению свободы, включая ту, в соответствии с которой лицо отбывает наказание. Так, несовершеннолетних осужденных к лишению свободы, имеющих одну судимость, – 54,8 %, две – 28,1, три – 12,3, четыре – 4,6, пять и более – 0,2 % от общего числа осужденных.

На протяжении 2011–2014 гг. каждое двенадцатое лицо, привлеченное к уголовной ответственности, не достигло возраста совершеннолетия.

Среди обследованных осужденных 1,0 % совершили преступления небольшой тяжести, 11,5 – средней тяжести, 61,9 – тяжкие, 25,6 % – особо тяжкие. Указанные результаты в целом свидетельствуют о высоком уровне опасности несовершеннолетних преступников. В течение 2013 г. подростками совершалось каждое семнадцатое преступление.

Исследователи в области ювенальной юстиции подчеркивают, что криминальная ситуация в стране остается напряженной, а раскрываемость преступлений среди несовершеннолетних – крайне низкой. Нередко ученые-криминологи, практические работники и правозащитники ставят под сомнение данные официальной уголовной статистики и все чаще ссылаются на материалы конкретных уголовных дел последних лет, которые свидетельствуют о тяжести последствий, вызванных преступными посягательствами несовершеннолетних [7, с. 229].

При изучении подростковой преступности в Российской Федерации следует помнить, что до достижения возраста уголовной ответственности несовершеннолетние совершают значительное число общественно опасных деяний, аналогичных по объективной стороне уголовно наказуемым деяниям, причем это не только имущественные преступ-

ления (кражи, грабежи и т. д.), но и преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, оружия, похищением людей. Количество подростков-правонарушителей постоянно возрастает. По данным ряда исследователей, правозащитников, представителей правоохранительных органов, ежегодно более 90 тыс. подростков совершают преступные деяния до момента достижения ими возраста, с которого наступает уголовная ответственность [8, с. 524].

За прошедшее десятилетие одним из направлений уголовной политики в отношении несовершеннолетних преступников было сокращение применения к ним уголовного наказания в виде лишения свободы. На это были направлены изменения уголовного законодательства, в соответствии с которыми наказание в виде лишения свободы не может быть назначено несовершеннолетнему осужденному, совершившему в возрасте до 14 лет преступление небольшой или средней тяжести впервые, а также остальным несовершеннолетним осужденным, совершившим преступления небольшой тяжести впервые.

В то же время, по сравнению с переписью осужденных 1999 г., количество осужденных, содержащихся в воспитательных колониях и совершивших тяжкие преступления, уменьшилось на 19,3 %, и наоборот, число осужденных, совершивших особо тяжкие преступления, возросло с 5,4 до 26 %, то есть почти в 5 раз [6, с. 24]. Возможно, это также обусловлено тем, что в соответствии с Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» обязательный срок отбывания наказания у лиц несовершеннолетнего возраста, осужденных за тяжкое преступление, для

применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания уменьшился с половины на одну треть. В связи с этим большинство осужденных за тяжкое преступление используют это основание досрочного освобождения, что приводит к уменьшению их количества и увеличению доли лиц, осужденных за особо тяжкие преступления, так как обязательный срок для условно-досрочного освобождения в отношении этой категории преступников (не менее двух третей срока наказания) остался без изменений.

Несовершеннолетние были осуждены: за кражу (ст. 158 УК РФ); грабеж (ст. 161); разбой (ст. 162); умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111); неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст. 166); убийство (ст. 105); насильственные действия сексуального характера (ст. 132); незаконное приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотических средств и их аналогов (ст. 228 УК РФ).

Исходя из анализа эволюции отечественного законодательства об ответственности несовершеннолетних и уголовно-правовых и криминологических характеристик преступности несовершеннолетних можно определить современное состояние социальной обусловленности несовершеннолетних.

Следовательно, только глубокое и всестороннее изучение всех элементов социальной обусловленности несовершеннолетних обеспечит более эффективное уголовно-правовое и уголовно-исполнительное воздействие на них, а также поможет в разработке новых предложений и рекомендаций, направленных на снижение уровня преступности молодежи.

Список литературы

1. Кригер Г. А., Кузнецова Н. Ф. Проблемы социальной обусловленности уголовного закона. М., 1977. 122 с.
2. Никитин В. Н. Тюрьма и ссылка. СПб., 1880. 660 с.
3. Ключевский В. О. Соч. : в 9 т. М., 1988. Т. 2. 333 с.
4. Богдановский А. Молодые преступники. СПб., 1871. 301 с.
5. Старостин С. А. Взаимодействие МВД России и ФСИН России в сфере предупреждения преступности несовершеннолетних // Проблемы исполнения уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, и применение иных мер уголовно-правового характера в отношении несовершеннолетних : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Вологда, 7 дек. 2005 г.) : в 2 ч. Вологда, 2006. Ч. 1.
6. Данилин Е. М., Селиверстов В. И. Осужденные в воспитательных колониях. По материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12–18 ноября 2009 г. М., 2011. Вып. 2. С. 143–224.
7. Шестаков Д. А. Криминология: новые подходы к преступлению и преступности. Криминогенные законы и криминологическое законодательство // Противодействие преступности в изменяющемся мире : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2006. 561 с.
8. Ювенология и ювенальная политика в XXI веке: опыт комплексного и междисциплинарного исследования : монография / под ред. Е. Г. Слущкого. СПб., 2011. 734 с.

SERGEJ NIKOLAEVICH SUHAREV,

phd in law,
lecturer, department of theory of state and law, international and european law
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: syharev-s@mail.ru

SOCIAL CONDITIONALITY OF CRIMINAL LIABILITY OF MINORS

Annotation: one of the main means of preventing juvenile delinquency is criminal liability. A prerequisite for its effectiveness advocated differential treatment of the application of measures of criminal liability at the legislative level. At the present time in connection with the reported rejuvenation of crime is particularly important to explore the social conditions responsible of this age group, as well as mechanisms of formation of legal awareness of juveniles specific to their age and conditions in which they are located, to give an adequate estimation of public danger and forbidden criminal acts. This will specifically influence such persons, properly classify socially dangerous acts, clearly established their guilt, the basis and limits of liability and to individualize criminal punishment on the basis of the principles and objectives of criminal law.

The author gives criteria of social conditionality of criminal liability of minors which include:
historical trends in the development of the legislation on responsibility of minors in Russia;
international and foreign law relating to juvenile offenders;
criminological characteristics of criminality of persons of this age group;
criminal legal description, including compliance with the fundamental principles of criminal law;
the consciousness of the population.

Key words: criminal responsibility, minors, crime, criminal law, convict, educational colony, juvenile policy.

References

1. Kriger G. A., Kuznecova N. F. Problemy social'noj obuslovlennosti ugovnogo zakona [The problem of social conditionality of the criminal law]. Moscow, 1977. 122 p.
2. Nikitin V. N. Tjur'ma i ssylka [Imprisonment and exile]. St. Petersburg, 1880. 666 p.
3. Ključevskij V. O. Sočinenija [Works]. In 9 vol. Moscow, 1988. Vol. 2. 333 p.
4. Bogdanovskij A. Molodye prestupniki [The young criminals]. St. Petersburg, 1871. 301 p.
5. Starostin S. A. Vzaimodejstvie MVD Rossii i FSIN Rossii v sfere preduprezhdenija prestupnosti nesovershennoletnih [The interaction between the interior Ministry and the Federal penitentiary service of Russia in the sphere of prevention of juvenile delinquency]. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii «Problemy ispolnenija ugovnyh nakazanij, ne svjazannyh s lisheniem svobody, i primenenie inyh mer ugovno-pravovogo haraktera v otnošenii nesovershennoletnih» (Vologda, 7 dekabnja 2005 g.) [Proceedings of the International scientific-practical conference «Problems of execution of criminal punishments not connected with imprisonment, and the use of other measures of criminal legal nature against a minor» (Vologda, December 7, 2005)]. In 2 parts. Vologda, 2006. Part 1.
6. Danilin E. M., Seleverstov V. I. Osuzhdennye v vospitatel'nyh kolonijah. Po materialam special'noj perepisi osuzhdennyh i lic, sodержashhihsja pod strazhej, 12–18 nojab. 2009 g. [Convicts in correctional colonies. According to the materials of the special census of convicts and persons in custody, November, 12–18, 2009]. Moscow, 2011, pp. 143–224.
7. Shestakov D. A. Kriminologija: novye podhody k prestupleniju i prestupnosti. Kriminogennye zakony i kriminologičeskoe zakonodatel'stvo // Protivodejstvie prestupnosti v izmenjajushhemsja mire [Criminology: new approaches to crime and criminality. Criminogenic laws and criminological legislation. Combating crime in a changing world]. 2d edition. St. Petersburg, 2006. 561 p.
8. Juvenologija i juvenal'naja politika v 21 veke: opyt kompleksnogo i mezhdisciplinarnogo issledovanija [Juvenology and juvenile policy in the 21st century: a comprehensive and interdisciplinary research]. Under the editorship of E. G. Sluckii. St. Petersburg, 2011. 734 p.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ И ГРУППОВОЙ КРИМИНАЛЬНЫЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗМ

Реферат: в статье рассматривается степень общественной опасности индивидуального и группового криминального профессионализма, делается вывод о том, что эффективность деятельности криминальных профессионалов в едином системном целом превышает потенциальный суммарный эффект деятельности каждого криминального профессионала, взятого по отдельности. Следовательно, общественная опасность группового криминального профессионализма выше, чем индивидуального.

Ядро преступности образуют преступления, совершенные надежно, эффективно, с использованием специфических знаний, умений и навыков, иными словами, высокопрофессионально. Это обуславливает повышенный научный интерес к вопросам классификации криминального профессионализма.

Ключевые слова: групповой криминальный профессионализм, индивидуальный криминальный профессионализм, классификация, криминальный профессионализм.

В настоящее время одной из актуальных проблем для государства и общества является наличие таких видов и форм преступности, которые стали своеобразными социальными практиками. По нашему мнению, основу нелегальных социальных практик, представляющих повышенную общественную опасность, составляет криминальный профессионализм. Положение дел в этой сфере вызывает серьезную озабоченность. Так, Президент РФ В. В. Путин на расширенном заседании коллегии МВД России 21 марта 2014 г. отметил: «Вместе с тем общее количество преступлений остается значительным. Не удастся пока и повысить уровень раскрываемости. В целом по России доля нераскрытых преступлений – почти 44 %, обращаю ваше внимание на эту цифру. За ней и серьезные криминогенные риски, и ущерб для авторитета ведомства и для всей системы, неверие людей в справедливость, в силу закона, в неотвратимость наказания для преступников» [4]. Аналогичное положение дел наблюдается и в области борьбы с терроризмом и экстремизмом. На коллегии Федеральной службы безопасности Российской Федерации Президент В. В. Путин 7 апреля 2014 г. констатировал: «Экстремистские, радикальные группировки пытаются не только активизировать свою деятельность на Северном Кавказе, но и перенести ее в другие регионы нашей страны – Поволжье, Центральную Россию, стремятся провоцировать межнациональные и межрелигиозные конфликты, ведут агрессивную пропаганду среди молодежи, используя самые современные информационные средства,

технологии, включая Интернет и социальные сети» [3]. Одна из целей Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года – сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, направлена в первую очередь на борьбу с видами и формами преступности, ставшими своеобразными социальными практиками. В криминологической науке также акцентируется внимание на данном обстоятельстве: «Одним из криминогенных факторов, влияющих на состояние преступности в целом, может быть названа недооценка общественной опасности профессиональной преступности, приведшая к отставанию форм и методов работы правоохранительных органов от качественных изменений преступности» [2, с. 101]. В связи с этим данная проблематика, в том числе вопросы классификации криминального профессионализма, вызывает повышенный научный интерес.

Глубокое и всестороннее познание криминального профессионализма возможно при неременном условии решения вопросов классификации. Методологическое значение классификации трудно переоценить. Как отметили С. В. Мейени и Ю. А. Шрейдер, «достаточно строго и четко проведенная классификация, как показывает история науки, одновременно подытоживает результаты предшествующего развития данной отрасли познания и вместе с тем отмечает начало нового этапа в ее развитии. Такая классификация обладает большой эвристической силой, позволяя предсказать существование неизвестных ранее объектов или

вскрыть новые связи и зависимости между уже известными объектами» [10, с. 67].

Первоначально следует определиться со значением понятий «классификация» и «криминальный профессионализм», которыми мы будем в дальнейшем оперировать. Классификацией обычно именуют логическую операцию и (или) результат распределения предметов по классам, связанным в систему и различающимся между собой по интересующим признакам [5, с. 16]. В свою очередь, под криминальным профессионализмом мы понимаем свойство личности, позволяющее ей с использованием специфических личных качеств надежно и эффективно совершать преступления и тождественные им деяния.

По количеству участников мы выделяем индивидуальный и групповой криминальный профессионализм. Сущность индивидуального криминального профессионализма сводится к наличию у индивидуума свойства, позволяющего ему с использованием специфических личных качеств надежно и эффективно совершать преступления и тождественные им деяния, которое он преимущественно единолично реализует при совершении преступления. В большинстве случаев индивидуальный криминальный профессионализм реализуется индивидуально. Вместе с тем если криминальный профессионал привлекает иных лиц в качестве соисполнителей или пособников, то делает это для решения отдельных задач, а не для реализации системного умысла криминального профессионала. Мы полагаем, что такая тактика является «классической» в криминальном мире. В качестве подтверждения нашей мысли хотелось бы привести одно из правил поведения так называемой курганской братвы «лихих девяностых»: «Информацию обрабатывай полностью. Как можно полнее уясни ее, затем каждому дай свою, но не целиком одному человеку. Каждый должен знать только свое» [11, с. 14]. Наглядным примером индивидуального криминального профессионализма, когда в качестве пособника привлекается иное лицо, выступает побег А. Солоника из следственного изолятора № 1 г. Москвы, при совершении которого по версии следствия в качестве пособника был привлечен сотрудник данного учреждения С. Меншиков: «5 июня 1995 г. в 1 час 40 минут сержантом внутренней службы С. Сахаровым, младшим инспектором отдела режима и охраны на 29-м посту 9-го режимного корпуса было обнаружено отсутствие постового, младшего сержанта С. Меншикова, 1974 г. рождения, работавшего в ОВД с ноября 1994 г. При обследовании группой резерва помещений 9-го режимного корпуса в камере № 938 отсутствовал находящийся на одиноч-

ном содержании заключенный А. Солоник. При проведении первоначальных следственных действий было обнаружено, что входная дверь в прогулочные дворы открыта, навесной замок лежит на полу. С крыши прогулочных дворов по стене на улицу Матросская Тишина опущен альпинистский шнур длиной 20 метров...» [8, с. 411]. Пособник в лице сотрудника учреждения был необходим А. Солонику для решения отдельной задачи, а именно совершения побега из следственного изолятора.

Кроме того, рассматривая индивидуальный криминальный профессионализм, хотелось бы обратить внимание на следующие моменты.

Во-первых, ряд видов криминально-профессиональной деятельности априори могут реализовываться только индивидуально. Например, приобретение и сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, так называемая скупка краденого, осуществляются преимущественно индивидуально, в противном случае страдает эффективность, следовательно, и доходность преступной деятельности.

Во-вторых, система разделения криминального труда построена таким образом, что каждый этап должен реализовываться только индивидуально. Так, одним из залогов успеха розничного сбыта наркотических средств заключается в том, что к непосредственному сбыту наркотических средств привлекается конкретное лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности.

В-третьих, индивидуальный криминальный профессионализм во многом обуславливается личными особенностями. Например, для профессионального нищего большое значение приобретает наличие увечий, которые можно выставить на всеобщее обозрение; для грабителя – физические возможности, позволяющие ему убежать с похищенным от потерпевшего или иных лиц; инфантильная внешность помогает карманнику «усыпить» бдительность потенциальной жертвы; даже криминальная неискушенность и житейская наивность может браться на вооружение злоумышленниками, когда виновного первоначально используют в качестве курьера вслепую.

В-четвертых, с точки зрения преступной деятельности индивидуальный криминальный профессионализм обладает рядом преимуществ: в одиночку легче осуществить планирование преступления, рассчитать силы и средства, быстрее принимаются решения и быстрее реализуются, ниже риск разоблачения преступной деятельности, то есть легче осуществить профессиональную преступную деятельность как разновидность системного поведения и избежать рассогласованности действий соучастников по аналогии с ситуацией

«лебедь, рак и щука». Кроме того, единолично легче и совершенствовать индивидуальный криминальный профессионализм посредством соотнесения идеальной картины будущего преступления с реальным результатом и принятия на их основе корректирующих мер, реализовать сущностные особенности криминального профессионала, например, «любовь к острым ощущениям». Так, по мнению Ю. М. Антоняна, «многолетние эмпирические изыскания приводят к выводу о том, что отличительными признаками личности преступника являются... влечение к игре, то есть желание участвовать в острых эмоционально насыщенных ситуациях, даже связанных с риском для жизни, иными словами, играть со смертью» [1, с. 10].

Групповой криминальный профессионализм также заключается в наличии у индивидуумов свойства, позволяющего им с использованием специфических личных качеств надежно и эффективно совершать преступления и тождественные им деяния, которые они совместно и умышленно реализуют при совершении преступления. Для наличия группового криминального профессионализма необходимо, чтобы индивидуумы в составе группы, объединенные совместной, умышленной преступной деятельностью, стали единым системным целым. На системное значение целого обратил внимание Д. А. Керимов: «Если данная целостность системна, то она не только состоит из определенного количества закономерно между собой связанных частей, которые образуют субстанциональную, содержательную основу (сторону или начало) целостной системы, но и всегда должна быть определенным образом внутренне структурно организована» [9, с. 222].

Эффективность деятельности криминальных профессионалов в едином системном целом превышает потенциальный суммарный эффект деятельности каждого криминального профессионала, взятого по отдельности, так как группа преступников по сравнению с конкретным профессионалом выходит на новый качественный уровень – уровень системного целого. Пример системного целого с высокой эффективностью был описан еще в начале XX в. Г. Гроссом: «Предпринимая кражу, цыган идет с товарищами, женами и детьми: первые помогают красть, женщины стоят настороже и затем помогают уносить похищенное, дети работают так же, как и женщины, и, кроме того, их заставляют пролезать сквозь решетки и в небольшие отверстия для того, чтобы они открыли двери изнутри» [7, с. 469].

Характеризуя индивидуальный и групповой криминальный профессионализм, нельзя не затро-

нуть вопрос о том, какой криминальный профессионализм более общественно опасен. На данный вопрос не всегда можно ответить однозначно. Как справедливо отметил Р. Р. Галиакбаров, «утверждать, что соучастие в преступлении всегда повышает общественную опасность содеянного, нельзя. Из этого правила могут быть исключения, особенно при совершении преступления исполнителем совместно с пособником и другими предусмотренными законом соучастниками» [6, с. 132]. Однако, в случае если системные показатели индивидуального и группового криминального профессионализма идентичны, эффективность преступной деятельности группового криминального профессионализма выше, следовательно, и выше общественная опасность группового криминального профессионализма.

На наш взгляд, групповой криминальный профессионализм характеризуется следующими моментами.

Во-первых, по аналогии с индивидуальным криминальным профессионализмом ряд видов криминально-профессиональной деятельности априори может реализоваться только группой лиц, например вымогательство, бандитизм, совершение разбойного нападения на инкассаторскую машину, высокопрофессиональные формы мошенничества.

Во-вторых, для группового криминального профессионализма большое значение имеют психологическая совместимость и уровень профессионализма соучастников. Психологическую совместимость условно можно назвать волевым элементом, заключающимся в желании соучастников на высоком уровне осуществлять преступную деятельность для достижения совместно запланированного результата. Уровень профессионализма можно условно назвать качественным элементом, что предполагает возможность соучастников осуществить криминальную деятельность на необходимом уровне. Наличие волевого и качественного элемента является залогом успешности криминальной деятельности, ввиду того что без психологической совместимости усилия соучастников будут направлены не на достижение преступного результата, а на перманентное выяснение отношений. Тем самым отсутствие психологической совместимости может свести к минимуму профессионализм соучастников и КПД преступной деятельности. Низкий групповой и индивидуальный уровень криминального профессионализма также обуславливает безуспешность преступной деятельности, поскольку в первом случае возникает дисбаланс между уровнем групповых притязаний и возможностями по их достижению, а во втором – личность, обладающая низким индивидуальным

уровнем криминального профессионализма, выступает своеобразным «слабым звеном» криминальной «команды», обрекая ее на неудачу.

В-третьих, залогом успешности группового криминального профессионализма является наличие лидера, который способен генерировать рациональные, продуктивные идеи, воплощаемые в дальновидном сценарии. Примером деятельности лидера, способного генерировать рациональные, продуктивные идеи, воплощаемые в дальновидном сценарии, выступает выдержка из приговора в отношении осужденного А.

А., известный в криминальных кругах «преступный авторитет», на почве личных неприязненных отношений с В. организовал причинение тяжкого вреда здоровью последнего и сопровождавших его лиц Г., А., А., Т., повлекшее за собой по неосторожности смерть Г. Причиной конфликта явилось то, что, по мнению А., В., находясь с ним в дружеских отношениях, воспользовался его криминальным «авторитетом» и, получая денежные средства от К., присвоил их себе. А., являясь организатором данного преступления, в ходе телефонного разговора с Л. вступил с ним в предварительный сговор, разработал план совершения преступления, распределил роли, дал указание привлечь к совершению преступления К., а также лиц, обладающих хорошими физическими данными и навыками рукопашного боя.

Успешность группового криминального профессионализма, помимо вышеописанного лидера, может обуславливаться наличием сценария, став-

шего своеобразным шаблоном, который соучастники неоднократно реализовывали. К шаблонному сценарию мы относим, например, действия карманных воров, когда один из соучастников наблюдает за окружающей обстановкой, второй – непосредственно совершает карманную кражу и передает украденные ценности третьему.

Характеризуя в целом групповой криминальный профессионализм, следует подчеркнуть, что идеальный групповой криминальный профессионализм может реализоваться при наличии следующих условий:

- психологическая совместимость соучастников;
- паритетный уровень профессионализма соучастников;
- наличие лидера, способного генерировать рациональные и продуктивные идеи или сценарий, который соучастники неоднократно реализовывали.

Таким образом, теоретическое значение рассмотренного вопроса заключается в том, что криминальный профессионализм позволяет объяснить игнорирование индивидуумом ценностей законопослушного образа жизни в пользу криминальной карьеры. Тем самым на основе криминологических исследований не только описывается современная преступность, но и создается объективная картина социального бытия современной России. С прикладной точки зрения мы полагаем, что на основе научного осмысления криминального профессионализма можно разработать высокоэффективную модель предупреждения наиболее опасных видов преступности.

Список литературы

1. Антонян Ю. М. Преступники и отношение к ним // Человек: преступление и наказание. 2014. № 2. С. 9–12.
2. Артемьев Н. С., Забелич А. А. К вопросу об основных факторах, влияющих на состояние профессиональной преступности // Человек: преступление и наказание. 2012. № 3. С. 100–104.
3. В. Путин принял участие в заседании коллегии Федеральной службы безопасности. URL : <http://www.kremlin.ru/news/20724> (дата обращения: 07.04.2015).
4. В. Путин принял участие в расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел. URL : <http://www.kremlin.ru/transcripts/20624> (дата обращения: 07.04.2015).
5. Воронин Ю. А. Теория классифицирования и ее приложения. Новосибирск, 1985. 234 с.
6. Галиакбаров Р. Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. Краснодар, 2000. 200 с.
7. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М., 2002. 1088 с.
8. Карышев В. М. Александр Солоник – киллер мафии. М., 1999. 430 с.
9. Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). 2-е изд. М., 2001. 559 с.
10. Мейени С. В., Шрейдер Ю. А. Методологические аспекты теории классификации // Вопросы философии. 1976. № 12. С. 67–79.
11. Сгруппированная Россия. Курганские // Версия. 1999. № 25. С. 13–14.

VADIM VALIHANOVICH TULEGENOV,

phd in law, associate professor,
head of the department, penal law department
(Vladimir law institute of the FPS of Russia),
e-mail: vtulegenov@rambler.ru

INDIVIDUAL AND GROUP CRIMINAL PROFESSIONALISM

Annotation: the article examines the degree of social danger of individual and group criminal professionalism. Its analysis allowed to conclude that the effectiveness of the criminal activities of professionals in a single system generally outweighs the potential cumulative effect of each criminal professional taken individually. Thus public danger of group criminal of professionalism higher than the individual.

The core form of crime crimes committed securely, effectively using the specific knowledge, skills and abilities in other words highly professional. This causes an increased scientific interest in the issues of classification of criminal professionalism.

Key words: group of criminal professionalism, individual criminal professionalism, classification, criminal professionalism.

References

1. Antonjan Ju. M. Prestupniki i otnoshenie k nim [Criminals and the attitude towards them]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2014, no. 2, pp. 9–12.
2. Artem'ev N. S. Zabelich A. A. K voprosu ob osnovnyh faktorah, vlijajushhikh na sostojanie professional'noj prestupnosti [To the question about the main factors affecting the state of professional crime]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2012, no. 3, pp. 100–104.
3. Vladimir Putin prinjal uchastie v zasedanii kollegii Federal'noj sluzhby bezopasnosti [Vladimir Putin took part in the meeting of the Collegium of the Federal security service]. Available at : <http://www.kremlin.ru/news/20724> (Accessed 7 April 2015).
4. Vladimir Putin prinjal uchastie v rasshirennom zasedanii kollegii Ministerstva vnutrennih del [Vladimir Putin took part in the enlarged session of the Ministry of internal Affairs]. Available at : <http://www.kremlin.ru/transcripts/20624> (Accessed 7 April 2015).
5. Voronin Ju. A. Teoriya klassificirovaniya i ee prilozhenija [Theory of classification and its applications]. Novosibirsk, 1985. 234 s.
6. Galiakbarov P. P. Bor'ba s gruppovymi prestuplenijami. Voprosy kvalifikacii [The fight against group crime. Issues of qualification]. Krasnodar, 2000. 200 s.
7. Gross G. Rukovodstvo dlja sudebnyh sledovatelej kak sistema kriminalistiki [Handbook for court investigators as the system of criminalistics]. Moscow, 2002. 1088 s.
8. Karyshev V. M. Aleksandr Solonik – killer mafia [Alexander Solonik – a mafia hit man]. Moscow, 1999. 430 s.
9. Kerimov D. A. Metodologija prava (predmet, funkicii, problemy filosofii prava) [Methodology of law (subject, functions, problems of legal philosophy)]. 2d edition. Moscow, 2001. 559 p.
10. Mejen S. V., Shrejder Ju. A. Metodologicheskie aspekty teorii klassifikacii [Methodological aspects of classification theory]. Voprosy filosofii – Problems of philosophy, 1976, no. 12, pp. 67–79.
11. Sgruppировannaja Rossii. Kurganskije [Grouped Russia. Kurgan]. Versija – Version, 1999, no. 25, pp. 13–14.

ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОДКУП СВИДЕТЕЛЯ, ПОТЕРПЕВШЕГО, ИСТЦА, ЭКСПЕРТА, СПЕЦИАЛИСТА ИЛИ ПЕРЕВОДЧИКА

Реферат: в статье анализируются вопросы уголовной ответственности за подкуп свидетеля, потерпевшего, истца, эксперта, специалиста или переводчика, рассматриваются составы преступлений, предусмотренные ч. 1, 4 ст. 309 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), устанавливающие ответственность за подкуп как преступление против правосудия.

Делается вывод о том, что подкуп в ст. 309 УК РФ следует понимать в широком смысле (передача, предоставление, обещание средств подкупа), а при оценке данной разновидности подкупа не имеет значения момент передачи средств подкупа.

На основе проведенного анализа указывается на целесообразность закрепления ответственности за подкуп свидетеля, потерпевшего, эксперта, специалиста или переводчика (ненасильственное воздействие) и их принуждение (насильственное воздействие) к совершению конкретных действий в различных статьях Особенной части УК РФ. Предложено в ст. 309 УК РФ в число подкупаемых лиц включить истца; ввести квалифицирующий признак «группа лиц по предварительному сговору»; дифференцировать ответственность подкупаемого лица в зависимости от целей деяния (с целью отказа от дачи показаний и совершения иных действий, с целью дачи ложных показаний, объяснений, заключения, пояснений, неправильного перевода); скорректировать название данной статьи, в основу которого положить категории подкупаемых лиц, а не цели подкупа.

Ключевые слова: подкуп, преступление против правосудия, свидетель, потерпевший, истец, эксперт, специалист, переводчик.

Статья 309 УК РФ объединяет в себе два различных состава преступления: подкуп свидетеля, потерпевшего в целях дачи ими ложных показаний либо эксперта, специалиста в целях дачи ими ложного заключения или ложных показаний, а равно переводчика с целью осуществления им неправильного перевода (ч. 1), принуждение свидетеля, потерпевшего к даче ложных показаний, эксперта, специалиста к даче ложного заключения или переводчика к осуществлению неправильного перевода, а равно принуждение указанных лиц к уклонению от дачи показаний, соединенное с шантажом, угрозой убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества этих лиц или их близких (ч. 2).

Представляет интерес первая часть указанной нормы, а также ее четвертая часть, устанавливающая ответственность за квалифицированный состав.

Объективная сторона рассматриваемого состава преступления включает в себя подкуп, который может пониматься как в узком (передача, предоставление), так и в широком (передача, предоставление, обещание) смысле. Из какого понимания подкупа необходимо исходить применительно к данному преступлению? Анализ диспозиции ч. 1 ст. 309 УК РФ показывает, что законодатель не ограничивает подкуп в ст. 309 УК РФ фактом пе-

редачи соответствующих средств. В юридической литературе высказывается точка зрения, согласно которой «обещания передачи предметов подкупа недостаточно для квалификации действий по ч. 1 ст. 309 УК РФ» [1, с. 248]. В обоснование приводится понимание коммерческого подкупа в ст. 204 УК РФ только как передачи денег и т. д. [1, с. 248]. Такое сравнение весьма условно. Абсолютно верно обоснование подкупа в данном случае в широком смысле, которое приводят А. Чучаев и А. Федоров: если достижение соглашения на условиях получения материальных выгод рассматривать как покушение на подкуп, то «с учетом возможности передачи предмета подкупа после совершения указанного в законе деяния подобная рекомендация может создать парадоксальную ситуацию: цель подкупа реализована (например, эксперт дал ложное заключение), но деяние будет признаваться не окончанным преступлением, а лишь покушением на подкуп» [2, с. 11]. В связи с этим правы авторы, которые предлагают анализируемый подкуп понимать как обещание или передачу (предоставление) средств подкупа указанным в статье лицам [3, с. 763].

При оценке данной разновидности подкупа не имеет значения момент передачи средств подкупа.

Важным является то, что лицо было склонено к указанному в уголовном законе деянию (даче ложных показаний, ложного заключения и т. д.), в том числе посредством обещания передачи ценностей и т. д. Самый главный аргумент в пользу этого заключается в том, что в ст. 309 УК РФ устанавливается ответственность за подкуп как таковой, а не за передачу денег, имущества, как в случае с дачей взятки.

Особую составляющую объективной стороны представляют категории подкупаемых лиц: свидетель, потерпевший, эксперт, специалист и переводчик. Их понятие дается в иных отраслях права, например, в ч. 1 ст. 42 и ст. 56–59 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ). Однако законодатель не конкретизирует категорию дела. Указанные лица могут являться участниками не только уголовного судопроизводства, но и гражданских и арбитражных дел, а также дел об административных правонарушениях. Так, в ст. 25.2, 25.6, 25.8–25.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) дается понятие указанных лиц. Однако в ст. 48 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, в ст. 69, 84, 85, 162, 188 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ) и ст. 55, 55.1, 56, 57 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ) говорится о свидетелях, экспертах, специалистах и переводчиках. Понятия потерпевшего в указанных отраслях права нет, а есть понятие истца (ч. 1 ст. 38 Кодекса административного судопроизводства РФ, ч. 2 ст. 44 АПК РФ, ч. 2 ст. 38 ГПК РФ). Кроме того, истец дает не показания, а объяснения (ч. 1 ст. 54, ст. 68 Кодекса административного судопроизводства РФ, ст. 55 ГПК РФ и ст. 64 АПК РФ). Специалист в законодательстве об административном судопроизводстве, арбитражно-процессуальном и гражданско-процессуальном законодательстве дает консультации и пояснения (ст. 50 Кодекса административного судопроизводства РФ, ст. 55.1, 64 АПК РФ, ст. 157, 162, 188, 229 ГПК РФ).

Налицо понятийные нестыковки, которые на практике в ряде случаев по формальным признакам не позволяют квалифицировать деяние лица по ст. 309 УК РФ. Следует отметить, что в юридической науке высказываются предложения по расширению круга подкупаемых лиц за счет подозреваемого, обвиняемого и подсудимого [4, с. 10–11]. Однако такое расширение не будет соответствовать принципам состязательности сторон уголовного процесса, презумпции невиновности лица. Дача ими показаний в свою пользу, пусть даже и ложных, будет являться элементом защиты.

Законодатель не указал в качестве обязательного признака какие-либо последствия. В связи с этим состав данного преступления формальный, поэтому традиционно считается, что рассматриваемый подкуп окончен с момента принятия «лицом, указанным в ч. 1 ст. 309 УК РФ, хотя бы части передаваемых ценностей» [5, с. 23]. Однако важно подчеркнуть, что криминальный подкуп заключается в склонении лица к определенному деянию. Принципиальное значение имеет сговор подкупающего и подкупаемого лица, действительное согласие потерпевшего, свидетеля и других лиц, указанных в ст. 309 УК РФ, на дачу ложных показаний и совершение иных деяний. Дальнейшие действия подкупленного лица не имеют значения. Он может отказаться от сговора, например, в процессе дачи показаний. Лицо также может дать ложные показания в какой-либо форме в условиях подкупа, а затем чистосердечно раскаяться в своем проступке [6].

Подкуп в данной норме по своей сути является подстрекательством к преступлению, ответственность за которое предусмотрена в ст. 307 УК РФ «Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод» [7, с. 766]. Однако данному деянию законодатель придал статус самостоятельного оконченного преступления на стадии совершения самого подстрекательского деяния. В данном случае не требуется квалификации деяния лица со ссылкой на ст. 33 УК РФ. В связи с этим правила квалификации соучастия в преступлении не применяются.

Нельзя признать правильным законодательное решение объединить состав подкупа указанных лиц (ненасильственное воздействие) с их принуждением (насильственное воздействие) к совершению конкретных действий в одной ст. 309 УК РФ. Если сравнить санкции части первой (состав подкупа) и части второй (состав принуждения), то видно, что принуждение является более общественно опасным преступлением: максимальное наказание за подкуп – арест на срок до трех месяцев, а за принуждение – лишение свободы на срок до трех лет. Такое конструктивное решение привело к тому, что в ч. 4 ст. 309 УК РФ одновременно устанавливается ответственность за подкуп и принуждение, «совершенные организованной группой либо с применением насилия, опасного для жизни или здоровья». В данной норме квалифицированные признаки указаны относительно обоих деяний. И то и другое деяние может быть совершено организованной группой. Непонятно, как может быть совершен подкуп свидетеля, потерпевшего, эксперта, специалиста или переводчика с применением насилия, опасного для жизни или здоровья. На наш взгляд, подкуп в этом случае перестает быть таковым и перерастает в принуждение. Подкупа с при-

менением насилия, опасного для жизни или здоровья, о котором говорится в рассматриваемой норме, не может быть. В связи с этим такая законодательная фикция должна быть устранена.

Кроме того, законодатель в ч. 4 ст. 309 УК РФ установил единую санкцию для различных по своей общественной опасности деяний – лишение свободы на срок от трех до семи лет. Оценивая по-разному их общественную опасность в ч. 1 и 2 ст. 309 УК РФ, он почему-то такого различия не делает в ч. 4 ст. 309 УК РФ. Не снимает этой проблемы и разница в четыре года между минимальным и максимальным размером лишения свободы, поскольку санкция едина для обоих деяний.

Выход из сложившейся ситуации заключается в регламентации уголовной ответственности за подкуп свидетеля, потерпевшего, эксперта, специалиста или переводчика и принуждение данных лиц в различных статьях.

Исходя из изложенного в УК РФ целесообразно закрепить понятие ответственности за рассматриваемый подкуп и принуждение в различных статьях Особенной части УК РФ: ст. 309 и 309.1.

Кроме того, вполне очевидно, что рассматриваемая разновидность подкупа может быть совершена и группой лиц по предварительному сговору. На практике такие случаи не являются редкостью [8]. Однако ст. 309 УК РФ не содержит квалифицирующий признак «совершение деяния группой лиц по предварительному сговору». По нашему мнению, его введение в данную норму было бы вполне обоснованно.

Субъективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 309 УК РФ, включает в себя следующие цели: дача ложных показаний свидетелем или потерпевшим, ложного заключения или ложных показаний экспертом или специалистом, осуществление неправильного перевода переводчиком. Наличие той или иной цели определяется в зависимости от того, в отношении кого осуществляется подкуп.

Следует поддержать мнение специалистов, согласно которому в диспозицию ч. 1 ст. 309 УК РФ необходимо включить указание и на другую цель подкупа – отказ от дачи показаний свидетелем или потерпевшим [2, с. 11]. В пользу такого решения говорит смежный состав – ст. 308 УК РФ «Отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний», а также установление ответственности за принуждение к отказу от дачи показаний в ч. 2 ст. 309 УК РФ. Действительно, если законодатель отдельно регламентировал ответственность за подкуп к даче показаний или к неправильному переводу, то логически следовало бы установить ответственность и за подкуп к отказу от дачи показаний. Однако необходимо учесть два момента.

1. В данную статью Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ были внесены изменения, расширившие перечень действий, за отказ от которых может привлекаться к ответственности потерпевший (отказ от прохождения освидетельствования, от производства в отношении его судебной экспертизы в случаях, когда не требуется его согласие, или от предоставления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования).

2. Указанную цель нельзя просто механически включить в ч. 1 ст. 309 УК РФ. Это будет неправомерным с точки зрения соотношения санкций. Так, если санкции ч. 1 ст. 309 и ст. 307 УК РФ идентичны, то санкция ч. 1 ст. 309 УК РФ существенно строже, чем санкция ст. 308 УК РФ.

С учетом этих изменений и должны быть скорректированы признаки субъективной стороны анализируемого состава преступления подкупа.

На основании изложенного мы предлагаем сформулировать ст. 309 УК РФ в следующей редакции:

«Статья 309. Подкуп свидетеля, потерпевшего, истца, эксперта, специалиста или переводчика

1. Подкуп свидетеля, потерпевшего в целях отказа от дачи ими показаний либо потерпевшего в целях его отказа от прохождения освидетельствования, от производства в отношении его судебной экспертизы в случаях, когда не требуется его согласие, или от предоставления образцов для сравнительного исследования –

наказывается штрафом в размере до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до трех месяцев.

2. Подкуп свидетеля, потерпевшего в целях дачи ими ложных показаний либо истца в целях дачи им ложных объяснений, либо эксперта, специалиста в целях дачи ими ложного заключения, ложных показаний или пояснений, а равно переводчика с целью осуществления им неправильного перевода –

наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до трех месяцев.

3. Деяния, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, –

наказываются штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного

дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо арестом на срок от трех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до трех лет».

В предлагаемой редакции скорректировано название статьи – в основу положены категории подкупаемых лиц, а не цели подкупа. Это позволило сформулировать его более лаконично с учетом

сущности деяния. В ч. 1 предлагается санкция, аналогичная санкции ст. 308 УК РФ, в ч. 2 – санкция ч. 1 ст. 309 УК РФ действующей редакции, в ч. 3 – санкция ч. 2 ст. 309 УК РФ действующей редакции. В ч. 3 предлагаемой редакции ст. 309 УК РФ не использована санкция ч. 4 ст. 309 УК РФ действующей редакции, поскольку она является неадекватной применительно к подкупу.

Список литературы

1. Преступления против правосудия / А. Н. Александров [и др.] ; под ред. А. В. Галаховой. М., 2005. 415 с.
2. Чучаев А., Федоров А. Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу // Законность. 2004. № 7. С. 10–11.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева. М., 2003. 352 с.
4. Борисов В. И. Проблемы ответственности за подкуп или принуждение лица, дающего показания, эксперта, специалиста и переводчика в российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2012. 260 с.
5. Зиганшин А. Т. Квалификация преступного противодействия осуществлению правосудия (ст. 309 УК РФ) // Администратор суда. 2009. № 4. С. 22–24.
6. Приговор Мысковского городского суда Кемеровской области от 20 января 2015 г. Дело № 1-9/2015. URL : <http://sudact.ru/regular/doc/2cr3rjEmEM1N> (дата обращения: 15.10.2015).
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. М., 2008. 872 с.
8. Приговор Каменского городского суда Пензенской области от 5 сентября 2013 г. Дело № 1-94/2013. URL : <http://sudact.ru/regular/doc/BPdYUVi3I2g1> (дата обращения: 10.10.2015).

OLEG VALERYEVICH KASHIN,

assistant judge

(Solnechnogorsky town court of the Moscow region),

e-mail: oleg_vk@mail.ru

CRIMINAL LIABILITY FOR BRIBERY OF WITNESS, VICTIM, PLAINTIFFS, EXPERTS, SPECIALISTS OR INTERPRETERS

Annotation: in article questions of criminal liability for bribery of the witness, the victim, the claimant, the expert, the expert or the translator are analyzed. The relevant structures of crimes provided p.1 and h are considered by the author. The 4th Art. 309 of the Criminal code of Russian Federation, establishing responsibility for bribery as a crime against justice.

The conclusion that bribery in Art. 309 of the Criminal code of Russian Federation should be understood in a broad sense (transfer, granting, the promise of means of bribery) is drawn, and at an assessment of this kind of bribery date of transmission of means of bribery doesn't matter.

On the basis of the carried-out analysis it is indicated expediency of fixing of responsibility for bribery of the witness, the victim, the expert, the expert and the translator (nonviolent influence) and their coercion (violent influence) to commission of specific actions in various articles of Special part of the criminal code of Russian Federation. It is offered in number of the bribed persons to include in Art. 309 of the Criminal code of Russian Federation the claimant; to enter the qualifying sign «a group of persons by previous concert»; to differentiate responsibility of the bribing person depending on the act purposes (for the purpose of refusal of evidence and commission of other actions, for the purpose of perjury, explanations, the conclusion, explanations, the wrong translation); to correct the name of this article which basis to be categories of the bribed persons, but not the purposes of bribery.

Key words: bribery, a crime against justice, witness, victim, claimant, expert, expert, translator.

References

1. Prestuplenija protiv pravosudija [Crimes against justice]. A. N. Aleksandrov and others. Under the editorship of A. V. Galahova. Moscow, 2005. 415 p.
2. Chuchaev A., Fedorov A. Podkup ili prinuzhdenie k dache pokazanij ili ukloeniju ot dachi pokazanij libo k nepravil'nomu perevodu [Bribery or coercion to evidence or evasion from evidence or to the wrong translation]. *Zakonnost'* – Legality, 2004, no. 7, pp. 10–11.
3. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii [The comment to the Criminal code of the Russian Federation]. Under the editorship of V. M. Lebedev. Moscow, 2003. 352 p.
4. Borisov V. I. Problemy otvetstvennosti za podkup ili prinuzhdenie lica, dajushhego pokazanija, jeksperta, specialista i perevodchika v rossijskom ugolovnom prave. Dis. kand. jurid. nauk [Problems of responsibility for bribery or compulsion of the person giving evidences, the expert, the expert and the translator in the Russian criminal law. Cand. legal sci. diss.]. Volgograd, 2012. 260 p.
5. Ziganshin A. T. Kvalifikacija prestupnogo protivodejstvija osushhestvleniju pravosudija (st. 309 UK RF) [Qualification of criminal counteraction to justice implementation (Art. 309 of the Criminal code of Russian Federation)]. *Administrator suda – Court administrator*, 2009, no. 4, pp. 22–24.
6. Prigovor Myskovskogo gorodskogo suda Kemerovskoj oblasti ot 20 janvarja 2015 g. Delo № 1-9/2015 [The sentence of Myskovsky city court of the Kemerovo region of January 20, 2015. Business No. 1-9/2015]. Available at: <http://sudact.ru/regular/doc/2cr3rjEmEM1N> (Accessed 15 October 2015).
7. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii [The comment to the Criminal code of the Russian Federation]. Under the editorship of S. V. D'jakov, N. G. Kadnikov. Moscow, 2008. 872 p.
8. Prigovor Kamenskogo gorodskogo suda Penzenskoj oblasti ot 5 sentjabrja 2013 g. Delo № 1-94/2013 [The sentence of Kamensk city court of the Penza region of September 5, 2013. Business No. 1-94/2013]. Available at : <http://sudact.ru/regular/doc/BPdYUVi3I2g1> (Accessed 10 October 2015).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РАЗВИТИЯ

Реферат: задачи по повышению уровня экономической безопасности учреждений уголовно-исполнительной системы (УИС) являются одними из первоочередных в Федеральной службе исполнения наказаний (ФСИН России). Анализ позиций различных авторов, исследовавших проблемы экономической безопасности, сводится к оценке основополагающего критерия – устойчивости. В данном контексте понятие «устойчивость» представляет собой не что иное, как состояние экономической системы, способное достичь равновесия и поддержать его между основными параметрами, определяющими ее функционирование.

Рассматривая обеспечение экономической безопасности УИС, особое внимание следует уделить субъектам ФСИН России, которые по роду своей деятельности отвечают за данную сферу функционирования УИС. Основными субъектами ФСИН России, обеспечивающими экономическую безопасность, являются производственные службы, оперативные подразделения, юридические службы, а также контрольно-ревизионная инспекция.

В УИС ежегодно разрабатываются программы развития приносящей доход деятельности, в которых запланировано выполнение восьми показателей. Они должны ежегодно обеспечивать увеличение количества трудоустроенных осужденных, выполнение норм выработки, рост заработной платы, максимальную загрузку производственных мощностей, улучшение экономических показателей приносящей доход деятельности и снижение уровня кредиторской задолженности.

Конкретным выражением производственных возможностей и обеспечения экономической безопасности каждого предприятия служит его производственная мощность. Повышение эффективности использования производственной мощности – результат технического переоснащения производства, обновления и расширения ассортимента выпускаемой продукции, внедрения на предприятиях УИС комплекса мероприятий по привлечению инвестиций и расширению кооперативных связей, что позволит обеспечить экономическую безопасность на более высоком уровне.

Возможными путями совершенствования экономической безопасности в учреждениях УИС можно назвать: повышение качества анализа контрагентов (деловой репутации); обязательное получение предоплаты в счет предстоящих поставок продукции учреждений ФСИН России; качественное юридическое сопровождение договорной и претензионной работы с поставщиками; совершенствование антикоррупционной деятельности во ФСИН России; совершенствование работ по техническому оснащению производства и расширению выпуска продукции.

Ключевые слова: экономическая безопасность, деловая репутация, коррупция, правовая экспертиза, финансовый контроль, контрагенты, производственная мощность, коэффициент использования производственной мощности, кооперирование производства.

Проблемы экономической безопасности учреждений уголовно-исполнительной системы приобретают все большую актуальность. Современное состояние УИС, а также ее реформирование в контексте развития и интеграции Российской Федерации в мировое сообщество приводит к появлению новых угроз, влекущему за собой необходимость в повышении ее готовности противостоять возникающим угрозам.

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года в качестве приоритетов, способствующих повышению экономической безопасности учреждений УИС, указывает на установление комплекса жестких мер, направленных на искоренение коррупции и должностных злоупотреблений в Федеральной службе исполнения наказаний, а также нарушений в сфере закупок для нужд ФСИН России.

Сущность экономической безопасности рассматривают многие ученые. По мнению В. А. Богомолова, имеющиеся трактовки экономической безопасности могут быть разделены на следующие три группы. Представители первой группы (Л. Абалкин и др.) формулируют понятие экономической безопасности как совокупность условий, защищающих хозяйство страны от внешних и внутренних угроз; второй (В. Сенчагов, Г. Гутман и др.) – связывают экономическую безопасность с таким состоянием экономики страны, которое позволяет защищать ее жизненно важные интересы; третьей (А. Городецкий, А. Архипов и др.) – подразумевают под экономической безопасностью способность экономики обеспечивать эффективное удовлетворение общественных потребностей на межнациональном и международных уровнях [1, с. 11]. Анализ представленных концепций позволяет сделать вывод о том, что обеспечение экономической безопасности, с одной стороны, исходит из интересов объекта, его целей и приоритетов, обеспечивает их реализацию, с другой – требует изучения и понимания состояния внешней и внутренней среды объекта для выявления и предотвращения существующих и потенциальных угроз.

Высшая форма экономической безопасности организации в целом – это ее способность развиваться и работать в условиях постоянно изменяющейся внутренней и внешней среды, что и характеризует ее устойчивость. Понятие «устойчивость» представляет собой состояние экономической системы, которое можно охарактеризовать как способность достижения и поддержания равновесия между основными параметрами, определяющими функционирование этой системы [5, с. 229]. Становится очевидным, что экономическая безопасность не что иное, как стержень, от которого зависит устойчивое функционирование любой системы, в том числе уголовно-исполнительной.

Исследование экономической безопасности неотрывно связано с изучением и анализом субъектов экономической деятельности. В УИС субъектами обеспечения экономической безопасности являются специальные подразделения, единственная или одна из основных функций которых – борьба с экономическими преступлениями в сфере

исполнения наказаний разрешенными в законодательном порядке способами.

Важное место в обеспечении экономической безопасности во ФСИН России занимают производственные службы, оперативные подразделения, юридические службы, а также контрольно-ревизионная инспекция.

В целях обеспечения экономической безопасности исправительных учреждений ФСИН России осуществляется контроль за эффективностью принимаемых мер руководителями территориальных органов ФСИН России. Ежегодно разрабатываются программы развития приносящей доход деятельности федеральных казенных учреждений, связанной с привлечением осужденных к труду (далее – программы), в которых установлены 8 показателей. Запланированные показатели программ должны ежегодно обеспечивать увеличение количества трудоустроенных осужденных, выполнение норм выработки, рост заработной платы, максимальную загрузку производственных мощностей, улучшение экономических показателей приносящей доход деятельности и снижение уровня кредиторской задолженности [3, с. 113].

Контроль за выполнением программ осуществляется управлением организации производственной деятельности и трудовой адаптации осужденных ФСИН России ежеквартально.

Конкретным выражением производственных возможностей и обеспечения экономической безопасности каждого предприятия служит его производственная мощность. Она характеризует максимально возможный годовой объем выпуска продукции в запланированной номенклатуре при полном использовании всех имеющихся экономических ресурсов на основе применения прогрессивной технологии, передовых форм и методов организации труда и производства. В конечном итоге производственная мощность означает способность предприятия производить свою продукцию в течение заданного периода. Ее верхний предел обусловлен наличием производственных площадей, технологического оборудования, трудовых ресурсов, материала и капитала.

Динамика изменения производственных мощностей учреждений УИС и основные показатели эффективности ее использования за период с 2011 по 2014 год представлены в таблице. За анализируемый период объем выпуска продукции увеличился на 5972,5 млн рублей (26,9 %). Этому способствовало увеличение среднегодовой производственной мощности на 8927,6 млн рублей (23,8 %).

При анализе производственной мощности коэффициент ее использования рассчитывается как отношение годового объема выпуска продукции к среднегодовому значению мощности.

АНАЛИЗ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Анализ производственных мощностей учреждений УИС за период с 2011 по 2014 год

№ п/п	Показатели	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
1	Объем выпуска продукции, млн руб.	22 156,9	24 651,1	25 513,5	28 129,4
2	Прирост объемов выпуска продукции к предыдущему году, млн руб. (%)	1686,9 (8,15)	2494,2 (11,25)	862,3 (3,4)	2615,9 (10,25)
3	Среднегодовая производственная мощность, млн руб.	37 361,4	42 317,9	43 481,7	46 289,0
4	Прирост среднегодовой производственной мощности к предыдущему году, млн руб. (%)	1877,1 (5,29)	4956,5 (13,26)	1163,8 (2,75)	2807,3 (6,45)
5	Коэффициент использования производственной мощности ($K_{исп}$), %	59,3	58,25	58,68	60,77
6	Рост $K_{исп}$ к предыдущему году, %	1,61	-1,05	0,43	2,09

В целом за четыре анализируемых года коэффициент использования производственной мощности увеличился на 1,47 %, однако если посмотреть по годам, то значение показателя неустойчиво.

В результате производственно-хозяйственной деятельности территориальных органов УИС и подведомственных им учреждений производственная мощность по выпуску продукции в целом по УИС на 1 января 2015 г. составила 46 477,1 млн рублей.

Увеличение производственной мощности было достигнуто за счет:

- ввода новых и расширения действующих предприятий – на 2214,5 млн руб.;

- реконструкции действующих предприятий – на 62,8 млн руб.;

- технического перевооружения предприятий и проведения организационно-технических мероприятий – на 72,7 млн руб.;

- ввода в эксплуатацию оборудования, взятого в аренду, – на 306,6 млн руб.;

- изменения номенклатуры продукции (уменьшения трудоемкости) – на 1551,5 млн руб.;

- прочих факторов – на 3603,4 млн руб.

Уменьшение производственной мощности в учреждениях УИС произошло:

- в связи с изменением номенклатуры продукции (увеличения трудоемкости) – на 1210,0 млн руб.;

- выбытием (ветхостью, исчерпанием запасов) – на 1519,8 млн руб.;

- прочими факторами – на 3424,5 млн руб.

В 2014 г. 51 территориальный орган УИС из 77 использовал производственную мощность на 58 % и более.

Повышение эффективности использования производственной мощности – результат технического переоснащения производства, обновления и расширения ассортимента выпускаемой продукции, внедрения на предприятиях УИС комплекса мероприятий по привлечению инвестиций и расширению кооперированных связей [4, с. 131].

Вместе с тем для выявления угроз экономической безопасности производственных подразделений УИС недостаточен мониторинг изменения указанных выше показателей по годам за отчетный или планируемый период. Такой мониторинг дает представление о ситуации только в терминах «лучше», «хуже», но не дает ответа на вопрос «насколько плохо», то есть не показывает, насколько ситуация кризисная, каков уровень угрозы экономической безопасности. Для этого необходимо сравнение фактических и плановых данных с какими-либо нормативными значениями, четко определяющими параметры кризисной ситуации.

В современных условиях предприятиям УИС предстоит найти эффективные пути ускорения экономического развития на базе обновления всей системы управления [2, с. 103]. Эти меры позволят увеличить основные экономические показатели и будут способствовать обеспечению экономической безопасности деятельности органов и учреждений УИС.

Основным направлением работы оперативных подразделений ФСИН России является осуществление деятельности по противодействию коррупции и проверке контрагентов. Актуальность проблемы борьбы с коррупцией не вызывает сомнений. Среди основных видов коррупционных правонарушений, совершаемых сотрудниками УИС, можно назвать: злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), получение взятки (ст. 290), дача взятки (ст. 291), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ). Рассматривая указанные коррупционные правонарушения, следует отметить, что большая часть из них повлияла на рациональное использование бюджетных средств, вызвав их перерасход (в частности, заключение государственных контрактов по завышенным ценам), а следовательно, снизив уровень экономической безопасности УИС в целом.

Проверка контрагентов начинается с анализа общей информации о нем на основании сведений:

о его действительном местонахождении, об организационно-правовом состоянии, о финансово-экономическом состоянии, об управленческом персонале, о коммерческих связях, деловой репутации. Особое внимание следует уделить проверке добросовестности поставщика, для этого необходимо обратиться в «реестр недобросовестных поставщиков», который ведется Федеральной антимонопольной службой (ФАС России). Данный реестр содержит сведения о неблагонадежных участниках закупок, которые:

- уклонились от заключения контракта;
- расторгли контракт с поставщиком (подрядчиком, исполнителем) по решению суда в связи с существенным нарушением ими условий контракта;
- в одностороннем порядке отказались от исполнения контракта в связи с существенным нарушением поставщиком (подрядчиком, исполнителем) условий контракта.

Юридические службы осуществляют правовую экспертизу государственных контрактов и договоров, направленную на их изучение и правовую оценку на предмет соответствия нормам действующего законодательства Российской Федерации и интересам ФСИН России. Некачественно проведенная правовая экспертиза может принести для учреждений ФСИН России значительные потери в финансовой сфере. Контрольно-ревизионная инспекция осуществляет контроль за финансовой деятельностью организаций, входящих в УИС. Основными задачами ведомственного финансового контроля в рамках обеспечения экономической безопасности учреждений УИС являются:

- контроль за соблюдением государственной дисциплины при использовании бюджетного финансирования, материальных и трудовых ресурсов, правильным и своевременным обеспечением персонала УИС положенными видами

довольствия и заработной платой, пенсионным обеспечением и социальным обслуживанием уволенных сотрудников ФСИН России и членов их семей, законностью финансовых и хозяйственных операций, наличием и движением имущества, обеспечением сохранности материальных и денежных средств;

- контроль за состоянием финансового и бухгалтерского учета, формированием достоверной и полной информации о финансовых результатах деятельности подразделений ФСИН России, необходимой для оперативного руководства и управления, организацией работы по профилактике финансовых нарушений.

Координацию деятельности указанных субъектов в сфере экономической безопасности в УИС осуществляет ФСИН России.

С целью совершенствования экономической безопасности в учреждениях УИС необходимо:

- при работе с контрагентами проводить тщательный анализ сторонних организаций с целью проверки их деловой репутации;
- производить предоплату только в обмен на юридические гарантии. Это самая надежная безопасная финансовая схема расчетов по крупным и периодическим поставкам;
- при малейшем нарушении договорного обязательства либо появлении сведений, что оно не будет выполнено в срок, не отказываясь от мирных переговоров (переписки), подключать юридическую службу и готовить документы в суд;
- продолжить развитие антикоррупционного направления в деятельности учреждений и органов УИС;
- проводить работу по техническому перевооружению производства, обновлению и расширению ассортимента выпускаемой продукции, расширению кооперированных связей.

Список литературы

1. Экономическая безопасность России : учебник / под ред. В. К. Сенчагова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2012. 815 с.
2. Бармашов В. И. Использование интеллектуального потенциала осужденных к лишению свободы в целях совершенствования их трудовой адаптации // Человек: преступление и наказание. 2014. № 1. С. 103–105.
3. Буранова Е. А. К вопросу о показателях экономической безопасности учреждений УИС // Научное обозрение. Сер. 1. Экономика и право. 2014. № 4. С. 113–115.
4. Буранова Е. А., Русанов Д. Н. Основные показатели экономической безопасности объекта УИС // Человек: преступление и наказание. 2015. № 1. С. 129–133.
5. Буранова Е. А., Русанов Д. Н. Оценка ликвидности как неотъемлемая часть анализа экономической безопасности хозяйствующего субъекта // Четвертая Международная конференция по экономическим наукам : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Вена, 20 нояб. 2014 г.). Вена, 2014. С. 229–232.

ELENA ANATOL'EVNA BURANOVA,

phd in economy, associate professor deputy head, economics and management department,
e-mail: buranova_ea@mail.ru;

NIKOLAJ NIKOLAEVICH KUTAKOV,

phd in law, lecturer, accounting, analysis, finance and taxation department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: kutakov.n.n@mail.ru

ECONOMIC SECURITY IN PENAL ESTABLISHMENTS: PROBLEMS AND WAYS OF DEVELOPMENT

Annotation: policies for improving the economic security of the penal establishments are among the priorities in the Federal Penal Service of the Russian Federation. The analysis of the positions of the various authors who have studied the problem of economic security, are reduced to the estimation of the fundamental criteria to assess its level – sustainability. In this context, the concept of «sustainability» is nothing more than a state of the economic system that can achieve and maintain a balance between key parameters that determine its functioning.

Considering the economic security of the penal system, special attention should be paid to the subjects of the Federal Penal Service of Russia, that by the nature of their activities are responsible for this area of functioning of the penal system. The main subjects of the Federal Penal Service of Russia, providing economic security are the operational units, legal services, as well as the Audit Inspectorate.

On the part of the penal system programs concerning income-generating activities are developed annually, in which the execution of eight indicators is planned. Planned indicators programs should provide annual increase in the number of employed convicts, execution of work norms, wage growth, maximum capacity utilization, improving economic indicators which perform income-generating activities and reduction in payable accounts.

Concrete expression of the productive capacity and economic security of every enterprise is its production capacity. Improved utilization of production capacity is the result of technical re-equipment of production, renovation and expansion of the range of products, the introduction in the penal enterprises the set of measures to attract investment and expand cooperative relationships that will provide economic security at a higher level. Possible ways of improving economic security in the penal establishments include: improving the quality of the analysis of counterparties (stability); obligatory receipt of payment for the future delivery of products of the penal establishments in Russia; quality legal support contract and claims work with suppliers; improvement of anti-corruption activities in the Federal Penal Service of Russia; improvement of works on the technical equipment of production and the expansion of production.

Key words: economic security, stability, goodwill, corruption, legal expertise, financial control, accounts, production capacity, capacity utilization, range and variety of products, co-production.

References

1. Senchagova V. K. Jekonomicheskaja bezopasnost' Rossii [Economic Security in Russia]. Moscow, 2012. 815 p.
2. Barmashov V. I. Ispol'zovanie intellektual'nogo potenciala osuzhdennyh k lisheniju svobody v celjah sovershenstvovaniya ih trudovoj adaptacii [The use of the intellectual potential of persons sentenced to imprisonment in order to improve their labor adaptation]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2014, no. 1, pp. 103–105.
3. Buranova E. A. K voprosu o pokazateljah jekonomicheskoy bezopasnosti uchrezhdenij UIS [On the question of indicators of economic security institutions FPS]. Nauchnoe obozrenie. Serija 1. Jekonomika i pravo – Scientific Review. Series 1. Economics and Law, 2014, no. 4, pp. 113–115.
4. Buranova E. A., Rusanov D. N. Osnovnye pokazateli jekonomicheskoy bezopasnosti ob'ekta UIS [Key indicators of economic safety of the facility of penal system]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2015, no. 1, pp. 129–133.
5. Buranova E. A., Rusanov D. N. Ocenka likvidnosti kak neot'emlemaja chast' analiza jekonomicheskoy bezopasnosti hozjajstvujushhego sub'ekta [Evaluation of liquidity as an integral part of the analysis of the economic security of the business entity]. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Chetvertaja mezhdunfrodnaja konferencija po jekonomicheskim naukam» [Proc. the International Scientific Conference «The Fourth International Conference on Economic Sciences»]. Vienna, 20 November, 2014, pp. 229–234.

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УЧЕТА ДВИЖЕНИЯ ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Реферат: в статье рассмотрены актуальные аспекты учета и движения объектов основных средств, имеющих наибольший удельный вес в общей доле всех активов предприятий исправительных учреждений.

К объектам основных средств относятся материальные объекты имущества независимо от их стоимости со сроком полезного использования более 12 месяцев, предназначенные для неоднократного или постоянного использования на праве оперативного управления в процессе деятельности предприятия при выполнении им работ, оказании услуг, осуществлении государственных полномочий (функций) либо для управленческих нужд предприятия, находящиеся в эксплуатации, запасе, на консервации, сданные в аренду, полученные в лизинг (сублизинг). Проанализированы вопросы принятия к учету основных средств, начисления амортизации и их списания с документальным оформлением данных операций.

Ключевые слова: основные средства, бухгалтерский учет, амортизация, документы, бухгалтерская проводка, оприходование, списание.

Основные средства занимают наибольший удельный вес в общей доле всех активов предприятий и играют важную роль в осуществлении их деятельности.

Материальные объекты имущества, за исключением периодических изданий, составляющие библиотечный фонд предприятия, принимаются к учету в качестве основных средств независимо от срока их полезного использования.

В соответствии с Федеральным законом от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» факт совершения хозяйственной операции подтверждается первичным учетным документом, имеющим юридическую силу. Оприходование основных средств осуществляется на основании товарных и товарно-транспортных накладных. Накладная служит основанием для списания товарно-материальных ценностей у грузоотправителя и оприходования их у грузополучателя. Накладные должны быть надлежащим образом оформлены с заполнением всех необходимых реквизитов и иметь соответствующие подписи и печати.

Объекты основных средств принимаются к бюджетному учету по их первоначальной стоимости. Первоначальной стоимостью объектов основных средств признается сумма фактических вложений в приобретение, сооружение и изготовление объектов основных средств с учетом сумм налога

на добавленную стоимость, предъявленных предприятию поставщиками и подрядчиками [1].

Первоначальную стоимость на момент приобретения формируют суммы фактических вложений учреждения:

- уплачиваемые поставщику по договору поставки;
- уплачиваемые за информационные и консультационные услуги, связанные с приобретением объекта основных средств;
- регистрационных сборов, государственных пошлин;
- таможенных пошлин;
- вознаграждений, которые уплачиваются посредническим организациям за услуги по приобретению объектов основных средств;
- затрат по доставке объектов основных средств до места их использования, включая расходы по страхованию доставки;
- других затрат, которые непосредственно связаны с приобретением объектов основных средств.

Принятие объектов основных средств к учету в учреждениях УИС, оформление первичных учетных документов на поступающие основные средства осуществляется комиссией учреждения по поступлению и выбытию объектов основных средств. Состав комиссии утверждается приказом начальника с включением в ее состав лиц, обладающих необходимыми знаниями и навыками для

оценки технического состояния объектов и соответствия их технологическим требованиям по эксплуатации объектов. В акте приема-передачи основных средств указывается срок полезного использования объекта. Приемочная комиссия определяет также техническое состояние и комплектность объекта, его наименование, год выпуска предприятием-изготовителем или год постройки, первоначальную стоимость и другие сведения, позволяющие вести аналитический учет объекта в соответствии с целевым назначением [2]. Все эти данные отражаются в составляемом акте приемки, к которому прилагается необходимая техническая документация (чертежи, технический паспорт, руководство по эксплуатации и др.).

Причинами поступления основных средств являются:

- принятие к учету объектов основных средств по первоначальной стоимости, сформированной при их приобретении, изготовлении хозяйственным способом, или стоимости работ по их достройке, реконструкции, модернизации, дооборудованию;

- принятие к учету вновь построенных зданий, сооружений;

- принятие к учету объектов основных средств по первоначальной стоимости, сформированной при безвозмездном получении.

Безвозмездное получение и передача объектов основных средств на предприятии осуществляется по балансовой (фактической) стоимости объектов учета в случае:

- принятия к учету по сформированной стоимости безвозмездно полученных объектов основных средств;

- оприходования излишков основных средств, выявленных при инвентаризации, по рыночной стоимости;

- принятия к учету объектов основных средств, поступивших в натуральной форме при возмещении ущерба, причиненного виновным лицом;

- принятия к учету лизингового имущества, поступившего лизингополучателю, учитываемого в соответствии с договором на балансе лизингополучателя.

Если принимается к учету объект, бывший в употреблении, то балансовую стоимость необходимо скорректировать на сумму накопленной амортизации по данным объектам.

Таким образом, первоначальной стоимостью основных средств признается сумма фактических затрат предприятия по приобретению, сооружению или изготовлению объектов.

К фактическим затратам принято относить:

- суммы, уплачиваемые в соответствии с договором поставщику (продавцу);

- суммы, уплачиваемые организациям за осуществление работ по договору строительного подряда и иным договорам;

- суммы, уплачиваемые организациям за информационные, консультационные, посреднические услуги, связанные с приобретением основных средств;

- регистрационные сборы, государственные пошлины и другие аналогичные платежи, произведенные в связи с приобретением (получением) прав на объект основных средств;

- таможенные пошлины;

- затраты по доставке объектов основных средств до места их использования, включая расходы по страхованию доставки;

- иные затраты, непосредственно связанные с приобретением, сооружением и изготовлением объекта основных средств.

Каждому объекту, кроме объектов стоимостью до 3 тыс. рублей включительно, а также библиотечного фонда, драгоценностей и ювелирных изделий, несмотря на их стоимость, независимо от того, находится ли он в эксплуатации, в запасе или на консервации, присваивается уникальный инвентарный порядковый номер. Инвентарная карточка учета основных средств составляется ответственным работником бухгалтерии в одном экземпляре. В карточке указываются характерные признаки объектов: инвентарный номер, модель, тип, марка, заводской номер, дата выпуска (изготовления), дата и номер акта ввода основных средств в эксплуатацию, сведения об амортизации и др. [1]

В бухгалтерском учете приобретение объектов основных средств отражается следующими проводками:

1. Принятие к учету основного средства путем расчетов с подотчетным лицом Дт 1 10631 310 (1 10134 310) Кт 1 20831 660 (1 10631 410).

2. Принятие к учету транспортного средства с амортизацией путем безвозмездного поступления в порядке централизованных поставок Дт 1 10135 310 (1 30404 310) Кт 1 30404 310 (1 10435 410).

3. Принятие к учету машин и оборудования путем безвозмездного поступления в централизованном порядке Дт 1 10134 310 Кт 1 30404 310.

4. Принятие к учету основного средства путем расчетов с поставщиками и подрядчиками Дт 1 10134 410 (1 10631 410) Кт 1 10631 410 (1 30231 730).

Амортизация основных средств – систематическое распределение стоимости актива на протяжении срока его полезного использования. Амортизация – это постепенное перенесение стоимости амортизируемого имущества по мере его физического и морального износа на расходы предприятия. ФГУП ФСИН России начисляет амортизацию на объекты основных средств по правилам, установ-

ленным Инструкцией, утвержденной приказом Минфина России от 1 октября 2012 г. № 157н:

1. Используется линейный способ начисления амортизации.

2. В течение финансового года амортизация начисляется ежемесячно в размере 1/12 годовой суммы.

3. В течение срока полезного использования основного средства начисление амортизации не приостанавливается.

4. Начисление амортизации начинается с первого числа месяца, следующего за месяцем принятия основного средства к бухгалтерскому учету.

5. Начисление амортизации прекращается с первого числа месяца, следующего за месяцем полного погашения стоимости основного средства или за месяцем его выбытия с бухгалтерского учета.

6. Начисление амортизации не производится свыше 100 % стоимости амортизируемого объекта.

На основные средства стоимостью до 3 тыс. руб. включительно, за исключением библиотечного фонда и недвижимого имущества, амортизация не начисляется. Начисление амортизации в течение срока полезного использования основного средства не приостанавливается, кроме случаев:

– перевода основного средства по решению руководителя организации на консервацию на срок более 3 месяцев;

– в период восстановления объекта, продолжительность которого превышает 12 месяцев.

Подтверждением перевода объекта основных средств на консервацию является акт о консервации объектов основных средств, который оформляется комиссией, созданной приказом начальника учреждения.

В случаях, когда основное средство принято к учету и введено в эксплуатацию в одном месяце, начисление 100 % амортизации происходит в этом же месяце, а именно на дату ввода в эксплуатацию, иными словами, если указанный объект вводится в эксплуатацию в месяце принятия его к учету, то амортизация по нему начисляется в этом же месяце, а не в следующем.

Основными показателями, необходимыми для расчета амортизации основного средства, являются его стоимость и норма амортизации, которая рассчитывается исходя из срока полезного использования амортизируемого основного средства.

По общему правилу расчет амортизации должен производиться исходя из балансовой стоимости основного средства согласно п. 85 Инструкции № 157н.

Остаточная стоимость основного средства используется для расчета амортизации в следующих случаях:

– когда в результате проведенной достройки, дооборудования, реконструкции, модернизации

или частичной ликвидации основного средства изменились его первоначально принятые нормативные показатели функционирования, что повлекло за собой изменение срока полезного использования. В данном случае начиная с месяца, в котором был изменен срок полезного использования, амортизация рассчитывается исходя из остаточной стоимости основного средства и оставшегося на дату изменения срока полезного использования (п. 85 Инструкции № 157н) – если объект был принят на учет с ранее начисленной амортизацией. В таком случае расчет амортизации производится исходя из остаточной стоимости амортизируемого объекта на дату его принятия к учету и нормы амортизации, исчисленной исходя из оставшегося срока полезного использования на дату его принятия к учету (п. 85 Инструкции № 157н). При этом под остаточной стоимостью основного средства на соответствующую дату понимается его балансовая стоимость, уменьшенная на сумму начисленной на соответствующую дату амортизации, а под оставшимся сроком полезного использования на соответствующую дату – срок полезного использования амортизируемого основного средства, уменьшенный на срок его фактического использования на соответствующую дату.

В бухгалтерском учете начисление амортизации и выбытие объектов основных средств отражается следующими проводками:

1. Начислена амортизация на сооружения
Дт 1 40120 271 Кт 110413410.

2. Начислена амортизация на машины и оборудование, используемые при изготовлении готовой продукции, выполнении работ, оказании услуг
Дт 1 10971 271 Кт 1 10434 410.

3. Передача в эксплуатацию оборудования со склада с начислением амортизации 100 %
Дт 1 10134 310 (1 40120 271) Кт 1 10134 310 (1 10434 271).

4. Передача в эксплуатацию основного средства стоимостью менее 3000 руб. с одновременным списанием на забалансовый счет
Дт 1 40120 271 321 Кт 1 10134 271.

5. Списано основное средство в сумме начисленной амортизации
Дт 1 10434 410 Кт 1 10134 410.

Определение целесообразности, пригодности дальнейшего использования объекта основных средств, возможности и эффективности его восстановления, а также оформление документации при принятии решения о списании объектов на предприятии возлагается на комиссию по принятию и выбытию объектов основных средств.

Решение о списании (выбытии) объектов основных средств выносит собственник (орган исполнительной власти или местного самоуправления, уполномоченный осуществлять управление

имуществом публично-правового образования) по представлению комиссии учреждения по результатам проведения следующих мероприятий:

– осмотр объекта, определение его технического состояния и возможности дальнейшего использования по назначению исходя из необходимой технической документации на этот объект (например, паспорт транспортного средства, инструкция по эксплуатации и т. п.), данных бюджетного учета;

– установление факта непригодности объекта к восстановлению и дальнейшему использованию или нецелесообразности дальнейшего использования или ремонта;

– установление причины списания (выбытия) объекта: износ физический, моральный, авария, нарушение условий эксплуатации, низкое качество ремонта, другие конкретные причины;

– выявление лиц, по вине которых произошло преждевременное выбытие объекта;

– определение возможности использования отдельных узлов, деталей, конструкций и материалов выбывающего объекта в деятельности учреждения и их оценка исходя из текущей рыночной стоимости;

– составление актов на списание объектов основных средств.

По результатам проверки для согласования решения о списании основных средств комиссия комплектуется пакет документов, представляемый собственнику имущества (уполномоченному им органу власти) и включающий в себя:

– акт о списании объекта основных средств (кроме автотранспортных средств) (ф. 0306003, унифицированная форма № ОС-4); акт о списании автотранспортных средств (ф. 0306004, унифицированная форма ОС-4а); акт о списании групп объектов основных средств (ф. 0306033, унифицированная форма ОС-4б);

– акт о списании мягкого и хозяйственного инвентаря (ф. 0504143);

– акт о списании исключенной из библиотеки литературы (ф. 0504144).

Представляются также документы, перечень которых определяется в зависимости от вида предполагаемого к списанию основного средства.

1. Для всех видов основных средств:

– копия приказа начальника предприятия о создании постоянно действующей комиссии, наделенной полномочием оформления решения о списании основных средств;

– копия инвентарной карточки учета основных средств;

– справка о балансовой стоимости основного средства;

– сопроводительное письмо;

– выписка из реестра федерального имущества (государственного имущества субъекта Российской Федерации, муниципального имущества), которой подтверждается, что федеральное имущество (имущество субъекта Российской Федерации, муниципальное) внесено в указанный реестр; иные документы, предусмотренные порядком принятия решения о списании имущества.

2. Для транспортных средств:

– копия технического паспорта транспортного средства;

– копия свидетельства о государственной регистрации транспортного средства;

– сведения о прохождении последнего техосмотра.

3. Для недвижимого имущества – копии технических паспортов бюро технической инвентаризации.

В случае списания объектов основных средств, выбывших вследствие аварии, кроме перечисленных выше документов, прилагаются копия акта об аварии и экспертное заключение о техническом состоянии объекта; справка о стоимости нанесенного ущерба [2].

При списании основного средства в случае хищения, террористического акта, нанесения ущерба дополнительно прилагаются:

– копия постановления о возбуждении уголовного дела и документы о принятии мер по защите интересов предприятия или возмещению причиненного ущерба;

– копия приказа о принятии мер в отношении виновных лиц (работников учреждения), допустивших повреждение объекта основных средств, копия справки о возмещении ущерба виновными лицами.

Первый экземпляр актов о списании основных средств передается в бухгалтерию, второй – остается у лица, ответственного за сохранность объектов основных средств, и является основанием для сдачи на склад и реализации материальных ценностей и металлолома, оставшихся в результате списания. Материальные запасы, полученные предприятием вследствие ликвидации основных средств, принимаются к бюджетному учету по текущей рыночной стоимости на дату принятия к учету. Ответственность за результаты работы комиссии по списанию и выполнение всех мероприятий несет ее председатель и начальник ФГУП ФСИН России; ответственность за полноту и достоверность информации в документах, правильность заполнения документов и актов списания основных средств – лицо, составившее и подписавшее данные документы.

Таким образом, бухгалтерский учет основных средств в учреждении является одним из сложных участков учета в связи с постоянно меняю-

щимся законодательством и принятием новых нормативных документов, поэтому главным задачами бухгалтерского учета основных средств являются правильное документальное оформление и своевременное отражение в учетных регистрах поступления основных средств, находящихся в государственной или муниципальной

собственности, их внутреннего перемещения и выбытия, правильное исчисление и отражение в учете суммы износа и амортизации основных средств, точное определение результатов при ликвидации основных средств, контроль за затратами на ремонт основных средств, за их сохранностью и правильным использованием.

Список литературы

1. Вахрушина М. А. Бюджетный учет и отчетность : учеб. пособие. М., 2011. 281 с.
2. Загарских В. В. Бюджетный учет в учреждениях и органах УИС : практикум. Киров, 2012. 71 с.

NATALYA VLADIMIROVNA ROZHKOVA,

phd in economy,
professor, department of accounting, analysis, finance and taxation
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: tasha794@rambler.ru

RELEVANT ASPECTS OF THE ACCOUNTING MOVEMENTS OF FIXED ASSETS IN PRISONS

Annotation: the article considers the topical aspects of accounting and movement of fixed assets in correctional institutions that currently have acquired the most important and relevant, as the fixed assets take the largest share in the total share of all assets of these institutions.

To property, plant and equipment are tangible items of property, regardless of cost, with useful life exceeding 12 months intended for repeated or permanent use on the basis of operational management in the course of business enterprises in the fulfilment of works, rendering of services, the exercise of state powers (functions) or for management needs of the enterprise in operation, a stock, on preservation, leased, obtained in the leasing (subleasing). This article analyzes the issues of recognition of fixed assets, depreciation and write-off with regard to documenting of these transactions.

Key words: fixed assets accounting, depreciation, documents, journal entry posting, write-off.

References

1. Vahrushina M. A. Bjudzhetnyj uchet i otchetnost' [Budget accounting and reporting]. Moscow, 2011. 281 p.
2. Zagarskih V. V. Bjudzhetnyj uchet v uchrezhdenijah i organah UIS [Budgetary accounting in the institutions and bodies of the penal system]. Kirov, 2012. 71 p.

ЦЕЛИ ТРУДА В СИСТЕМЕ ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ

Реферат: в статье поставлена задача декомпозиции целей труда осужденных с различных точек зрения: социальной, экономической и карательной. Выделение данных укрупненных блоков позволяет совместить представления о роли сознательной трудовой деятельности в укреплении человеческого потенциала, восстановлении социальной справедливости, удовлетворении материальных потребностей общества, а также возмездии за совершенные противоправные деяния.

В основу исследования было положено сопоставление результатов теоретического анализа научных источников, содержащих исследования ученых-пенитенциаристов дореволюционного, советского и постсоветского периода, с выводами авторского социологического обследования на предмет уточнения мнений сотрудников уголовно-исполнительной системы по поводу роли и места труда в современной системе исполнения наказаний.

Авторская позиция заключается в том, что ключевые цели трудовой деятельности в местах лишения свободы в процессе эволюции отношений между государством и осужденными в сущности не претерпели изменений, однако трансформация социально-экономических отношений в период либеральных преобразований привела к смене приоритетов. В отличие от советского периода, когда общественно полезная деятельность была основой воспитания «в духе коммунизма», в настоящее время труд рассматривается с прагматических позиций – как средство возмещения ущерба потерпевшим и компенсации затрат государства на содержание исправительных учреждений. Современные социальные цели в основном отражают стремление к формированию в местах лишения свободы трудового потенциала в краткосрочной перспективе – дисциплинирование, привитие первичных навыков работы в коллективе, получение рабочей профессии без привязки к требованиям рынка труда. При этом тревожным сигналом является достаточно частая ассоциация труда с карой, что, безусловно, не может благоприятствовать формированию позитивного отношения к труду у самих осужденных. В связи с этим позитивные сдвиги в процессе целеполагания и достижения поставленных целей труда видятся в развитии комплексных научных исследований социально-трудовой проблематики в местах лишения свободы, а также эффективной практической реализации теоретических концепций современной экономики труда в деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, лишение свободы, осужденные, социально-трудовые отношения, труд осужденных, цели труда, исправление, воспитание, кара, принуждение к труду.

Специфика осужденных, объединившихся (часто против своей воли) в местах лишения свободы и имеющих кардинальные различия во взглядах, интересах и моральных ценностях, актуализирует необходимость грамотного регулирования взаимоотношений внутри данной социально-экономической системы с целью поддержания нормальных условий развития общества. Более полумиллиона преступников, находящихся в узких рамках исправительных учреждений (ИУ), в концентрированной форме отражают все деформации человеческого поведения и при грамотном анализе могут служить точным индикатором социальных трансформаций.

Особую сферу отношений в местах лишения свободы составляют социально-трудовые отноше-

ния. Важность государственного регулирования трудовой занятости осужденных обуславливается не только внутренними соображениями безопасности. Она становится ощутимой во время экономических кризисов и нестабильности. В эти периоды имманентные рынку труда безработица, материальная и имущественная дифференциация, социальные конфликты, теневые отношения, коррупция в условиях экономической нестабильности многократно обостряются, приобретая как социальный, так и политический характер [1].

Государство заинтересовано не только в восстановлении социальной справедливости по отношению к самому себе и потерпевшим гражданам. Возмещение вреда, причиненного в ходе противоправных действий, вкпе с компенсацией затрат на

содержание преступников в ИУ, безусловно, актуально, но куда более важными и масштабными видятся цели исправления людей, отступивших от моральных ценностей и правовых порядков государства, в возвращении их к честной трудовой жизни. Исправление предполагает, что осужденный в процессе отбывания наказания должен изменить свою собственную природу, причем сознательно и в соответствии с общественными морально-этическими ценностями и правовыми порядками. В этом случае он будет способен свободно и достойно жить в условиях сложившихся общественных отношений. Между тем содержание цели исправления остается одним из дискуссионных вопросов [2]. В статье мы сосредоточимся на рассмотрении исправления с социально-трудовых позиций.

Формулировка целей труда осужденных

Исследования социально-трудовых отношений в местах лишения свободы, несмотря на специфику и закрытость данной проблематики, имели место как в дореволюционной России, так и в советский период. С начала 60-х годов XX века начинает развиваться исправительно-трудовая педагогика как новая отрасль знания, в которой одним из важных аспектов являлось формирование у осужденных позитивной трудовой мотивации [3].

На основе изучения литературы данных периодов нами была сделана попытка проследить эволюцию представлений о целях труда в местах лишения свободы. В частности, было выделено девять целей, сгруппированных в три укрупненных блока:

1. Социальный блок:

С1 – получение осужденными рабочей профессии для последующего трудоустройства по истечении срока отбывания наказания;

С2 – избавление от праздного образа жизни, привитие интереса к созидательной деятельности;

С3 – привитие навыков работы в коллективе, дисциплинирование;

С4 – лечение и профилактика физических и психических заболеваний.

2. Экономический блок;

Э1 – удовлетворение потребностей общества в материальных благах;

Э2 – возмещение ущерба потерпевшим от преступлений;

Э3 – возмещение затрат государства на содержание осужденных в ИУ;

Э4 – решение задач развития, поставленных перед ИУ.

3. Карательный блок

К1 – карательное воздействие как наказание за совершенное преступление.

Рассмотрим более подробно каждую из представленных целей, сопоставляя различные литературные источники, а затем представим современную точку зрения по этому вопросу на основе анализа результатов социологического обследования, проведенного нами в 2014–2015 гг. среди сотрудников учреждений и органов УИС, имеющих отношение к сфере организации трудовой адаптации осужденных в местах лишения свободы.

Социальные цели труда

Получение осужденными рабочей профессии для последующего трудоустройства по истечении срока отбывания наказания

Принято считать, что содержательный труд побуждает осужденных к обучению, совершенствованию своего профессионального мастерства, стимулирует творческую активность. Первый Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (1924 г.) прямо указывал на эту цель: «Занятие заключенных работами имеет воспитательно-исправительное значение, ставя своей целью приучить их к труду и, обучив какой-либо профессии, дать им тем самым возможность по выходе из мест заключения жить трудовой жизнью» [4].

Воспитательная ценность производительного труда тем более повышается, чем более этот труд основан на применении полученных теоретических знаний. В свою очередь, не подкрепленное теоретическими знаниями поверхностное ознакомление осужденного с производственным процессом не оказывает необходимого воспитательного воздействия, удерживает работника на стадии «одушевленного орудия».

Избавление от праздного образа жизни, привитие интереса к созидательной деятельности

Объективной предпосылкой формирования и поддержания заинтересованности работника в трудовом процессе является его содержательность и целесообразность. М. Ф. Прянишников в процессе теоретических исследований предостерегал от формального подхода к организации труда в местах лишения свободы: «Сплошь и рядом, чтобы занимать арестантов какой бы то ни было работой, придумывали расчистку никому не нужного места, устройство спуска с горы, с которой никому и не для чего спускаться» [5, с. 53].

Осужденный, занятый интересной и творческой работой, может сосредоточить все свое внимание на предмете собственного творчества, которое и отвлекает его от преступных замыслов. Однако, как показывает практика, именно на основе подобных «творческих мастерских» главным образом возникают очаги нелегального производства продукции, генерирующие теневые экономические отношения в ИУ.

Привитие навыков работы в коллективе, дисциплинирование

И. Г. Константинов подчеркивал необходимость воспитания у осужденного трудолюбия – морального качества, характеризующегося позитивным отношением к труду и выражающегося в повышенной активности, добросовестности, усердии, стремлении достигнуть в процессе труда высоких количественных и качественных показателей [6, с. 113].

Анализируя статистику о трудовом прошлом преступников, А. Б. Сахаров отмечал, что «человек, не приобщенный к труду, стоящий в стороне от трудового коллектива, хуже усваивает необходимые навыки, труднее приобретает надлежащую социальную установку...» [7, с. 122–123]. Неслучайно в советский период политико-воспитательная работа с осужденными строилась на идеях А. С. Макаренки: «Только участие в коллективном труде позволяет человеку выработать правильное нравственное отношение к другим людям – родственную любовь и дружбу по отношению ко всякому трудящемуся, возмущение и осуждение по отношению к лентяю, к человеку, уклоняющемуся от труда» [8, т. 4, с. 397].

Лечение и профилактика физических и психических заболеваний

Посильный, рационально подобранный и организованный труд является эффективным средством лечения при ряде физических и психических заболеваний. Я. З. Бернштейн писал: «Труд является целительным бальзамом для всей массы заключенных вообще, так как условия заточения до известной степени подтачивают здоровье человеческого организма, и в частности, что особенно важно, для невротиков, составляющих 75 % всех заключенных» [9, с. 40–41].

В ряде исследований, подтверждающих вышесказанную позицию, приводятся факты лечения туберкулезных больных вовлечением их в посильные трудовые процессы, а также указываются случаи преодоления психопатических черт у осужденных под воздействием соответствующего трудового режима.

Экономические цели труда

Удовлетворение потребностей общества в материальных благах

В наибольшей степени сформулированная цель имманентна советскому периоду развития пенитенциарной системы: труд осужденных рассматривался как часть совокупного общественного труда, а осужденный, занятый на производстве, – как элемент «совокупного рабочего». Действовало следующее положение: если заключенный здоров, он должен работать, должен быть занят общественно необходимым производительным трудом.

Существовало и обратное мнение. А. П. Чехов под впечатлением посещения острова Сахалин критически высказывался против стремления опредметить, овеществить цели труда, которым подменяли истинную цель труда преступников: «Слишком заметно увлечение вещью... А между тем на каторге всякое предприятие должно иметь свою ближайшую и отдаленную целью только одно – исправление преступника, и здешние мастерские должны стремиться к тому, чтобы сбывать не печные дверцы и не краны, а полезных людей и хорошо подготовленных мастеров!» [10, с. 96].

Возмещение ущерба потерпевшим от преступлений

Лицо, совершившее преступление против общества и государства, и с экономических, и с этических позиций обязано возместить причиненный ущерб. Н. И. Ланкин утверждал: «Стремление честным трудом искупить свою вину может и должно лежать в основе моральных стимулов осужденных к труду» [11, с. 193].

К сожалению, это положение контрастирует с реальностью. Общий размер ущерба, нанесенного осужденными гражданам, оценивается в настоящий момент в размере более 30 млрд руб., однако фактически погашается путем удержаний из зарплат осужденных лишь 1,5 % (около 500 млн руб. в год).

Возмещение затрат государства на содержание осужденных в ИУ

Государство, обеспечивая осужденных питанием, коммунальными услугами, вещевым довольствием, медицинским обслуживанием и другими видами обеспечения, с точки зрения социальной справедливости не имеет никаких оснований содержать на иждивении потенциально трудоспособную и экономически активную часть населения страны. Общественно полезный труд в местах лишения свободы в настоящее время выступает одним из немногих средств, с помощью которых государство способно хотя бы частично компенсировать собственные расходы на содержание.

На различных этапах развития пенитенциарной системы вырабатывались различные схемы борьбы с содержанием туеядцев. В советской России на лицевой счет заключенного, злобно уклонявшегося от работы, неукоснительно записывались все расходы на его содержание в колонии, и он не подлежал освобождению, пока «сальдо счета было в его пользу», хотя бы и отбыл назначенный судом срок наказания. Конечно, в настоящее время подобный подход к удержанию средств с неработающих осужденных выглядит необоснованным ни с экономической, ни с этической точки зрения, однако сам факт того, что данная проблема правильно и остро воспри-

нималась руководством тюремного ведомства, неоспорим.

Решение задач развития, поставленных перед ИУ

Данная позиция, разделяемая в основном практическими работниками УИС, выкристаллизовалась из цели достижения самоокупаемости ИУ, провозглашенной советским правительством в начале 20-х годов XX века для облегчения бюджета от расходов на организацию работ при местах заключения. По мере усиления влияния хозрасчетного принципа цели самоокупаемости переросли в цели повышения рентабельности производства, вступившие в противоречие с исправительными целями труда.

В. Д. Меньшагин указывал, что «в погоне за прибылями некоторые руководители учреждений упускали из виду основное назначение ИУ – исправительно-трудовое воздействие на осужденных... Это проявлялось в погоне за более рентабельными видами производств, не считаясь, насколько последние способствуют квалификации осужденных» [9, с. 36].

В советское время руководители ИУ часто указывали на проблему, которая до сих пор со всем размахом проявляется в современных центрах трудовой адаптации осужденных: в погоне за рентабельностью руководство колоний думает не столько о том, какой профессии обучить осужденных, сколько о наименее затратном профиле производства. Практика показывает, что большинство из осужденных, занятых по профессиям, не востребованным на рынке труда, после освобождения не работают по этой специальности.

Карательные цели труда

Карательное воздействие как наказание за совершённое преступление

Помимо выделения социальных и экономических целей труда некоторые ученые высказывают достаточно спорное суждение о том, что трудовая деятельность в местах лишения свободы может и должна преследовать карательные цели. Корни этого суждения уходят в одну из теорий наказания – теорию устрашения, исходящую из присущего наказанию свойства «чувствительного зла», поражения личных благ преступника и стремящуюся впечатлением этого зла при исполнении наказания отклонять от преступности.

Несмотря на критику данной точки зрения со стороны ведущих советских ученых-пенитенциаристов [6; 9], объективное присутствие карательной составляющей в трудовой деятельности осужденных признано большинством из них.

По нашему мнению, принуждение к труду, имманентное самому наказанию, является исходным экономическим отношением между государством и осужденными начиная с правления Петра I и,

видоизменяясь, сохраняет свою сущность по настоящее время [12].

Социологическое исследование: анализ результатов

Для того чтобы согласовать теоретические размышления с реалиями практики, нами было проведено анкетирование 78 сотрудников учреждений и органов УИС (в том числе 19 респондентов из числа начальников ИУ и заместителей начальников территориальных органов, курирующих вопросы трудовой адаптации осужденных), одной из задач которого было выявление мнений респондентов по вопросу, составляющему предмет нашего исследования: «Является ли труд осужденных в современных условиях средством достижения следующих целей?». В качестве вариантов ответа на вопрос выступали вышеописанные цели, относящиеся к социальному, экономическому и карательному блоку. Допускался выбор нескольких целей (рис.). Прокомментируем результаты обследования.

Во-первых, отметим, что в процессе ранжирования целей мнения респондентов из числа руководящего состава полностью совпали с общим мнением всех опрошенных лиц. Преобладающими были названы экономические цели труда, носящие компенсационный характер для государства и общества (Э2, Э3). В тройку популярных ответов попала одна цель социального блока (С3) – получение навыков работы и дисциплинирование.

Во-вторых, цели экономического блока имеют более высокий рейтинг, нежели цели социальные. Для всей генеральной совокупности выбор респондентов между экономическими и социальными целями распределился в соотношении 53 к 47 %, для руководства учреждений и органов УИС – 52 к 48 %.

В-третьих, в структуре респондентов значительная доля лиц, видящих в труде осужденных карательный смысл. Характерно, что в сравнении с генеральной совокупностью, где цель К1 была зафиксирована в 23 % ответов, руководящий состав лишь в 5 % случаев сопоставил труд с наказанием за совершенные преступные деяния.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что труд осужденных рассматривается в настоящее время с прагматических позиций (возмещение ущерба потерпевшим и компенсация затрат государства). Социальные цели в основном отражают стремление к формированию в местах лишения свободы трудового потенциала в краткосрочной перспективе. При этом тревожным сигналом является достаточно частая ассоциация труда с карой, что, безусловно, не может благоприятствовать формированию позитивного отношения к труду у осужденных.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

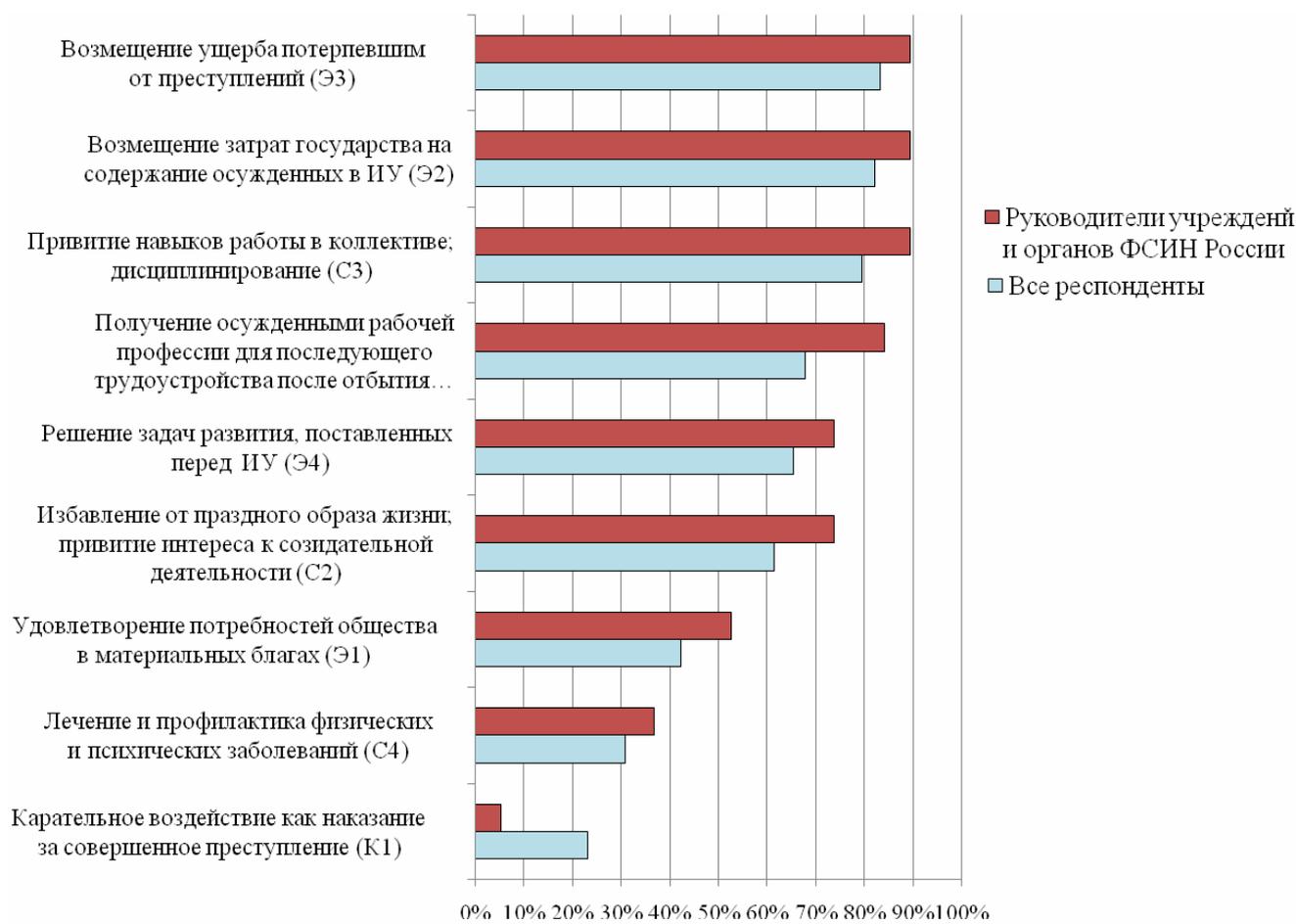

Рис. Распределение ответов респондентов (N = 78), в том числе руководителей учреждений и органов УИС (n = 19), на вопрос: «Является ли труд осужденных в современных условиях средством достижения следующих целей?»

Примечание. При ответе на вопрос допускался выбор нескольких вариантов.

Таким образом, несмотря на множество существующих проблем в сфере организации труда в местах лишения свободы, очевидно, что осужденный, занятый общественно полезной деятельностью, с большей вероятностью сможет вернуться в общество и реализовать свой трудовой потенциал по освобождению лишь при создании в УИС реальных условий к производительному, безопасному, справедливо оплачиваемому, развивающему и не принижающему достоинство человека труду.

На этом фундаменте основана одна из прогрессивных международных концепций в социально-трудовой сфере – концепция достойного труда.

По нашему мнению, социально-трудовые исследования в УИС должны взять данную систему знаний за основу и постулировать труд как благо, как средство развития человеческого потенциала, как честный и достойный путь к удовлетворению как личных потребностей, так и потребностей государства и общества.

Список литературы

1. Чернышов И. Н. К вопросу прекаризации труда осужденных // Труд и социальные отношения. 2015. № 3. С. 82–93.
2. Зубкова В. И. Исправление осужденных: реальность и перспективы // Человек: преступление и наказание. 2013. № 3. С. 44–48.
3. Тюгаева Н. А. От исправительно-трудового права – к исправительной педагогике // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 2. С.19–24.
4. Об утверждении Исправительно-трудового кодекса РСФСР : постановление ВЦИК от 16 октября 1924 г. URL : <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=7927> (дата обращения: 03.10.2015).
5. Прянишников М. Ф. Лишение свободы как наказание исправительное. СПб., 1872. 148 с.

6. Константинов И. Г. Приобщение осужденных к труду. Введение в исправительно-трудовую экономику. М., 1982. 160 с.
7. Сахаров А. Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961. 279 с.
8. Макаренко А. С. Сочинения. М., 1951. Т. 4. 767 с.
9. Крахмальник Л. Г. Труд заключенных и его правовое регулирование в СССР. Саратов, 1963. 155 с.
10. Чехов А. П. Полное собрание сочинений. М., 1976. Т. 11. 416 с.
11. Ланкин Н. И. Материальные стимулы к труду и их сочетание с моральными в условиях исправительно-трудовых учреждений // Вопросы советского государства и права. Томск, 1974. Т. 224. С. 192–196.
12. Чернышов И. Н. Эволюция принудительного труда: от истории к современности // ЭКО. 2015. № 3. С. 167–177.

ILYA NIKOLAEVICH CHERNYSHOV.

lecturer department of economy and management
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: ilya_4@mail.ru

THE GOALS OF LABOR IN SYSTEM OF CORRECTION OF CONVICTS

Annotation: author set a task of decomposition of goals of convict's labor from different points of view: social, economic and punitive. The allocation of aggregated data blocks allows us to combine together ideas about the role of work in strengthening human capacities, restore social justice, the satisfaction of material needs of society and the retribution for committing wrongful acts.

The study was the comparison of the results of the theoretical analysis of scientific sources, containing penitentiary researches in pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet period, with the conclusions of author's sociological research for clarification of the views of the staff of the penal system regarding the role and place of work in the modern penal system.

The author's position is that key objectives to work in correctional institutions in the evolution of relations between the state and the convicts in fact not changed, but the transformation of the socio-economic relations in the period of liberal reforms have led to changing priorities. Unlike the Soviet period when labor was the basis of education «in the spirit of communism», at the present time labor is considered from pragmatic positions – as a mean of reparations and compensation of state expenditure on content correctional institutions. Modern social goals largely reflect the desire to create in prisons labor potential in the short term – the discipline, the inculcation of skills in teamwork, obtaining a working profession without reference to the requirements of the labor market. Thus alarming is the frequent comparison of labor with a punishment that is surely not conducive to developing positive attitudes towards work themselves convicts.

In this regard, improvements in the process of setting and achievement of goals of labor are seen in the development of comprehensive studies on social and labor issues in prisons as well as effective practical implementation of theoretical concepts of modern labor economics in penal system.

Key words: penal system, imprisonment, convicts, socio-labor relations, convict's labor, goals of labor, correction, education, punishment, coercion to work.

References

1. Chernyshov I. N. К вопросу прекаризации труда осужденных [To the question of the precarization of convict's labor]. *Труд и социальные отношения – Labor and social relations*, 2015, no. 3, pp. 82–93.
2. Zubkova V. I. Исправление осужденных: реальность и перспективы [Correction of convicted persons: current state and prospects]. *Человек: преступление и наказание – Man: crime and punishment*, 2013, no. 3, pp. 44–48.
3. Tiugaeva N. A. От исправительного трудового права – к исправительной педагогике [From corrective labor law to the correctional pedagogy]. *Уголовно-исполнительное право – Penal law*, 2015, no. 2, pp. 19–24.
4. Постановление ВТсИК от 16.10.1924 «Об утверждении Исправительного Трудового Кодекса РСФСР». [The resolution of Union Central Executive Committee «On approval of the Corrective Labor code of the RSFSR» from October, 16th, 1924]. Available at : <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=7927> (Accessed 3 October 2015).

АНАЛИЗ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

5. Prianishnikov M. F. Lishenie svobody kak nakazanie ispravitel'noe [Imprisonment as a corrective punishment]. Saint Petersburg, 1872. 148 p.
6. Konstantinov I. G. Priobshchenie osuzhdennykh k trudu. Vvedenie v ispravitel'no-trudovuiu ekonomiku [Familiarizing convicts to work. Introduction to correctional labor economics]. Moscow, VNII MVD SSSR Publ., 1982. 160 p.
7. Sakharov A. B. O lichnosti prestupnika i prichinakh prestupnosti v SSSR [About the identity of the criminal and the causes of crime in the USSR]. Moscow, Gosizdat Publ., 1961. 279 p.
8. Makarenko A. S. Sochineniia [Works]. Vol. 4. Moscow, Akad. ped. nauk RSFSR Publ., 1951. 767 p.
9. Krakhmal'nik L. G. Trud zakliuchennykh i ego pravovoe regulirovanie v SSSR [Prison labor and its legal regulation in the USSR]. Saratov, Saratov university Publ., 1963. 155 p.
10. Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenij [Complete works]. Vol. 11. Moscow, 1976. 416 p.
11. Lankin N. I. Material'nye stimuly k trudu i ikh sochetanie s moral'nymi v usloviakh ispravitel'no-trudovykh uchrezhdenii [Material incentives to work and their combination with moral conditions in correctional institutions]. Voprosy sovetskogo gosudarstva i prava – Issues of the Soviet state and law, Tomsk: Tomsk university Publ., 1974, Vol. 224, pp. 192–196.
12. Chernyshov I. N. Evoliutsiia prinuditel'nogo truda: ot istorii k sovremennosti [The evolution of coercive labor: from history to modernity]. EKO – ECO, 2015, no. 3, pp. 167–177.

ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА ГАВРИНА,

кандидат психологических наук, доцент,
начальник кафедры общей психологии,
e-mail: gawrina_elena@mail.ru;

ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА СИМАКОВА,

кандидат психологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
научно-исследовательского отдела научного центра
(Академия ФСИН России),
e-mail: simakovatanea@yandex.ru

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК ЛИЧНОСТНЫЙ ФЕНОМЕН В КОНТЕКСТЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Реферат: в статье раскрывается актуальность совершенствования образовательной деятельности по подготовке высших профессиональных кадров в контексте развития индивидуального правосознания и профилактики коррупционной деятельности.

Эмпирическое исследование структуры индивидуального правосознания проведена на выборке, включающей 430 человек, из них 62 студента, 99 курсантов ведомственных вузов ФСИН России, 134 государственных служащих, 55 практических сотрудников уголовно-исполнительной системы, 33 руководителя государственных учреждений, 47 руководителей территориальных органов уголовно-исполнительной системы.

Использованы методы: опросник «Структура индивидуального правосознания» Т. А. Симаковой, Д. В. Сочивко, контрольно-измерительные материалы на знание основ правоведения, методика на определение индивидуальной меры рефлексии А. В. Карпова, В. В. Пономарева.

На основе эмпирического исследования структуры индивидуального правосознания и сравнительного анализа результатов у различных групп респондентов были выявлены факторы, препятствующие совершению преступлению, и установлены корреляционные связи с видами рефлексии, уровнем правовых знаний. В статье предлагаются меры по оптимизации учебно-воспитательного воздействия в контексте образовательной деятельности по подготовке высших профессиональных кадров на основе реализации индивидуально-дифференцированного подхода.

Ключевые слова: индивидуальное правосознание, профессионализм личности сотрудника уголовно-исполнительной системы, коррупционное поведение, образовательная деятельность.

Индивидуальное правосознание – это осознание себя в качестве субъекта правовых отношений, понимание собственных ценностно-смысловых оснований, определяющих отношения себя с окружающим миром, с самим собой, с профессиональным сообществом, государством, ближайшим окружением, это способность к переживанию, самооценке, рефлексии себя как свободной, нравственной личности и гражданина. Индивидуальное правосознание отвечает за осуществление своего поведения и жизнедеятельности в пределах своего правового статуса [4, 5, 8].

Важнейшими признаками индивидуального правосознания являются:

– взаимодействие с иными формами общественного сознания, притом что каждая из форм общественного сознания по-своему оценивает одно и то же явление;

– преемственность как устойчивость – из поколения в поколение могут передаваться идеи, взгляды, представления о праве и морали, о том, что и как должно защищаться правом;

– активность как изменчивость – способна определять процессы общественно-социальных и политических изменений, ускорять или тормозить их, предполагает отражение состояния общественных отношений через субъективную оценку, на основе чего может происходить формирование субъективного видения тенденции их развития.

Основными функциями индивидуального правосознания являются: рефлексивная, когнитивная, социально-перцептивная, мотивационная, коммуникативная, креативная, ценностно-смысловая [6, с. 32–37].

Одним из наиболее сложных, проблемных аспектов феномена индивидуального правосознания явля-

ется вопрос его формирования. Правосознание людей, объединенных в социальные общности, – явление во многом объективное, складывающееся под воздействием сочетания многочисленных факторов: общественно-экономических, политических, этнопсихологических, культурно-исторических. Это не означает, что на процесс формирования индивидуального правосознания людей нельзя воздействовать целенаправленно [7, 8].

Формирование индивидуального правосознания – это целенаправленная деятельность государства, системы образования, общественных организаций, средств массовой информации, семьи, отдельных граждан по передаче опыта; систематическое воздействие на сознание и поведение человека в целях формирования определенных позитивных представлений, знаний, взглядов, ценностных ориентаций, установок, навыков поведения, обеспечивающих принятие, осмысление, исполнение правовых норм.

Деятельность по формированию законопослушного поведения основывается на принципах научности, законности, демократизма, гуманного обращения, индивидуального подхода, сочетания естественнонаучного и феноменологического подходов и конфиденциальности полученной информации в ходе диагностических процедур [1, 2, 3].

Практическая направленность ведомственной образовательной деятельности по формированию индивидуального правосознания обучающихся образовательных организаций УИС обеспечивается взаимодействием управленческих подструктур, профессорско-преподавательских коллективов, практических сотрудников территориальных органов, общественных организаций, обучающихся в общем контексте субъектно-субъектных отношений и организационной культуры.

Результативность реализации образовательной цели проявляется:

- в устойчивой готовности обучающихся к соблюдению российских законов;
- четком понимании границ законопослушного поведения в области профессиональной деятельности, личном пространстве и общественном поведении;
- способности прогнозировать причинно-следственные связи, лежащие в основе неосмотрительных действий и поступков, приводящих к правонарушениям как в профессиональной деятельности, так и в личной жизни;
- потребности самосовершенствования, самоконтроля и саморегуляции как способах отказа от деструктивных привычек и личных пороков, приводящих к нарушению границ законов в профес-

сиональной среде, личном пространстве и общественном поведении.

Критериями оценки уровня развития индивидуального правосознания современного выпускника образовательной организации УИС, занимающейся подготовкой высших профессиональных кадров, являются устойчивые потребности, мотивы, ценности, правовые знания, умения и навыки сочетать общественные, профессиональные и личные интересы, не выходя за пределы правового поля.

Изучение заявленной проблематики было осуществлено с помощью следующего методического инструментария: анкетирование, контрольно-измерительные материалы на знание основ права, методика «Индивидуальная мера рефлексии» А. В. Карпова, В. В. Пономарева, опросник «Структура индивидуального правосознания» Т. А. Симаковой, Д. В. Соичко.

В психодиагностическом обследовании приняли участие 430 человек, из них 62 студента, 99 курсантов ведомственных вузов ФСИН России, 134 государственных служащих, 55 практических сотрудников УИС, 33 руководителя государственных учреждений, 47 руководителей территориальных органов УИС.

Проведенное эмпирическое исследование было направлено на изучение особенностей проявления индивидуального правосознания у обследуемой выборки и выявление факторов, способствующих предупреждению совершения преступлений, в частности коррупционных деяний.

Анализ мнения обследуемых позволил изучить представления различных категорий граждан относительно факторов, предупреждающих совершение коррупционных деяний в российском обществе (табл.).

Сравнительный анализ полученных данных показывает, что представители молодежного возраста отмечают, что предупредить совершение коррупционных деяний могут: закон, в частности, его ужесточение по отношению к лицам, совершающим подобные преступления, близкие (родственники, друзья) и нравственность (в данном случае проявлением нравственности являются чувство долга, совесть, личные принципы). Примечателен тот факт, что именно эта категория обследуемых почти не выделяет самоответственность как фактор, предупреждающий совершение преступления. В то время как обследуемые, состоящие на должностях руководящего состава, считают, что именно личная ответственность за свои поступки, страх, опасения, контроль собственных побуждений способны предупредить совершение преступления.

Факторы, предупреждающие совершение преступлений коррупционного характера, %

Категории обследуемых	Факторы							Общее количество обследованных
	Закон	Близкие	Самоответственность	Религиозность	Нравственность	Нет ответа	Другое	
Студенты	24	20	8	0	20	23	5	62
Курсанты	26	24	6	6	24	11	3	99
Государственные служащие	19	3	11	0	29	36	2	134
Сотрудники ФСИН России	20	20	19	0	8	25	8	55
Руководители государственных учреждений	19	16	16	0	40	6	3	33
Руководители территориальных органов УИС	40	6	10	2	24	17	1	47

Серьезное отличие также выявлено во влиянии близких на предупреждение совершения преступлений государственными служащими, которые данный фактор реже всех предлагают в качестве способа, предотвращающего совершение актов коррупции, преступления. Проведенные ранее исследования показали, что осужденные за преступления коррупционного характера реже всех разводятся после осуждения, поддерживают социальную связь с родственниками, в то время как осужденные за общеуголовные преступления в основном являются разведенными или не состоящими ранее в браке. По итогам этих работ был сделан вывод о том, что согласно российскому менталитету люди к должностным преступлениям относятся благосклонно, считая, что они совершаются во благо семьи. Осужденных же за преступления общеуголовного характера воспринимают как деструктивных личностей, которые приносят только боль и вред своим родственникам.

Десятилетия бездуховной жизни российских граждан дали свои плоды – такой фактор, как религиозность, по мнению почти всех обследуемых, не имеет ресурса для предупреждения совершения преступления коррупционного характера.

Очень важные результаты получаются по итогам сравнения руководителей государственных (гражданских) учреждений и ведомственных территориальных органов ФСИН России. Так, руководители территориальных органов ФСИН России чаще всего в качестве профилактических мероприятий по предупреждению коррупции предлагают ужесточение закона и его строгое соблюдение, тогда как руководители государственных учреждений заявляют,

что нравственность может способствовать предупреждению совершения преступлений. Значит, для людей в погонах главным останавливающим фактором от совершения преступления служит возможность получения наказания из-за нарушения закона, а для лиц, работающих в государственных организациях на руководящих постах, таким фактором является нравственность, то есть совесть, мораль, чувство долга.

Следует отметить, что реже всех нравственность как фактор, предупреждающий совершение преступления, выделяют практические сотрудники УИС. Необходимо обратить внимание на тот факт, что в основном в число обследуемых этой категории были отнесены сотрудники младшего начальствующего состава, то есть лица, не имеющие высшего образования и состоящие на должностях инспекторов в исправительных учреждениях. Правоммерно ли будет в этом случае сказать, что нравственность для данной категории сотрудников не входит в структуру индивидуального правосознания. Вполне возможно дело обстоит именно так. В то же время большой процент обследуемых (19 %) этой категории уделяет достаточное внимание такому показателю, как «самоответственность», то есть осуществлению личного контроля собственных побуждений с целью предупреждения совершения преступления. Примечательным является также тот факт, что 8 % практических сотрудников УИС из числа обследуемых выбирали варианты ответа, которые мы отнесли в раздел «другое». В этот раздел вошли высказывания, имеющие шуточное, местами не адекватное решение вопроса о профилактике коррупции. Среди них можно выде-

лить следующие высказывания: «Пуля», «Дед Мазай и зайцы», «Дед Мороз» и т. д.

Отсутствие варианта ответа о факторах, способствующих предупреждению совершения преступления коррупционного характера, говорит о слабой ориентированности обследуемых в рассматриваемом вопросе.

Сравнительный анализ уровня знаний основ права у обследуемых показал, что больший процент наличия низкого уровня правовой грамотности демонстрируют представители молодежного возраста. Наибольший процент обследуемых, имеющих высокий уровень знаний, наблюдается у представителей, занимающих руководящие посты, при наличии минимальных показателей по числу лиц с низким уровнем, то есть лица, которые ежедневно сталкиваются с необходимостью владения правовой грамотностью, более ориентированы в области знания основ права. Значительно более выражен средний уровень ориентированности в области права у практических сотрудников уголовно-исполнительной системы, состоящих на должностях младшего начальствующего состава.

С целью всестороннего анализа полученных результатов психодиагностические матрицы были объединены в единую матрицу, которая была подвергнута корреляционному анализу. Данное исследование было направлено на изучение соотношения мнения обследуемых относительно взаимосвязи факторов, предупреждающих совершение коррупционного деяния обследуемыми, с такими показателями, как пол, возраст, уровень знаний основ права, виды рефлексии.

Полученные результаты показали, что обследуемые, считающие, что только закон может остановить от совершения коррупционного деяния, что самоответственность также является фактором, останавливающим от совершения преступного деяния (0,23), а религиозность (-0,29) не оказывает никакого влияния на предупреждение совершения преступления, в основном являются представителями мужского пола (0,35), склонны к ретроспективной рефлексии (0,26), имеют высокие показатели в области права (0,39).

Респонденты, утверждающие, что основным фактором, способствующим предупреждению совершения коррупционного деяния человеком, являются близкие люди, считают также, что нравственность человека может способствовать предупреждению совершения преступления (0,32), склонны к рефлексии общения (0,34).

Обследуемые, считающие, что только самоответственность может остановить от совершения коррупционного деяния, отмечают, что закон также является фактором, предупреждающим совершение преступного деяния (0,23), склонны к реф-

лексии настоящей деятельности (0,37) и не предрасположены к рефлексии общения (-0,4).

В связи с малочисленностью группы обследуемых, считающих, что религиозность способствует профилактике совершения коррупционного деяния, представлять результаты считаем нецелесообразным.

Обращает на себя внимание тот факт, что уровень знаний в области права почти не коррелирует с мнением обследуемых относительно факторов, предупреждающих совершение коррупционного деяния. Это значит, что правовая грамотность людей не связана с фактором, который останавливает их от совершения преступления коррупционного характера.

Проведенный анализ теоретических подходов и результаты эмпирического исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Оптимизация развития индивидуального правосознания в контексте образовательной деятельности на этапах вузовской подготовки и повышения квалификации различных групп профессионалов и совершенствование профилактической работы по предупреждению противозаконных действий и совершению коррупционной деятельности будут носить наиболее эффективный характер при условии дифференцированного подхода. Исследование показало, что наиболее значимыми факторами противодействия совершения преступления являются для студентов гражданских вузов ответственность перед законом – 24 % (наименее сдерживающим является самоответственность – 8 %); для курсантов ведомственных вузов ФСИН России – ответственность перед близкими людьми – 26 % (наименее сдерживающим является самоответственность – 6 %); для гражданских специалистов – нравственность – 29 % (наименее сдерживающим является ответственность перед близкими людьми – 3 %); для сотрудников УИС ответственность перед законом – 20 % и ответственность перед близкими людьми – 20 % (наименее сдерживающим является нравственность – 8 %); для управленцев среднего звена госслужбы – нравственность – 40 % (менее сдерживающим является ответственность перед близкими – 16 и самоответственность – 16 %); для управленцев среднего звена УИС – ответственность перед законом – 40 % (наименее сдерживающим является ответственность перед близкими людьми – 6 %).

2. Опыт исследовательской практики показывает, что сдерживающие факторы с наименьшими показателями не всегда имеют низкий ресурсный потенциал, они заслуживают особого внимания и могут иметь дефицитарный характер осознанности, то есть отнесенность к так называемой сфере синкретического восприятия: «я не знаю, что я этого не знаю».

3. Высокие показатели отсутствия ответов с учетом абсолютной анонимности исследования (студенты – 23 %, специалисты госучреждений – 36, сотрудники ФСИН России – 25 %) указывают на отсутствие осмысленной личностной позиции по определению факторов недопустимости совершения правонарушения и противозаконной деятельности, что, в свою очередь, является прямым доказательством необходимости совершенствования целенаправленной деятельности по развитию индивидуального правосознания и профилактики коррупционной деятельности.

4. Полученные результаты показали, что среди представителей молодежного возраста больше всего наблюдается лиц, имеющих низкий уровень правовой грамотности. Данный факт еще раз подтверждает необходимость включения в образовательные программы студентов и курсантов спе-

циализированных курсов, направленных на развитие индивидуального правосознания и антикоррупционной устойчивости.

5. Немаловажным представляется то, что факторы, сдерживающие человека от совершения коррупционного деяния, находятся в прямой зависимости от видов рефлексии, причем такой сдерживающий фактор от преступления, как закон, связан с ретроспективной рефлексией, которая, напомним, проявляется в склонности к анализу уже выполненной в прошлом деятельности и свершившихся событий. Если близкие люди выступают как сдерживающий фактор от совершения преступления, то проявляется склонность к рефлексии общения, то есть направленность рефлексии на других людей. Самоответственность как фактор, предупреждающий совершение преступного деяния, не связана с рефлексией общения.

Список литературы

1. Гаврина Е. Е. Психология криминального поведения у сотрудников правоохранительных органов // Прикладная юридическая психология. 2008. № 3. С. 76–83.
2. Гаврина Е. Е. Специфика проявления коррумпированного поведения сотрудников правоохранительных органов // Прикладная юридическая психология. 2010. № 3. С. 64–69.
3. Гаврина Е. Е. Психодинамика формирования криминальной деструктивности сотрудников правоохранительных органов // Прикладная юридическая психология. 2008. № 1. С. 115–123.
4. Гаврина Е. Е., Хаванова И. С. Психологические особенности бывших сотрудников уголовно-исполнительной системы, осужденных за коррупционные и общеуголовные преступления // В мире научных открытий. 2015. № 3.7. С. 3212–3224.
5. Симакова Т. А. К вопросу о проблеме правового самосознания // Прикладная юридическая психология. 2012. № 3. С. 32–37.
6. Симакова Т. А., Гаврина Е. Е. Психологические детерминанты развития индивидуального правосознания и профилактики девиантного поведения личности // Евразийский союз ученых. 2015. № 5. С. 152–156.
7. Сочивко Д. В., Симакова Т. А. Теория и методика исследования индивидуального правосознания и его инфантилизации и криминализации // Прикладная юридическая психология. 2015. № 2. С. 24–40.
8. Гаврина Е. Е., Костюк Ю. А., Симакова Т. А. Деструктивные установки в межличностных отношениях сотрудников правоохранительных органов // Акмеология. 2015. № 4. С. 162–168.

ELENA EVGEN'EVNA GAVRINA,

phd in psychology, associate professor, head of the department, general psychology department,
e-mail: gawrina_elen@mail.ru;

TAT'JANA ALEKSANDROVNA SIMAKOVA,

phd in psychology, associate professor, senior research associate,
research department of the scientific center
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: simakovatanea@yandex.ru

INDIVIDUAL LEGAL CONSCIOUSNESS AS A PERSONAL PHENOMENON IN THE FRAME OF EDUCATIONAL ACTIVITIES

Annotation: the article reveals the urgency of improving educational activities of preparing the personnel for higher vocational training in the frame of developing individual legal consciousness and preventing corruption.

Empirical study of the structure of individual legal consciousness have been carried out within the group of 430 people, including 62 students, 99 cadets of departmental institutions of the Federal penal service of Russia, 134 civil servants, 55 employees of the penal system, 33 heads of public institutions, 47 heads of the territorial agencies of the penal system.

The following methods have been used: the questionnaire «The Structure of the Individual Consciousness» by T. A. Simakova, D. V. Sochivko, the measuring materials to test the knowledge of the law fundamentals, the methods of determining the degree of individual reflection of A. V. Karpov, V. V. Ponomarev.

On the basis of empirical studies of the structure of individual legal consciousness and comparative analysis of the results obtained within different groups of respondents, the factors preventing committing a crime and the correlation with the types of reflection, the level of legal knowledge have been determined. In the article, the measures are suggested for optimizing the educational impacts in the frame of educational activities of preparing the personnel for higher vocational training on the basis of the individually-differentiated approach.

Key words: individual legal consciousness, qualification of an employee of the penal system, corrupt behaviour, educational activities.

References

1. Gavrina E. E. Psihologija kriminal'nogo povedenija u sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov [Psychology of criminal behavior from law enforcement officers]. Prikladnaja juridicheskaja psihologija – Applied legal psychology, 2008, no. 3, pp. 76–83.
2. Gavrina E. E. Specifika projavlenija korrumpirovannogo povedenija sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov [Specific manifestations of corrupt conduct of law enforcement officers]. Prikladnaja juridicheskaja psihologija – Applied legal psychology, 2010, no. 3, pp. 64–69.
3. Gavrina E. E. Psihodinamika formirovanija kriminal'noj destruktivnosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov [The psychodynamics of forming criminal destructiveness of law enforcement officers]. Prikladnaja juridicheskaja psihologija – Applied legal psychology, 2008, no. 1, pp. 115–123.
4. Gavrina E. E., Havanova I. S. Psihologicheskie osobennosti byvshih sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy, osuzhdennyh za korrupcionnye i obshheugolovnye prestuplenija [Psychological characteristics of former employees of the penal system, convicted of corruption and ordinary crimes]. V mire nauchnyh otkrytij – In the world of scientific discoveries, 2015, no. 3.7, pp. 3212–3224.
5. Simakova T. A. K voprosu o probleme pravovogo samosoznanija [On the issue of legal identity]. Prikladnaja juridicheskaja psihologija – Applied legal psychology, 2012, no. 3, pp. 32–37.
6. Simakova T. A., Gavrina E. E. Psihologicheskie determinanty razvitija individual'nogo pravosoznanija i profilaktiki deviantnogo povedenija lichnosti [Psychological determinants of the development of individual awareness and prevention of deviant behavior of the individual]. Evrazijskij sojuz uchenykh – The Eurasian Union of scientists, 2015, no. 5, pp. 152–156.
7. Sochivko D. V., Simakova T. A. Teorija i metodika issledovanija individual'nogo pravosoznanija i ego infantilizacii i kriminalizacii [Theory and methodology of the study of individual consciousness and its infantilization and criminalization]. Prikladnaja juridicheskaja psihologija – Applied legal psychology, 2015, no. 2, pp. 24–40.
8. Gavrina E. E., Kostjuk Ju. A., Simakova T. A. Destruktivnye ustanovki v mezhlíčnostnyh otnoshenijah sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov [Installation destructive in interpersonal relationships to law enforcement officers]. Akmeologija – Acmeology, 2015, no. 4, pp. 162–168.

**СЛУЖЕБНАЯ ЛОЯЛЬНОСТЬ СОТРУДНИКОВ КАК НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА
И ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ
В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ**

Реферат: служебная лояльность сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) рассматривается в поведенческом и психологическом аспектах: первый предполагает соответствие служебной деятельности сотрудников УИС правовым и морально-этическим нормам, второй определяет личностные предпосылки должного служебного поведения. Личные предпосылки служебной лояльности в поведении устанавливают степень знания и понимания содержания и способов реализации всех обязанностей, связанных со службой, эмоциональное отношение к ним в целом и к отдельным обязательствам в частности, мотивационно-волевою готовность к их реализации.

Соблюдение правовых и морально-этических норм в служебном поведении выступает фактором безопасности и эффективности деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, учреждений и органов УИС, системы правоохранительных органов, системы государственной службы.

Психологическое обеспечение служебной лояльности является важным направлением повышения эффективности и безопасности в деятельности УИС. В психологии и смежных науках феномен лояльности персонала преимущественно изучался: 1) на уровне идентификации персонала в малой группе (прежде всего в аспекте корпоративной солидарности, развития управленческих команд или личной преданности руководству); 2) на уровне организационной лояльности (прежде всего в аспектах эмоционального отношения к организации, следования ее интересам в деятельности и сохранения членства в организации).

Понятие организационной лояльности, применяемое к персоналу коммерческих организаций, не применяется к госслужащим. Оно должно быть, как минимум, уточнено в связи с особенностями статуса и деятельности государственных служащих. Специфичным является публично-правовой статус государственных служащих, а также правоприменительный характер их профессиональной деятельности. Феномен лояльности государственных служащих, в частности сотрудников УИС, недостаточно изучен и требует дальнейшего исследования.

Ключевые слова: служба, лояльность, служебная лояльность, сотрудники уголовно-исполнительной системы, служебный статус, служебное поведение, государственные служащие, уголовно-исполнительная система.

Проблема служебной лояльности сотрудников УИС, затрагивающая соответствие служебной деятельности сотрудников УИС правовым и морально-этическим нормам, а также психологические предпосылки этого соответствия на уровне отношения сотрудников к служебным обязательствам, имеет важное научное и практическое значение.

Дополняя трактовку служебной лояльности, предложенную нами ранее [1], можно отметить, что в практической плоскости служебная лояльность ассоциируется с выполнением служебных обязательств, обеспечиваемых в психическом плане такими особенностями личности служащего, как степень знания и понимания содержания и способов реализации всех обязанностей, связан-

ных со службой, эмоциональное отношение к ним в целом и к отдельным обязательствам в частности, мотивационно-волевая готовность к их реализации.

Исходя из служебных обязательств в двух аспектах – нормативно-правовом и морально-этическом, лояльное служебное поведение фактически представляет собой поведение: правомерное и соответствующее нормам служебной морали и этики.

Отмеченные выше психологические предпосылки, включаемые нами в содержание внутренних детерминант служебной лояльности, ранее рассматривали в качестве предпосылок законности и эффективности деятельности сотрудников правоохранительных органов в своих работах Б. Г. Бовин (1993, 1995), Ю. В. Егоров (1998),

М. О. Калашников (1995), Е. А. Козловская (1992), И. С. Медведев (1992), И. Б. Пономарев (1983, 1988), С. Е. Райнкин (1992), А. Н. Роша (1989, 1992) и др.

Подобные исследования продолжаются и в настоящее время. Влияние обозначенных психологических характеристик личности сотрудника на нормативные и этические характеристики служебного поведения в своих работах отмечают ряд авторов. Так, А. С. Душкин и Е. А. Щелкушкина [2] в качестве личностных факторов нарушений дисциплины и законности отмечают низкий уровень правовой культуры сотрудников, в том числе слабое знание личным составом действующего законодательства, нормативных правовых актов, регламентирующих служебную деятельность, слишком широкое понимание законности, слабую профессиональную подготовленность в вопросах правоприменения, профессиональной этики и морали, а также безразличие к интересам службы. Авторы считают, что нарушение не только правовых, но и этических норм влечет за собой негативные последствия в виде нежелательных оценок граждан. А. М. Панченко и И. А. Канина [3] рассматривают в качестве личностного фактора, влияющего на правомерность поведения сотрудников правоохранительных органов, «правовую психологию» как отражение внутренней системы ценностно-смысловых ориентаций сотрудника. Г. И. Уразаева [4] отмечает фактор социальной (асоциальной) мотивации как системообразующий в поведенческих проявлениях и девиациях сотрудников правоохранительных органов. М. И. Марьин и А. А. Бочкова [5] полагают, что низкий уровень индивидуального правосознания сотрудников правоохранительных органов приводит к использованию ими служебного положения в личных, неслужебных целях, пренебрежению нормами морали, к нарушениям норм закона. По их мнению [6], противоправному поведению сотрудников способствует низкое оценочное отношение к правовым нормам и отсутствие стремления к ответственности за совершенные поступки и результаты своих действий, пренебрежение нормативными правилами и законами, в то время как правопослушное поведение сотрудников предопределяется интериоризацией правовых норм. А. Г. Упоров [7], кроме того, отмечает не только представленность, но и системность правовых норм как фактор дисциплины и предупреждения деликтного поведения сотрудников УИС.

Соблюдение правовых и морально-этических норм в служебном поведении является фактором безопасности и эффективности, начиная с уровня личной безопасности и эффективности сотрудников и заканчивая безопасностью общества.

А. И. Папкин [8], А. В. Буданов [9], А. Д. Сафронов [10], М. А. Громов [11] и другие ученые отмечали, что поведение сотрудника при исполнении

им служебных обязанностей является важным фактором его личной безопасности. На уровне личной безопасности сотрудника речь идет прежде всего о физической, правовой, социально-психологической и психологической безопасности.

Неправомерные, несправедливые, необоснованные действия сотрудников, практических работников УИС могут провоцировать угрозу физической безопасности сотрудников. С точки зрения правовой безопасности служебная лояльность как служебное поведение, соответствующее правовым нормам, с большей вероятностью даст возможность сотруднику избежать уголовной, административной и дисциплинарной ответственности за их нарушение. Служебная лояльность как морально и этически обоснованное поведение позволит не допустить не только принятия неблагоприятных административных решений в отношении сотрудника, но и социального отчуждения, во всяком случае, позволит найти социальную поддержку (пусть даже за пределами асоциально настроенного коллектива) в конфликтных ситуациях. Гармонизация и интеграция во внутреннем плане личности правовых и морально-этических регуляторов служебного поведения, интеграция их в целостную иерархическую систему мотивации деятельности снизит вероятность внутриличностных конфликтов в неоднозначных ситуациях деятельности, обеспечит сотруднику устойчивую профессионально-личностную позицию и позитивную самооценку.

Кроме того, служебная лояльность в поведении руководителей обеспечивает не только их личную безопасность в указанных аспектах, но и безопасность их подчиненных, обязанных выполнять их приказы.

По мнению А. М. Савихина [12], помимо личной безопасности, безопасность в УИС должна рассматриваться на уровне учреждений и органов. На этом уровне служебная лояльность сотрудников также способствует безопасности учреждений и органов УИС, прежде всего таких ее видов, как физическая, экономическая, информационная, юридическая безопасность.

Физическая безопасность объектов УИС обеспечивается надлежащим выполнением сотрудниками обязанностей по охране, осуществлению пропускного режима, противопожарной и технической безопасности объекта, то есть четким выполнением должностных инструкций и проявлением целесообразной и обоснованной инициативы в данных сферах.

Служебная лояльность сотрудников способствует обеспечению экономической безопасности учреждений и органов, связанной с минимизацией коммерческих рисков, уменьшением потерь в результате халатности или умышленной преступной деятельности, а также иными способами умыш-

ленного нанесения вреда, выплаты различных штрафов, пеней и компенсаций, взыскиваемых с учреждений и органов УИС в связи с нарушениями законодательства.

Служебная лояльность сотрудников также может выражаться в надлежащем обращении со служебной информацией, в том числе имеющей ключевое значение для решения задач учреждения или органа, содержащей государственную тайну, а также принятии целесообразных и обоснованных мер для ее защиты в случае возникновения угроз.

Уголовно-исполнительная система является лишь частью системы государственных правоохранительных органов, предназначение которых заключается в обеспечении внутренней безопасности общества.

С. Г. Барсегян [13], считая внутреннюю безопасность общества состоянием и свойством системы «личность – общество – государство», рассматривает правоохранительные органы, в систему которых входит и УИС, как один из факторов безопасности, отмечая, что деятельность правоохранительных органов по обеспечению внутренней безопасности осуществляется путем применения мер государственного принуждения и общественного воздействия в строгом соответствии с законом и при неуклонном соблюдении установленного им порядка. В контексте рассматриваемой проблемы С. Г. Барсегян полагает, что суть оптимизации правоохранительной деятельности заключается в том, чтобы при наименьших затратах государственных ресурсов, человеческого труда и материальных средств, достигнуть наиболее высокого уровня эффективности в минимизации опасностей и угроз развитию личности и общества, а в итоге – в обеспечении внутренней безопасности общества.

Таким образом, служебная лояльность сотрудников, являющаяся одновременно предпосылкой личной профессионально-служебной эффективности и составляющей эффективности деятельности подразделения, является ресурсом укрепления внутренней безопасности общества и государства.

Эффективность учреждений и органов УИС повышается в результате проявления в служебном поведении сотрудниками служебной лояльности за счет повышения не только личной эффективности сотрудников, но и управляемости и прогнозируемости деятельности сотрудников, улучшения их взаимопонимания и взаимодействия в решении служебных задач.

Исходя из изложенного можно заключить, что концептуальная разработка проблемы психологического и иных направлений обеспечения служеб-

ной лояльности сотрудников УИС, внедрение в практику ФСИН России психотехнологий работы с кадрами, построенных с учетом ранее выявленных психологических детерминант служебной лояльности, будут способствовать сплочению служебных коллективов, снижению коррупционных рисков, укреплению дисциплины, обеспечению безопасности учреждений и органов, исполняющих различные виды наказаний, безопасности сотрудников УИС и в конечном итоге – безопасности интересов государственной службы и общественной безопасности. Кроме того, развитие служебной лояльности сотрудников как системы психологических качеств, обеспечивающих исполнение служебного долга в профессиональной деятельности, может выступить фактором роста эффективности функционирования и формирования позитивного имиджа ФСИН России.

Следует отметить, что при усилении современных требований к государственным служащим и их деятельности к их отношению к служебному долгу как ключевой предпосылке, определяющей служебное поведение, до сих пор уделялось недостаточно внимания. Феномен лояльности государственных служащих мало исследован. В психологии и смежных науках феномен лояльности персонала преимущественно изучался: 1) на уровне идентификации персонала в малой группе (прежде всего в аспекте корпоративной солидарности, развития управленческих команд или личной преданности руководству); 2) на уровне организационной лояльности (прежде всего в аспектах эмоционального отношения к организации, следования ее интересам в деятельности и сохранения членства в организации). Однако понятие лояльности, применяемое к персоналу коммерческих организаций, не может в исходном виде применяться к госслужащим. Оно должно быть, как минимум, уточнено, а скорее всего, расширено, так как в статусе деятельности и государственных служащих присутствуют особенности, не характерные для сотрудников коммерческих организаций, в связи с чем теоретико-методологические наработки в сфере персональной, групповой и организационной лояльности сотрудников коммерческих организаций оказываются недостаточными для описания отношений лояльности государственных служащих. Сформулированные на основе исследований авторов рекомендации не могут быть напрямую использованы в отношении государственных служащих, которыми являются и сотрудники УИС, так как от государственного служащего требуется лояльность в первую очередь не руководителю, группе или подразделению, где он проходит служе-

бу, а закону, государству и обществу, что закреплено, например, в присяге сотрудника УИС. Рядом ведущих ученых в области государственного управления отмечается, что «технологически и методически сближаясь с коммерческими структурами, госслужба не должна и не может утратить свою специфику, принципиально отличающую ее от других организаций и общественных институтов. Главное в этой специфике – ее назначение – служить общественным интересам и интересам граждан» [14, с. 92].

Важной особенностью государственной службы, влияющей на специфику лояльности госслужащих, является их правовой статус. При поступлении на государственную службу сотрудник вступает в публично-правовые отношения, приобретая права и обязательства, связанные с особым правовым и социальным статусом (госслужащего, сотрудника правоохранительных органов, сотрудника УИС, должностного лица). Кроме того, к сотрудникам УИС как субъектам правоприменительной деятельности предъявляются требования не только правового, но и морально-этического характера. При оценке их служебных решений и поступков учитывается их законность, а также целесообразность, обоснованность, справедливость и т. д. В связи с этим важно изучить детерминацию и механизмы внешнего проявления лояльности со-

трудников УИС (противоправное, неправомерное, правомерное и должное служебное поведение), психологические особенности различных категорий личного состава (в зависимости от степени максимальной ответственности за недолжное поведение, вероятности наступления наказания, возможностей законного усмотрения в деятельности, значимости поощрений за соответствие служебного поведения требованиям долга и т. д.).

Методическая актуальность исследования проблем служебной лояльности обусловлена, с одной стороны, новыми требованиями по обеспечению работы с личным составом УИС, закрепленными в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, с другой – востребованностью на практике современного методического инструментария, позволяющего вести мониторинг и психологическое сопровождение личного состава на всех этапах профессионального становления и карьерно-служебного роста. При этом создание специальных психологических методик, направленных на выявление и развитие (коррекцию) служебной лояльности сотрудников УИС, до настоящего времени было затруднено из-за отсутствия четкого понимания социально-психологической сути и структуры компонентов данного феномена, а также эмпирических признаков и критериев оценки их уровня.

Список литературы

1. Горностаев С. В. Служебная лояльность сотрудников уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2014. № 4. С. 172–176.
2. Душкин А. С., Щелкушкина Е. А. Психолого-правовой анализ причин, условий и факторов нарушений служебной дисциплины и законности сотрудниками полиции // Прикладная юридическая психология. 2015. № 1. С. 89–99.
3. Панченко А. М., Канина И. А. Правовая психология как элемент правового сознания сотрудников правоохранительных органов // Юридическая психология. 2015. № 1. С. 6–9.
4. Уразаева Г. И. Социально-психологическая детерминация преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 4. С. 48–52.
5. Марьин М. И., Бочкова А. А. Система ценностных ориентаций руководителей органов внутренних дел // Прикладная юридическая психология. 2015. № 1. С. 113–120.
6. Марьин М. И., Бочкова А. А. Психологические особенности сотрудников органов внутренних дел, склонных к противоправному поведению // Прикладная юридическая психология. 2014. № 3. С. 47–53.
7. Упоров А. Г. Роль принципов права в правовом регулировании и обеспечении служебной дисциплины в уголовно-исполнительной системе // Человек: преступление и наказание. 2014. № 4. С. 37–40.
8. Папкин А. И. Личная безопасность сотрудников органов внутренних дел. Тактика и психология безопасной деятельности. М., 1996. 243 с.
9. Буданов А. В. Педагогические основы обеспечения личной безопасности сотрудников органов внутренних дел : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1997. 43 с.
10. Сафронов А. Д. Преступность в России и криминальная безопасность органов внутренних дел : монография. М., 2003. 415 с.
11. Громов М. А. Роль начальника исправительного учреждения в обеспечении личной профессиональной безопасности сотрудников // Человек: преступление и наказание. 2009. № 4. С. 16–18.

12. Савихин А. М. Организация и правовые основы функционирования службы безопасности в уголовно-исполнительной системе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006. 21 с.

13. Барсебян С. Г. Правоохранительные органы как фактор внутренней безопасности общества: социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук. М., 2001. 191 с.

14. Реформа государственной службы: канадский опыт и российская действительность / отв. ред. А. Г. Барабашев, С. В. Кабышев. М., 2006. 148 с.

STANISLAV VIKTOROVICH GORNOSTAEV,

phd in psychology,
associate professor, doctoral student of the department
of training of scientific and teaching staff
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: stanislavrz@yandex.ru

**SERVICE LOYALTY OF THE STAFF AS A SCIENTIFIC PROBLEM
AND A FACTOR OF SECURITY AND EFFICIENCY
IN THE FUNCTIONING OF THE PENAL SYSTEM**

Annotation: in the article, the behavioral and psychological aspects of the penal staff service loyalty are dealt with. The behavioral aspect implies that the staff activities correspond to the legal and moral-ethical standards. The psychological aspect determines individual prerequisites of appropriate service behavior. Individual prerequisites of service loyalty are: the degree of knowledge and understanding of the contents and ways of implementing all the duties related to the service; emotional attitude to one's duties in general and to specific obligations in particular; motivational readiness to their implementation. The previous studies of the psychological causes affecting the legality and ethics of professional conduct of law enforcement officers are analyzed.

Compliance with the legal and ethical standards of the service activities is regarded as a factor of security and efficiency of the penal staff, penal institutions and agencies, penal system, law enforcement system and civil service. As a result, service loyalty is regarded as a factor of social security. Psychological support of service loyalty is an important aspect of enhancing the efficiency and security of the penal system. In psychology and related sciences, the phenomenon of personnel loyalty has been mainly studied at two levels: 1) at the level of personnel identification in a small group (primarily with regard to corporate solidarity, development of executive teams or personal loyalty to the administration); 2) at the level of organizational loyalty (primarily with regard to the emotional attitude to the organization, adherence to its interests and retaining the membership in the organization). The notion of loyalty as applied to the staff of commercial organizations may be inapplicable to civil servants. Understanding of loyalty with regard to civil servants should be specified because of the peculiarities of their status and activities. A civil servant must be first and foremost faithful to the law, to the State and society, and not to his superior officer, group or organizational unit where the person serves. This is specified in the loyalty oath of a penal officer. The public legal status of civil servants as well as the law enforcement nature of their professional activities also contribute to the specific character of their loyalty. The phenomenon of civil servant loyalty, of the penal staff in particular, has not been studied enough and requires further research.

Key words: service, loyalty, service loyalty, penal staff, official status, service activities, civil servants, penal system.

References

1. Gornostaev S. V. Sluzhebnaia loial'nost' sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy [Serving loyalty of penal staff]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2014, no. 4, pp. 172–176.

2. Dushkin A. S., Shchelkushkina E. A. Psikhologo-pravovoi analiz prichin, uslovii i faktorov narushenii sluzhebnoi distsipliny i zakonnosti sotrudnikami politzii [Psychological legal analysis of the reasons, conditions and factors of violations of service discipline and legality by police officers]. Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiya – Applied legal psychology, 2015, no. 1, pp. 89–99.

3. Panchenko A. M., Kanina I. A. Pravovaia psikhologiiia kak element pravovogo soznaniia sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov [Legal psychology as an element of legal consciousness of law enforcement officers]. Iuridicheskaiia psikhologiiia – Legal psychology, 2015, no. 1, pp. 6–9.

4. Urazaeva G.I. Sotsial'no-psikhologicheskaiia determinatsiia prestuplenii, sovershaemykh sotrudnikami OVD [Socio-psychological determination of crimes committed by police officers]. Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh – Psychopedagogy in law enforcement bodies, 2014, no. 4, pp. 48–52.

5. Mar'in M. I., Bochkova A. A. Sistema tsennostnykh orientatsii rukovoditelei organov vnutrennikh del [The value system of executives in internal affairs agencies]. Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia – Applied legal psychology, 2015, no.1, pp. 113–120.

6. Mar'in M. I., Bochkova A. A. Psikhologicheskie osobennosti sotrudnikov organov vnutrennikh del, sklonykh k protivopravnomu povedeniiu [Psychological peculiarities of employees of Internal Affairs Agencies inclined to offending behavior]. Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia – Applied legal psychology, 2014, no. 3. pp. 47–53.

7. Uporov A. G. Rol' printsipov prava v pravovom regulirovanii i obespechenii sluzhebnoi distsipliny v ugovno-ispolnitel'noi sisteme [The role of law principles in legal regulation and ensuring of service discipline in penal system]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2014, no. 4, pp. 37–40.

8. Papkin A.I. Lichnaia bezopasnost' sotrudnikov organov vnutrennikh del. Taktika i psikhologiiia bezopasnoi deiatel'nosti [Personal safety of employees of internal Affairs bodies. Tactics and psychology of safe operation]. Moscow, 1996. 243 p.

9. Budanov A. V. Pedagogicheskie osnovy obespecheniia lichnoi bezopasnosti sotrudnikov organov vnutrennikh del. Avtoref. dis. d-ra ped. nauk [Pedagogical framework for ensuring the personal safety of employees of internal Affairs bodies. Dr. ped. sci. diss. abstract]. Moscow, 1997. 43 p.

10. Safronov A. D. Prestupnost' v Rossii i kriminal'naia bezopasnost' organov vnutrennikh del: monografiia [Crime in Russia and criminal safety of organs of internal Affairs]. Moscow, 2003. 415 p.

11. Gromov M. A. Rol' nachal'nika ispravitel'nogo uchrezhdeniia v obespechenii lichnoi professional'noi bezopasnosti sotrudnikov [The role of the head of correctional institution to ensure the personal and professional safety of employees]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2009, no. 4, pp. 16–18.

12. Savikhin A. M. Organizatsiia i pravovye osnovy funktsionirovaniia sluzhby bezopasnosti v ugovno-ispolnitel'noi sisteme. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Organization and legal bases of functioning of the security service in penal system. Cand. legal sci. diss. abstract]. Ryazan, 2006. 21 p.

13. Barsegian S. G. Pravookhranitel'nye organy kak faktor vnutrennei bezopasnosti obshchestva: sotsial'no-filosofskii analiz. Dis. kand. filosof. nauk [Law enforcement as a factor of internal security of society: social-philosophical analysis. Cand. philosophical sci. diss.]. Moscow, 2001. 191 p.

14. Reforma gosudarstvennoi sluzhby: kanadskii opyt i rossiiskaia deistvitel'nost' [Civil service reform: the canadian experience and russian reality]. Moscow, 2006. 148 p.

**МЕЖВЕДОМСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
ПО АНТИЭКСТРЕМИСТСКОЙ ТЕМАТИКЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН**

Реферат: в статье на основе анализа специфики экстремистской и антиэкстремистской деятельности обосновывается необходимость специализированной подготовки сотрудников органов внутренних дел и уголовно-исполнительной системы в сфере противодействия экстремизму.

Важное место в получении соответствующих знаний занимают дисциплины уголовного-правового блока, направленные на формирование профессиональных компетенций, связанных со способностью квалифицировать и предупреждать преступления, в частности, экстремистского характера. В указанных ведомствах при подготовке специалистов с высшим образованием соответствующие вопросы включены в темы дисциплин «Уголовное право» и «Криминология». Отдельные аспекты предупреждения экстремистской деятельности изучаются в разных специальных курсах. При этом обосновывается, что наиболее представительными по объему должны быть сформированы знания криминологического характера.

В методике обучения курсантов и слушателей по антиэкстремистской тематике важно изучение имеющихся проблем в современном механизме противодействия экстремизму. В статье приводится их основной перечень, обращается внимание на междисциплинарные связи, соблюдение которых позволит сформировать полноценные знания в указанной области. Предлагается при организации изучения современной системы предупреждения экстремизма ее направления разделить на три основные группы: деятельность по общей профилактике экстремистских настроений, в том числе предупреждение формирования и распространения экстремистских убеждений и идеологии; мероприятия, непосредственно направленные на прекращение деятельности экстремистски настроенных групп; целенаправленное предупреждение непосредственного возникновения экстремистских группировок и процессов их пополнения.

Учитывая комплексность системы противодействия, требования к ее организации, необходимо обеспечивать взаимосвязь содержания тем соответствующих дисциплин рассматриваемых ведомств. Это возможно посредством формирования авторских коллективов для подготовки учебно-методической продукции или организации взаимного рецензирования рабочих программ учебных дисциплин. К перспективным направлениям можно отнести создание общей образовательной среды с применением интерактивных технологий. Предлагается разработка комплексных методических рекомендаций, в которых следует предусмотреть вопросы организации межведомственного взаимодействия по предупреждению экстремистских настроений и преступлений экстремистского характера.

Ключевые слова: экстремизм, преступления экстремистского характера, предупреждение экстремистской деятельности, подготовка специалистов по антиэкстремистской тематике, межведомственное взаимодействие.

Постоянно растущее число фактов экстремистского поведения, в том числе в террористических формах, представляют одну из главных проблем современной России и мирового сообщества. На государственном уровне приоритетность противодействия указанному массовому явлению подчеркивается в ходе обсуждения соответствующих вопросов обеспечения национальной безопасности Российской Федерации [1].

Специфика противодействия экстремизму как особого вида комплексной деятельности в настоящее время обуславливается:

1) особенностями уголовно-правовой, криминологической и криминалистической характеристики: многообразием форм и повышенной общественной опасностью экстремистских проявлений, особенно терроризма; организованным, публичным характером, которым, как правило, обладают

экстремистские акции, жестокостью действий; наличием в обществе устойчивых экстремистских движений, сопровождаемых попытками их легализации; высоким уровнем рецидива экстремистского поведения; особым содержанием причин и условий, способствующих осуществлению экстремистских акций, а также существованию и распространению экстремистских взглядов, убеждений, идеологии; склонностью будущего потенциала общества, то есть несовершеннолетних и молодежи, к быстрому усвоению, воспроизведению и нередко следующей за этим стойкой приверженности социально опасных экстремистских взглядов, а также особенностями механизма формирования экстремистских убеждений; длительным и ресурсоемким процессом подготовки к осуществлению тяжких и особо тяжких преступлений экстремистского характера; использованием в преступных целях последних достижений науки и техники; высокой латентностью преступлений экстремистской направленности против личности, совершаемых на почве разнообразных видов ненависти, и др.;

2) особенностями организации противодействия и имеющихся проблем в этой сфере: наличием специальной нормативной правовой базы (не лишенной недостатков), организационного и ресурсного обеспечения, в частности специальных правоохранительных подразделений, занимающихся исключительно противодействием экстремизму; необходимостью осуществления специализированных мероприятий, направленных на предупреждение, раскрытие и расследование преступлений экстремистского характера, сложностями, возникающими в данной работе (при квалификации, выявлении и доказывании мотивации, осуществлении профилактической и исправительной деятельности, статистической работы и т. д.); недостаточной эффективностью общепредупредительных мер борьбы с экстремизмом, принимаемых традиционными силами органов внутренних дел, и рядом других.

Учитывая, что противодействие экстремизму обеспечивается комплексными мерами, в настоящее время к числу приоритетных следует отнести повышение эффективности работы субъектов, задействованных в нем, в условиях правильно организованного взаимодействия.

Изучение практики и монографической литературы показывает, что остро стоит вопрос предупреждения рецидива преступлений экстремистского характера, в частности, в условиях организации исправительного процесса лиц, осужденных за их совершение. Актуализируется проблема проникновения и распространения экстремистских взглядов в среде осужденных к лишению свободы, что

порой приводит к увеличению их вовлеченности в соответствующие криминальные процессы или повышает вероятность стать жертвой экстремистских проявлений [2, с. 19–22; 3, с. 92–95; 4, 29–32].

Указанные и другие обстоятельства предполагают обязательность элементов специализированной подготовки сотрудников разных правоохранительных органов, которые, вне всяких сомнений, должны обладать уникальными по содержанию и объему профессиональными знаниями, умениями и навыками в сфере противодействия экстремизму.

Немаловажное место в обучении по основным образовательным программам высшего образования сотрудников системы МВД России и ФСИН России в области противодействия экстремистской деятельности занимают дисциплины уголовно-правового блока, направленные на формирование профессиональных компетенций, связанных со способностью квалифицировать и предупреждать преступления экстремистского характера.

Изучение учебных планов ведущих образовательных организаций указанных ведомств: Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя и Академии ФСИН России показало, что соответствующие вопросы включены в темы дисциплин «Уголовное право» и «Криминология». Ряд специальных аспектов предупреждения экстремистской деятельности изучается в вузе системы МВД России по дисциплинам «Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел» и «Виктимология», а в системе ФСИН России по дисциплине «Пенитенциарная преступность».

При практическом осуществлении указанного противодействия необходима качественная организация именно предупредительной деятельности. Основным аргументом является то, что включать механизм уголовно-правового характера в противодействие, в частности, посредством привлечения к уголовной ответственности, можно лишь при появлении в поведении соответствующих признаков, предусмотренных уголовным законом. Однако при совершении преступлений экстремистского характера, как правило, причиняется существенный вред большому спектру общественных отношений. К тому же данные деяния всегда обусловлены наличием устойчивых взглядов, как правило, у лиц несовершеннолетнего и молодежного возраста. Как показывает практика, их нейтрализация носит сложный характер, поэтому важны прочные знания и умения специалистов в области специального предупреждения данной группы преступлений. В связи с этим наиболее представительными по объему должны быть знания криминологического характера.

При преподавании дисциплины «Уголовное право» следует учитывать, что совершенствование уголовно-правовых механизмов противодействия экстремизму осуществляется достаточно динамично (так, с 2013 г. принято 4 федеральных закона, внесших соответствующие изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации: 28 декабря 2013 г. № 433-ФЗ, 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ, 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ, 21 июля 2014 г. № 274-ФЗ). Ожидаются и другие изменения, которые должны своевременно учитываться в процессе подготовки специалистов.

Совершенствование правового и организационного обеспечения механизма подготовки сотрудников, в частности, посредством включения соответствующих тем в ряд дисциплин уголовно-правового, криминалистического цикла и в расписание профессиональной служебной подготовки практикующих сотрудников во многом повлияло на положительные результаты работы в данном направлении. Так, в некоторых исследованиях констатируется, что в настоящее время благодаря активным действиям правоохранительных органов было достигнуто снижение динамики организованных экстремистских проявлений, увеличилось число уголовных дел о преступлениях рассматриваемой категории, направленных в суд, и количество выявленных правонарушений [5, с. 9–14].

В методике обучения курсантов и слушателей по антиэкстремистской тематике важно изучение имеющихся проблем в современном механизме противодействия экстремизму. Например, в нем еще недостаточно скоординированы действия органов государственной власти, в частности ОВД и УИС; совершенствования требует система обмена информацией между заинтересованными ведомствами; имеются проблемы, связанные с оперативностью реагирования на проявления экстремизма органов государственной власти и местного самоуправления; в указанный процесс почти не вовлечены общественные объединения правоохранительной направленности; еще явно недостаточно внимания уделяется профилактике рецидива экстремистских деяний, антиэкстремистской пропаганде, в том числе в местах лишения свободы, разъяснительной работе с населением, профилактике экстремизма среди молодежи.

Таким образом, важны и междисциплинарные связи по данной тематике: с социологией, политологией, общей психологией, оперативно-розыскной деятельностью, криминалистикой, административной деятельностью правоохранительных органов, уголовно-исполнительным правом, пенитенциарной психологией и педагогикой и т. д.

Масштабность и многосторонность экстремистской деятельности предполагают ее систематизированное изучение. В этом комплексе к числу направлений, заслуживающих особого внимания, следует отнести вопросы, связанные с построением системы деятельности субъектов по предупреждению экстремизма. Считаем, что данные аспекты обязательно должны быть учтены в содержании соответствующих тем.

При организации изучения современной системы предупреждения экстремизма основные направления профилактики проявлений экстремистской деятельности следует разделить на три основные группы:

1. *Деятельность по общей профилактике экстремистских настроений, в том числе предупреждение формирования и распространения экстремистских убеждений и идеологии* (для данной группы характерны мероприятия по выявлению распространенности и неблагоприятных тенденций экстремистских проявлений, направленные на устранение обстоятельств, отрицательно влияющих на формирование и поведение несовершеннолетних и молодежи, а также слоев населения, для которых характерно неустойчивость взглядов, и т. д.).

2. *Мероприятия, непосредственно направленные на прекращение деятельности экстремистски настроенных групп* (первоочередные меры должны быть ориентированы на выявление, разобщение либо переориентацию соответствующих групп, в том числе при исполнении уголовных наказаний).

3. *Целенаправленное предупреждение непосредственного возникновения экстремистских группировок и процессов их пополнения* (контроль за местами, где собираются и общаются лица несовершеннолетнего и молодежного возраста с признаками социального отклонения в поведении, пристальное внимание к организациям, объединяющим молодежь, особенно выбирающим для своей деятельности образовательные организации и учреждения досуга, недопущение процессов формирования групп, объединяемых экстремистскими взглядами в исправительных учреждениях, следственных изоляторах, недопущение попадания в библиотечные фонды экстремистской литературы, противодействие финансированию экстремизма и т. д.).

Приоритетная социально-психологическая природа экстремизма позволяет в числе первоочередных направлений указанного комплекса выделить деятельность по предупреждению формирования и распространения экстремистских убеждений и идеологии, которую условно можно разделить на следующие направления: деятельность по переориентации и нейтрализации имеющихся экстре-

мистских потребностей, интересов и убеждений, основным звеном которой являются мероприятия, проводимые с их непосредственными носителями, в частности, в процессе исправления осужденных, деятельность по недопущению распространения экстремистских взглядов и идеологии. При обучении данным направлениям предупреждения экстремизма необходимо опираться на знания, полученные обучающимися при изучении дисциплин психологического и педагогического циклов.

Одним из основных направлений деятельности по предупреждению экстремизма является противодействие финансированию и иному содействию экстремизму. Ее суть состоит в перекрытии каналов финансирования экстремистских организаций и акций, в ограничении, подрыве и ликвидации их экономической и социальной базы, а значит, возможностей. В этой части должны проводиться междисциплинарные связи с дисциплинами блока экономической безопасности.

Учитывая избранный критерий классификации, полагаем, что нет необходимости в ее рамках выделять в качестве самостоятельного направления пенитенциарную профилактику рецидива экстремистских проявлений, поскольку фактически рассматриваемые направления могут быть реализованы и в местах изоляции от общества, но, безусловно, с учетом специфики организации в них исправительной и предупредительной работы, обусловленной как реализуемыми задачами, так и установленными режимными требованиями. Указанное должно учитываться в ходе изучения тактических особенностей организации профилактического воздействия.

Существенные требования должны предъявляться к тактической стороне профилактики. Субъекты данной деятельности должны обучаться особенностям текущего и перспективного планирования мероприятий по борьбе с экстремистскими проявлениями, определению направлений и объема профилактического воздействия. Следует учитывать, что комплексность этой системы предполагает ее особую организацию как на ведомственном, так и на межведомственном уровне. Это предполагает взаимосвязь содержания тем соответствующих дисциплин рассматриваемых ведомств. Добиться этого можно путем формирования авторских коллективов для подготовки учеб-

но-методической продукции, а также посредством взаимного рецензирования рабочих программ учебных дисциплин. К перспективным направлениям можно отнести создание общей образовательной среды с применением интерактивных технологий [6, с. 389].

Основными общими точками соприкосновения в рамках межведомственной деятельности являются такие вопросы, как организация предупреждения экстремистских настроений в районе нахождения исправительных учреждений; проверка и профилактическое сопровождение общественных, религиозных организаций, принимающих участие в исправлении осужденных; обмен необходимой информацией, инициирование и проведение комплексных профилактических мероприятий; предупреждение возникновения чрезвычайных ситуаций соответствующего характера; организация постпенитенциарного предупреждения рецидива экстремистских форм деятельности и др.

В практических целях необходимы комплексные методические рекомендации, в которых следует предусмотреть вопросы организации межведомственного взаимодействия по предупреждению экстремистских настроений и преступлений экстремистского характера. На наш взгляд, в них можно интегрировать используемые в исправительных учреждениях коррекционные программы по работе с осужденными отмеченного типа, учитывая вопросы уровней, форм и методов осуществляемой деятельности, ее преемственность по ряду направлений.

Таким образом, проблемы подготовки сотрудников органов внутренних дел и уголовно-исполнительной системы к деятельности по противодействию экстремизму относятся к числу много-аспектных, требуют использования возможностей разнообразных учебных дисциплин. Учитывая природу экстремизма, задачи, определенные Концепцией общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденной Президентом России 14 ноября 2013 г., а также Стратегией противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г., утвержденной 28 ноября 2014 г., особое внимание следует уделять формированию компетенций, связанных со знаниями и умениями в области ранней профилактики этого опаснейшего явления.

Список литературы

1. О мерах по противодействию экстремизму и обеспечению общественной безопасности : постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 15 апреля 2015 г. № 139-СФ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 16. Ст. 2322.
2. Яворский М. А. Совершенствование деятельности УИС России как элемента государственного механизма противодействия экстремизму: правовые и организационные аспекты // Человек: преступление и наказание. 2013. № 1. С. 19–23.

3. Сысоев А. М. Характеристика исламской радикализации осужденных в исправительных учреждениях Российской Федерации // Человек: преступление и наказание. 2014. № 1. С. 92–95.
4. Спасенников Б. А., Цатуров А. В. Проблемы противодействия распространению религиозно-экстремистской идеологии в местах лишения свободы // Человек: преступление и наказание. 2014. № 2. С. 29–32.
5. Борисов С. В., Вагурич Д. В. Надзор за исполнением законов о противодействии экстремизму в молодежной среде // Законность. 2013. № 4. С. 9–14.
6. Чистотина О. Н. Дистанционное образование в Российской Федерации: понятие и вопросы правового регулирования // Методы обучения и организация учебного процесса в вузе : материалы IV Всерос. науч.-метод. конф. Рязань, 2015. С. 389–390.

DENIS EVGENEVICH NEKRASOV,

phd in law, associate professor,
head of the department, criminal law and criminology department
(the Ryazan branch of the V. Y. Kikot Moscow university
of the ministry of internal affairs of Russia),
e-mail: d_e_nekrasov@mail.ru

INTERINSTITUTIONAL ASPECTS OF THE TRAINING OF LAW ENFORCEMENT AND PENAL ENFORCEMENT OFFICERS ON THE SUBJECT OF THE COUNTER-EXTREMISM ACTIVITY OF CRIMINAL DISCIPLINES

Annotation: based on the analysis of the specifics of extremism and antiextremism activity, this article contains the arguments for specialized training of law enforcement and penal enforcement officers in the field of the counter-extremism activity.

It is concluded that criminal disciplines play an important role in obtaining the necessary knowledge and competences related to crime classification and crime prevention, in particular extremism classification and prevention.

In higher education systems of both above-noted agencies the curriculum includes such subjects as «Criminal Law» and «Criminology» approximately at a single rate. A number of specific aspects of the extremism prevention are studied in various special subjects. However, the author gives proof that they need the highest volume of knowledge notably in criminological sphere. In the process of cadets and students training it is important to study the urgent problems on the subject of the counter-extremism activity. The article provides an essential list of these ones. Attention is paid to the interdisciplinary links. The author proposes to divide extremism prevention types into three main groups: measures of main prevention of public mood including prevention of forming and dissemination of extremist beliefs and ideologies; measures aimed at the immediate termination of activity of juridical persons of extremist groups; purposeful prevention of appearance of extremist groups and their reinforcement.

Considering the complexity of the counter-extremism system it is essential to provide coordination between disciplines themes of above-noted agencies. This is possible in case of forming authoring teams for writing the education and methodic supplies and mutual review of the course programs. The creation of a common educational environment with the use of interactive technologies can be referred to a prospective line of development.

The author discovers common ground for the interinstitutional counter-extremism activity to take into account in the process of training and propose to draw up complex methodic recommendations which should include such issues as organization of the of interagency cooperation for the extremism crimes.

Key words: extremism, extremist crimes, prevention of extremist activities, specialist training on counter-extremism issues, interagency cooperation.

References

1. Postanovlenie Soveta Federatsii Federalnogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii ot 15 aprelja 2015 g. № 139-SF «O merah po protivodeystviyu ekstremizmu i obespecheniyu obschestvennoy bezopasnosti» [The Decision of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation from April, 15th, 2015, № 139-FC «Measures to combat extremism and to ensure public safety»]. Sbornik zakonodatelstva Rossiyskoy Federacii – Collected legislation of the Russian Federation, 2015. no. 16. art. 2322.

2. Yavorskiy M. A. Sovershenstvovanie deyatelnosti UIS Rossii kak elementa gosudarstvennogo mehanizma protivodeystviya ekstremizmu: pravovyye i organizatsionnyie aspekty [Improvement of Russian penal system as an element of state mechanism of counteraction to extremism: legal and organizational aspects]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2013, no. 1, pp. 19–23.

3. Syisoev A. M. Harakteristika islamskoy radikalizatsii osuzhdennyih v ispravitelnyih uchrezhdeniyah Rossiyskoy Federatsii [Characteristics of Islamic radicalization in prisons convicted of the Russian Federation]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2014, no. 1, pp. 92–95.

4. Spasennikov B. A., Tsaturov A. V. Problemyi protivodeystviya rasprostraneniyu religiozno-ekstremistskoy ideologii v mestah lisheniya svobody [Counteraction to the spread of religious extremist ideology in imprisonment places]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2014, no. 2, pp. 29–32.

5. Borisov S. V., Vagurin D. V. Nadzor za ispolneniem zakonov o protivodeystvii ekstremizmu v molodezhnoy srede [Supervision of the execution of the laws against extremism in the youth environment]. Zakonnost – Legality, 2013, no. 4, pp. 9–14.

6. Chistotina O. N. Distantionnoe obrazovanie v Rossiyskoy Federatsii: ponyatie i voprosyi pravovogo regulirovaniya [Distance Education in the Russian Federation: concept and legal regulation]. Materialy IV Vserossiyskoy nauchno-metodicheskoy konferentsii «Metodyi obucheniya i organizatsiya uchebnogo protsessa v vuze» [Proc. of the IV All-Russian Scientific Conference «Methods of teaching and the organization of educational process in high school»]. Ryazan, 2015, pp. 389–390.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

1. Общие положения

1.1. Настоящие требования разработаны с учетом критериев Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России для включения научных изданий в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, индексируемых систем цитирования Scopus, Российский индекс научного цитирования и являются обязательными к исполнению всеми авторами без исключения.

1.2. Каждый автор, подавший статью для опубликования в редакцию научного журнала «Человек: преступление и наказание» (далее – редакция, журнал соответственно), тем самым выражает свое согласие на указание в открытом свободном доступе на любых интернет-ресурсах, выбираемых по усмотрению редакции, на русском и английском языках его фамилии, имени, отчества, ученых звания и степени, должности, места работы и контактной информации (e-mail), названия, реферата, ключевых слов статьи и ссылок на использованные источники. При этом он несет ответственность за точность и достоверность предоставленных персональных данных, корректность их перевода на английский язык.

1.3. Все поступающие в редакцию статьи проходят обязательное рецензирование (экспертизу), авторам не возвращаются. Авторское вознаграждение не выплачивается. В случае принятия решения о невозможности публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

1.4. Редакция поддерживает связь с авторами только по указанной ими электронной почте (e-mail). При этом редакция не несет ответственности за недостоверность предоставленного ей адреса электронной почты и мер к поиску иных способов связи с авторами не предпринимает. В случае если автор не отвечает в течение более чем 1 месяца на запросы редакции, его статья снимается с публикации.

1.5. Плата за публикацию статей в журнале не взимается.

1.6. Статьи, представленные в редакцию с нарушением настоящих требований, к опубликованию не принимаются и возвращаются авторам на доработку.

2. Порядок представления статей

2.1. Статьи принимаются по адресу: 390036, г. Рязань, ул. Сенная, 1, редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России, тел.: (4912) 93-46-40 (факс), 93-82-42 – в распечатанном и электронном виде (по электронной почте (e-mail): editor62@yandex.ru).

2.2. Представляемый в редакцию электронный файл статьи должен быть назван по фамилии автора (авторов), например: «Петров.doc», «Петров, Иванов.doc»; графические файлы, прилагаемые к статье, – по фамилии автора (авторов) с указанием номера рисунка, например: «Петров. Рисунок 1.jpg», «Петров, Иванов. Рисунок 1.jpg».

2.3. Статьи адъюнктов, аспирантов, соискателей должны быть согласованы с научным руководителем автора. Такое согласование может быть выражено в виде положительной рецензии научного руководителя (представляется в распечатанном либо электронном виде) или его подписи в конце статьи с пометкой «Согласовано».

3. Требования к набору текста статьи

3.1. Текст статьи набирается в программе «Microsoft Word» в форматах «.doc», «.docx», на листе бумаги формата А4, шрифтом «Times New Roman (Сур)», 14-м кеглем, абзацный отступ – 1,25 см, через 1,5 интервала с полями: верхнее и нижнее – 2 см, левое – 3 см; правое – 1,5 см.

3.2. Объем статьи без учета фамилии, имени, отчества, ученых звания и степени, должности, места работы и контактной информации (e-mail) автора, названия, реферата, ключевых слов, ссылок на использованные источники, в том числе переведенных на английский язык, не должен превышать 10 страниц.

3.3. Графики, схемы, фотографии, рисунки, диаграммы, таблицы и другие графические материалы должны быть размещены по тексту статьи и представлены отдельными файлами в формате «.jpg» с разрешением не менее 300 dpi.

3.4. Текст статьи должен быть пронумерован. Колонцифры необходимо располагать по центру сверху. На первой странице статьи колонцифра не ставится.

3.5. В тексте статьи необходимо ставить пробел между фамилией и инициалами; использовать кавычки типа «елочка»; запрещается ставить принудительные (ручные) переносы.

3.6. Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «Пробел». Абзацный отступ следует устанавливать в меню «Формат → Абзац → Первая строка (Отступ – 1,25 мм)», выключку – «По ширине».

4. Требования к структуре статьи

4.1. Структура статьи должна состоять из следующих блоков:

4.1.1. Блок 1 на русском языке:

название статьи;
фамилия, имя, отчество автора (авторов);
ученые звание и степень автора (авторов), если имеются;
должность автора (авторов);
место работы автора (авторов);
контактная информация (e-mail) автора (авторов);
реферат статьи;
ключевые слова к статье.

4.1.2. Блок 2 на русском языке – полный текст статьи.

4.1.3. Блок 3 на русском языке – ссылки на литературные источники.

4.1.4. Блок 4 на английском языке:

название статьи;
фамилия, инициалы автора (авторов);
ученые звание и степень автора (авторов), если имеются;
должность автора (авторов);
место работы автора (авторов);
контактная информация (e-mail) автора (авторов);
реферат статьи;
ключевые слова к статье.

4.1.5. Блок 5 на английском языке – ссылки на литературные источники.

5. Требования к блоку 1 структуры статьи

5.1. Информация блока 1 представляется на русском языке.

5.2. Название статьи должно быть информативным.

5.3. В названии статьи не допускается использование каких-либо сокращений, в том числе общепринятых.

5.4. Фамилия, имя, отчество, ученые звание и степень, должность автора указываются полностью, без использования каких-либо сокращений, в том числе общепринятых.

5.5. Должность автора указывается по месту его основной работы.

5.6. Место работы автора приводится в соответствии с тем профилем организации, который имеется в индексируемой системе цитирования Российский индекс научного цитирования. В случае отсутствия такого профиля по усмотрению автора приводится официальное полное либо сокращенное наименование в соответствии с уставными документами той организации, где он работает.

5.7. Приводимая контактная информация (e-mail) должна обеспечивать связь любого желающего с автором.

5.8. При наличии у статьи нескольких авторов по их усмотрению указывается либо один e-mail для всех авторов, либо e-mail каждого автора.

5.9. При подготовке реферата к статье необходимо руководствоваться ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования».

5.10. Реферат должен выполнять следующие функции:

информировать об основном содержании статьи и определять ее релевантность таким образом, чтобы читатель мог решить, следует ли обращаться к полному тексту статьи;

устранять необходимость чтения полного текста статьи в случае, если она представляет для читателя второстепенный интерес.

5.11. Реферат должен представлять собой краткое и точное изложение содержания статьи, включающее основные фактические сведения и выводы описываемой работы.

5.12. Текст реферата должен быть лаконичным и емким, свободным от второстепенной информации, отличаться убедительностью формулировок.

5.13. Объем реферата должен включать не меньше 250 слов. Объем реферата определяется содержанием статьи (объемом сведений, их научной ценностью и практическим значением).

5.14. Реферат включает в себя следующие аспекты содержания статьи:

предмет, тему, цель работы (указываются в том случае, если они не ясны из названия статьи);

метод или методологию проведения работы (целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют интерес с точки зрения данной работы; в рефератах статей, описывающих экспериментальные работы, указывают источники данных и характер их обработки);

результаты работы (излагаются предельно точно и информативно; приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности; при этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение);

область применения результатов;

выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, раскрываемыми в статье).

5.15. В реферате допускается изменять последовательность изложения содержания статьи и начинать с изложения результатов работы и выводов.

5.16. Сведения, содержащиеся в названии статьи, не должны повторяться в тексте реферата. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание статьи, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в реферате не приводятся.

5.17. В тексте реферата:

следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций (не применяемых в научном английском языке);

сокращения и условные обозначения, кроме общеупотребительных, применяют в исключительных случаях или дают их определения при первом употреблении;

единицы физических величин следует приводить в международной системе СИ; допускается приводить в круглых скобках рядом с величиной в системе СИ значение величины в системе единиц, использованной в статье;

таблицы, формулы, чертежи, рисунки, схемы, диаграммы включаются только в случае необходимости, если они раскрывают основное содержание статьи и позволяют сократить объем реферата;

формулы, приводимые неоднократно, могут иметь порядковую нумерацию, причем нумерация формул в реферате может не совпадать с нумерацией формул в оригинале.

не допускаются ссылки на номер публикации в списке ссылок на литературные источники к статье.

5.18. Количество ключевых слов к статье должно составлять не менее 10. При этом они должны быть информативными и обеспечивать эффективный поиск этой статьи в любой базе данных.

6. Требования к блоку 2 структуры статьи

6.1. Информация блока 2 представляется на русском языке.

6.2. Автор должен логически последовательно излагать текст статьи в соответствии с содержанием темы, учитывая достижения современной науки и практики, опираясь на результаты собственных исследований и привлекая данные из других источников с целью более глубокого анализа рассматриваемых вопросов.

6.3. Автор несет ответственность за достоверность используемых им материалов, точность цитат, правильность ссылок на них.

6.4. В журнале используется затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Рекомендуемое количество ссылок – не более 10.

6.5. Ссылки на литературные источники в тексте статьи приводятся в квадратных скобках с указанием номера источника из пристатейного списка, приведенного в конце статьи: первая цифра – номер источника, вторая – номер страницы (при необходимости) например: [1, с. 21]. Если источник является многотомным или состоит из нескольких частей, указывается том или часть, например: [4, т. 1, с. 5], [12, ч. 2, с. 75].

7. Требования к блоку 3 структуры статьи

7.1. Информация блока 3 (ссылки на литературные источники) представляется на русском языке.

7.2. Ссылки на литературные источники приводятся в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

7.3. Название списка ссылок на литературные источники должно быть указано как «Список литературы».

7.4. Примеры ссылок на литературные источники:

Книги одного, двух и трех авторов

Фролов И. Т. Перспективы человека. Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1983. 349 с.

Волович Л. А., Тимофеев А. Н. Лекционная пропаганда: методика, опыт, мнения. Казань, 1984. 14 с.

Морозов Б. М., Фадеев В. Е., Шинкаренко В. В. Планирование идеологической, политико-воспитательной работы. М., 1984. 271 с.

2 книги одного автора

Лихачев Д. С. Образ города // Историческое краеведение в СССР: вопросы теории и практики : сб. науч. ст. Киев, 1991. С. 183–188; Его же. Окно в Европу – врата в Россию // Всемир. слово. 1992. № 2. С. 22–23.

Книги четырех и более авторов

Проблемы развития материально-технической базы социализма / В. Г. Сыч [и др.] ; под ред. С. П. Павлова. М., 1977. 231 с.

Монографии, учебники, учебные пособия

Чичерова Л. Е. Ответственность в семейном праве: вопросы теории и практики : монография / под науч. ред. В. А. Рыбакова. Рязань, 2005. 196 с.

Переводные издания

Гроссе Э., Григер Х. Химия для любознательных : пер. с нем. М., 1980. 392 с.

Гроссе Э., Григер Х. Химия для любознательных / пер. с нем. В. И. Петрова. М., 1980. 392 с.

Диссертации

Тальшинский Р. Р. Документализм в публицистике : дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. 203 с.

Авторефераты диссертаций

Стурова М. П. Воспитательная система исправительно-трудовых учреждений : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1991. 40 с.

Архивы

ЦГА г. Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Д. 405. Л. 19 об., 20, 21. Д. 408. Л. 21 об. Д. 413. Л. 26.

Аналитические обзоры

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья : аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. академия наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. М., 2007. 39 с.

Сборники научных трудов

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы : межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т ; под ред. С. Ф. Мартыновича. Саратов, 1999. 199 с.

Словари

Библиотечное дело : терминолог. слов. / сост. И. М. Сусллова, Л. Н. Уланова. 2-е изд. М., 1986. 224 с.

Статья из собраний сочинений

Маркс К., Энгельс Ф. Первый международный обзор // Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 224.

Статья из книги

Ковтун В. П. Теоретические аспекты воспитательного воздействия // Влияние организационно-структурных изменений в системе ИТУ на состояние и эффективность воспитательной работы. Домодедово, 1991. 124 с.

Статья из журнала, газеты, информационных периодических изданий

Поникаров В. А. Классификационная характеристика гарантий законности в административной деятельности сотрудников ФСИН России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 8. С. 38–40.

Статья из трудов, ученых записок

Морозова Т. Г. Организация и методика информационной работы // Тр. ин-та / Всесоюз. заоч. фин.-экон. ин-т. 1978. Вып. 19. С. 56–69.

Статья из материалов конференций, семинаров

Пшуков А. Ю. О нормировании рабочего дня // Научно-технический прогресс : тез. докл. Всерос. науч. конф. (Владимир, 21–22 сент. 1987 г.). М., 2000. С. 282–283.

Издание в целом

Книга о книгах : библиогр. пособие : в 3 т. М., 1969.

Есенин С. А. Собрание сочинений : в 5 т. М., 1966–1968. Т. 1–5.

Отдельный том

Пивинский Ю. Е. Неформованные огнеупоры: в 2 т. М., 2003. Т. 1. Кн. 2 : Общие вопросы.

Стандарты

ГОСТ 7.9–77. Реферат и аннотация. М., 1981. 6 с.

Патентные документы

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент Рос. Федерации № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

Депонированные научные работы

Размустова Т. О. Историко-краеведческие исследования музеев Центрально-Черноземного региона (1917–1940 гг.). М., 1987. 53 с. Деп. в ИНИОН АН СССР 01.12.87. № 31909.

Федеральные законы

О борьбе с терроризмом : федер. закон от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31. Ст. 3808.

О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : федер. закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ // Сб. законов Рос. Федерации. М., 1999. С. 412.

Законы

Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы : закон Рос. Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Рос. Федерации и Верховного Совета Рос. Федерации. 1993. № 33. Ст. 1316, 1317.

Указы

О передаче уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации в ведение Министерства юстиции Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 28 июля 1998 г. № 904 // Рос. газ. 1998. 29 июля.

Постановления

Об утверждении Положения о Межведомственной антитеррористической комиссии Российской Федерации : постановление Правительства Рос. Федерации от 6 января 1997 г. № 45 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 4. Ст. 547.

Приказы

О совершенствовании организации деятельности отрядов специального назначения Главного управления исполнения наказаний Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ Министерства внутренних дел Рос. Федерации от 12 апреля 1994 г. № 114.

Положения

Положение о Министерстве внутренних дел Российской Федерации // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 30. Ст. 3605. П. 9.

Интернет-документы

Официальные периодические издания : электрон. путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005–2007. URL : <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007). (Если в тексте данная публикация уже названа, возможна ссылка в виде его электронного адреса <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html>.)

Кашуба Ю. А. Уголовно-исполнительная политика России: новые вызовы [Электронный ресурс] // Международный пенитенциарный журнал. 2015. № 1 (1). URL : <http://www.ipj.su/2015-1-articles/83-2015-1-03-kashuba> (дата обращения: 30.05.2015).

Российская книжная палата : [сайт] // URL : <http://www.bookchamber.ru>.

Содружество Независимых Государств // Википедия [2002–2016]. Дата обновления: 30.01.2016. URL : (дата обращения: 30.01.2016).

Об общественных объединениях : федер. закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ // КонсультантПлюс: справ.-прав. система [Электронный ресурс]. URL : <http://www.consultant.ru/popular/obob> (дата обращения: 10.09.2010).

8. Требования к блоку 4 структуры статьи

8.1. Информация блока 4 представляет собой перевод на английский язык сведений блока 1 по правилам, установленным в пунктах 8.2–8.7 настоящих требований.

8.2. Фамилия и инициалы автора (авторов) приводятся согласно одной из принятых систем международной транслитерации. Наиболее распространенные системы транслитерации приведены в таблице:

Простая система		Система Библиотеки Конгресса США (LC)		Система Board of Geographic Names (BGN)		Система Госдепартамента США	
Буква	Транслитерация	Буква	Транслитерация	Буква	Транслитерация	Буква	Транслитерация
А	A	А	A	А	A	А, а	A
Б	B	Б	B	Б	B	Б, б	B
В	V	В	V	В	V	В, в	V
Г	G	Г	G	Г	G	Г, г	G
Д	D	Д	D	Д	D	Д, д	D
Е	E	Е	E	Е	E, YE	Е, е	E, YE
Ё	E	Ё	E	Ё	E, YE	Ё, е	E, YE
Ж	ZH	Ж	ZH	Ж	ZH	Ж, ж	ZH
З	Z	З	Z	З	Z	З, з	Z
И	I	И	I	И	I	И, и	I
й	Y	й	I	й	Y	Й, й	Y
К	K	К	K	К	K	К, к	K
Л	L	Л	L	Л	L	Л, л	L
М	M	М	M	М	M	М, м	M
Н	N	Н	N	Н	N	Н, н	N
О	O	О	O	О	O	О, о	O
П	P	П	P	П	P	П, п	P
Р	R	Р	R	Р	R	Р, р	R
С	S	С	S	С	S	С, с	S
Т	T	Т	T	Т	T	Т, т	T
У	U	У	U	У	U	У, у	U
Ф	F	Ф	F	Ф	F	Ф, ф	F
Х	KH	Х	KH	Х	KH	Х, х	KH
Ц	TS	Ц	TS	Ц	TS	Ц, ц	
Ч	CH	Ч	CH	Ч	CH	Ч, ч	CH
Ш	SH	Ш	SH	Ш	SH	Ш, ш	SH
Щ	SCH	Щ	SHCH	Щ	SHCH	Щ, щ	SHCH
Ъ	Опускается	Ъ	"	Ъ	"	Ъ	Опускается
Ы	Y	Ы	Y	Ы	Y	Ы	Y
Ь	Опускается	Ь	'	Ь	'	ь	Опускается
Э	E	Э	E	Э	E	Э, э	E
Ю	YU	Ю	IU	Ю	YU	Ю, ю	YU
Я	YA	Я	IA	Я	YA	Я, я	YA

8.3. Допускается пользоваться различными программами транслитерации русского текста в латиницу, используемыми описанные в пункте 8.2 настоящих требований системы, например на сайте <http://www.translit.ru/>.

8.4. Авторам следует придерживаться указания одного способа транслитерации своих фамилии, инициалов и одного места работы, поскольку данные о принадлежности организации (аффилировании) являются одним из основных определяющих признаков для идентификации автора.

8.5. Место работы автора приводится в соответствии с тем профилем организации, который имеется в индексируемой системе цитирования Scopus. В случае отсутствия такого профиля указывается офици-

альное англоязычное наименование в соответствии с уставными документами той организации, где работает автор статьи.

8.6. При переводе на английский язык ученого звания, степени, должности, названия, реферата, ключевых слов статьи следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов. Необходимо избегать употребления сокращений, кроме общеупотребительных (в том числе в англоязычных специальных текстах), терминов, являющихся прямой калькой русскоязычных терминов, непереводаемого сленга, известного только русскоговорящим специалистам.

8.7. В переводе на английский язык ученого звания, степени, должности, названия, реферата, ключевых слов статьи не должно быть никаких транслитераций с русского языка, кроме непереводаемых названий собственных имен, приборов и других объектов, имеющих собственные названия.

9. Требования к блоку 5 структуры статьи

9.1. Информация блока 5 представляет собой перевод на английский язык сведений блока 3 (ссылок на литературные источники) по правилам, установленным в пунктах 9.2–9.6 настоящих требований.

9.2. Название списка ссылок на литературные источники должно быть указано как «References».

9.3. Структуру библиографической ссылки следует оформлять следующим образом: авторы (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация) [перевод названия источника на английский язык – парафраз], выходные данные с обозначениями на английском языке.

9.4. При переводе библиографических ссылок на английский язык предпочтение следует отдавать системе транслитерации Библиотеки Конгресса США (LC).

9.5. При составлении библиографических ссылок на английском языке необходимо учитывать следующее: представление в References только транслитерированного (без перевода) описания недопустимо; при описании изданий, подготовленных коллективом авторов (сборников, монографий и пр.) допускается указывать одного, максимум двух авторов издания;

для неопубликованных документов можно делать самое короткое название с указанием в скобках (Unpublished), если оно имеет авторство (для учета ссылок автора), либо «Unpublished Source» или «Unpublished Report», если авторство в документе отсутствует;

поскольку русскоязычные источники трудно идентифицируются зарубежными специалистами, рекомендуется в описаниях оригинальное название источника выделять курсивом, как в большинстве зарубежных стандартов;

нежелательно в ссылках делать произвольные сокращения названий источников;

все основные выходные издательские сведения (в описаниях журнала: обозначение тома, номера, страниц; в описаниях книг: место издания – город, обозначение издательства, кроме собственного непереводаемого имени издательства – оно транслитерируется) должны быть представлены на английском языке;

в описаниях русскоязычных учебников, учебных пособий не нужно указывать вид изданий. Эта информация в ссылках в данном случае является избыточной;

в выходных данных публикаций в ссылках (статей, книг) необходимо указывать количество страниц публикации: диапазон страниц в издании – «pp.» перед страницами; количество страниц в полном издании – «p.» после указания количества страниц;

перевод заглавия статьи или источника берется в квадратные скобки;

если книга в списке ссылок на литературные источники (в любом варианте – основном или в References) описывается полностью, тогда в библиографическом описании должен быть указан полный объем издания, независимо от того, какие страницы этого издания были процитированы в тексте. Исключение составляют случаи, когда используются отдельные главы из книги; в этом варианте в списке литературы дается описание главы с указанием страниц.

9.6. Примеры перевода на английский язык ссылок на литературные источники:

Статья из журнала

Абакумова И. В., Ермаков П. Н. О становлении толерантности личности в поликультурном образовании // Вопросы психологии. 2003. № 3. С. 72–82.

Abakumova I. V., Ermakov P. N. O stanovlenii tolerantnosti lichnosti v polikul'turnom obrazovanii [On the issue of the person's tolerance formation in polycultural education]. Voprosy Psichologii – Approaches to Psychology, 2003, no. 3, pp. 78–82.

Статья из электронного журнала

Яхьяев М. Я. Религиозно-политический экстремизм на Северном Кавказе: проблемы предупреждения. URL : <http://mirkavkazu.sfedu.ru> (дата обращения: 16.03.2013).

Yakhyayev M. Ya. Religious and political extremism in the North Caucasus: prevention problems. Available at : <http://mirkavkazu.sfedu.ru> (Accessed 16 March 2013).

Материалы конференций

Горбатов В. Ф. Хаос, эмерджентность и феномены самоорганизации-самообучения // Состояние и перспективы развития высшего образования в современном мире : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Сочи, 12–13 сент. 2012 г.) / под ред. Г. А. Берулавы. Сочи, 2012. С. 156–160.

Gorbatyuk V. F. Haos, jemerdzhentnost' i fenomeny samoorganizacii-samoobuchenija [Chaos, emergence and the phenomena of self-organization and self-education]. Materialy dokladov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Sostojanie i perspektivy razvitija vysshego obrazovanija v sovremennom mire» [Proc. the International Scientific Conference «The state and prospects of higher education in the modern world»]. Sochi, 12–13 September, 2012, pp. 156–160.

Книга (монография, сборник)

Михайлова О. Ю., Целиковский С. Б. Сексуальная агрессия: норма и социальная патология. М., 2008. 200 с.

Mikhaylova O. Yu., Tselikovskiy S. B. Seksual'naja agresiiia: norma i sotsial'naia patologiiia [Sexual aggression: norm and social pathology]. Moscow, 2008. 200 p.

Абакумова И. В. Смыслодидактика : учебник. М., 2008. 386 с.

Abakumova I. V. Smyslodidaktika [Sense didactics]. Moscow, 2008. 386 p.

Асмолов А. Г. Толерантность: от утопии к реальности // На пути к толерантному сознанию. М., 2000. С. 4–7.

Asmolov A. G. Tolerantnost' : ot utopii k real'nosti. Na puti k tolerantnomu soznaniyu [Tolerance: from utopia to reality. On a way to tolerant consciousness]. Moscow, 2000, pp. 4–7.

Мясищев В. Н. Структура личности и отношения человека к действительности // Психология личности. Тексты / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузырея. М., 1982. С. 35–38.

Myasishchev V. N. Struktura lichnosti i otnosheniye cheloveka k deystvitel'nosti [The personality structure and the person's attitude to reality]. Moscow, 1982, pp. 35–38.

Диссертация, автореферат диссертации

Абакумова И. В. Личностный смысл как педагогический фактор и его использование в учебном процессе : дис. ... канд. пед. наук. Ростов-н/Д, 1989. 250 с.

Abakumova I. V. Lichnostnyy smysl kak pedagogicheskiy faktor i yego ispol'zovaniye v uchebnoy protsesse. Diss. dokt. ped. nauk [Personal sense as a pedagogical factor and its using in the educational process. Dr. ped. sci. diss]. Rostov-on-Don, 1989. 250 p.

Нормативные документы

Об уголовной ответственности за государственные преступления : закон СССР от 25 декабря 1958 г. URL : <http://bestpravo.ru/ussr> (дата обращения: 03.04.2013).

Zakon SSSR «Ob ugolovnoi otvetstvennosti za gosudarstvennye prestupleniia» ot 25.12.1958 [The law of USSR «On criminal responsibility for state crimes» from 25 December, 1958]. Available at : <http://bestpravo.ru/ussr> (Accessed 3 April 2013).

О следственном комитете Российской Федерации : федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ // Закон и порядок. 2012. № 2. С. 5–7.

Federal'nyi zakon ot 28 dekabria 2010 g. № 403-F3 «O sledstvennom komitete Rossiiskoi federatsii» [The federal law from December, 28th, 2010, № 403-FL «On the committee of inquiry of the Russian Federation». Zakon i poriadok – Law and Order, 2012, no. 2, pp. 5–7.